

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БЕСТСЕЛЛЕР

ИРЛАНДИЯ

— РОМАН —

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

От автора
романов-бестселлеров
«ПАРИЖ» и «ЛОНДОН»

The Big Book

Эдвард Резерфорд
Ирландия

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Резерфорд Э.

Ирландия / Э. Резерфорд — «Азбука-Аттикус», 2003 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-13207-8

Это захватывающий рассказ о любви и войне, семейной жизни и политических интригах на протяжении одиннадцати столетий. Живо описывая страсти и борьбу, Резерфорд рисует главные этапы ирландской истории: племенную культуру языческой Ирландии; миссию святого Патрика; вторжение викингов и основание Дублина; создание культурных сокровищ вроде Книги Келлса; попытки Генриха II колонизовать средневековую Ирландию. Благодаря перекрещивающимся историям запоминающихся героев – друидов и вождей, монахов и контрабандистов, вельмож и жен фермеров, рабочих и сирот, бунтовщиков и трусов, – Резерфорд создает волнующую книгу, пропитанную трагедией и славой Ирландии. Это роман для всех тех, кто побывал в Ирландии и полюбил эту страну. Эта книга для всех тех, кому еще предстоит там побывать. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13207-8

© Резерфорд Э., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Предисловие	9
Пролог	10
Дублинн	13
Тара	63
Патрик	91
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Эдвард Резерфорд Ирландия

Edward Rutherfurd

THE PRINCES OF IRELAND

Copyright © 2004 by Edward Rutherfurd

All rights reserved

Карты выполнены Юлией Каташинской

© Т. Голубева, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

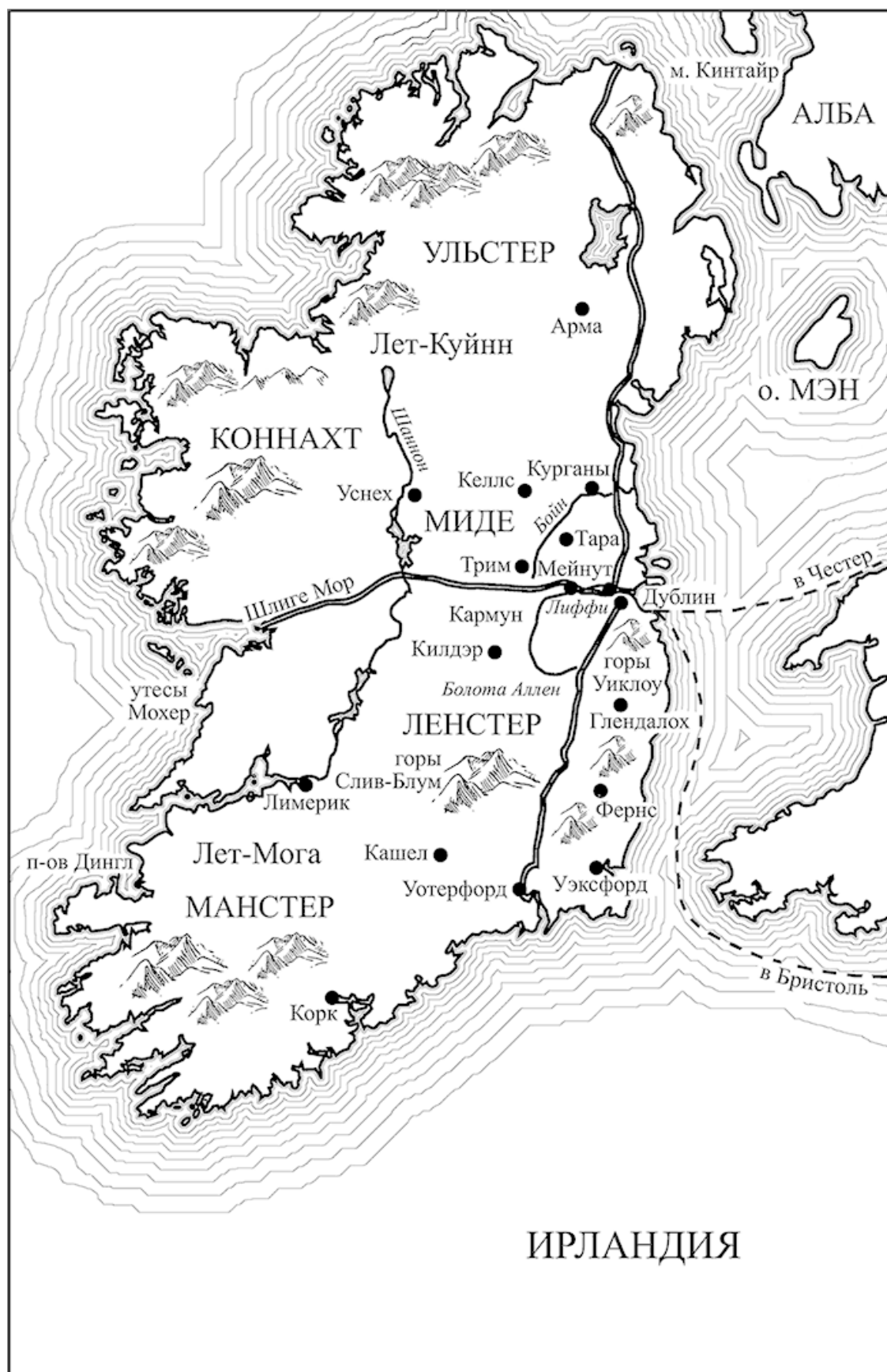
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

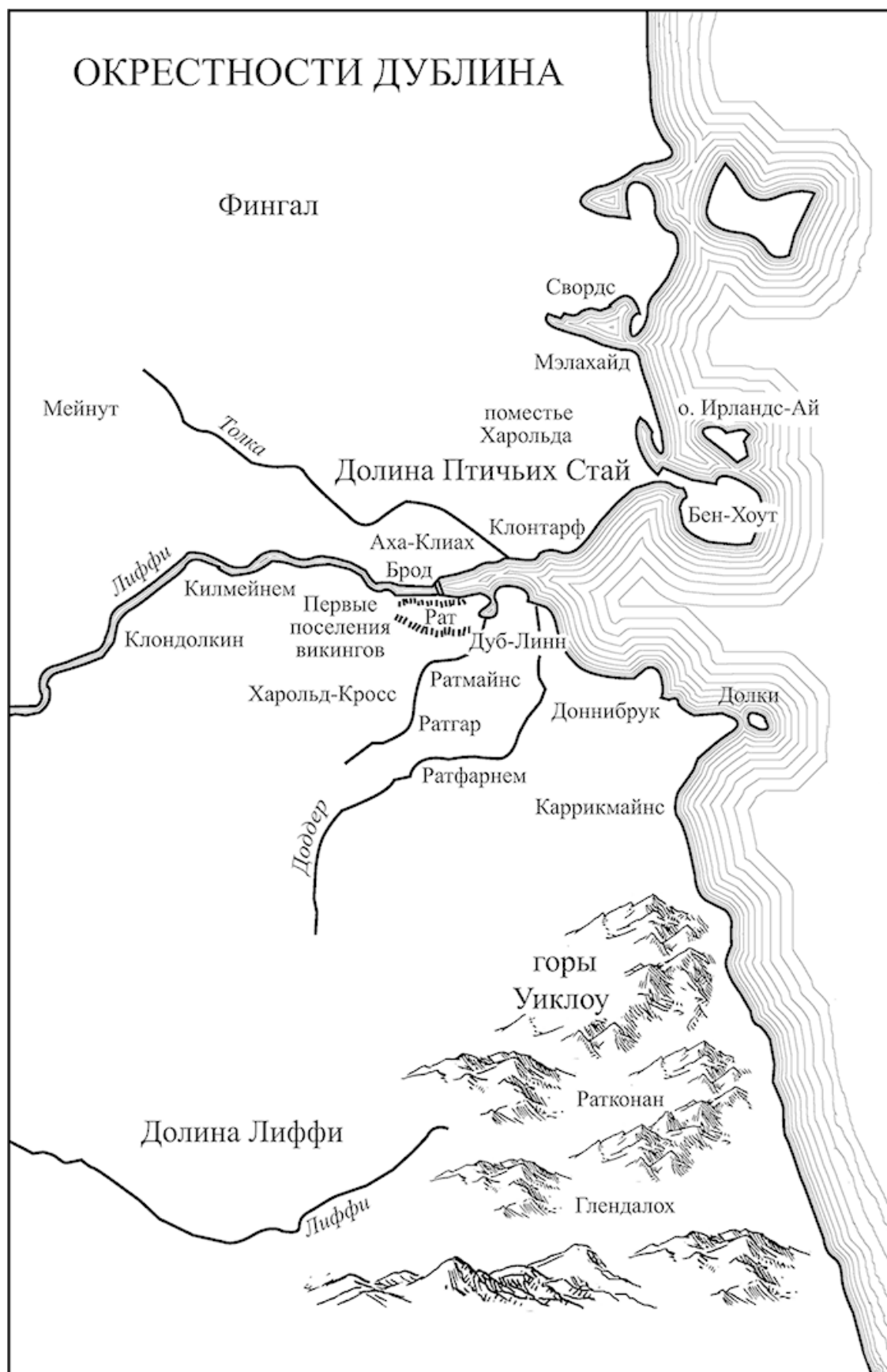
Издательство АЗБУКА®

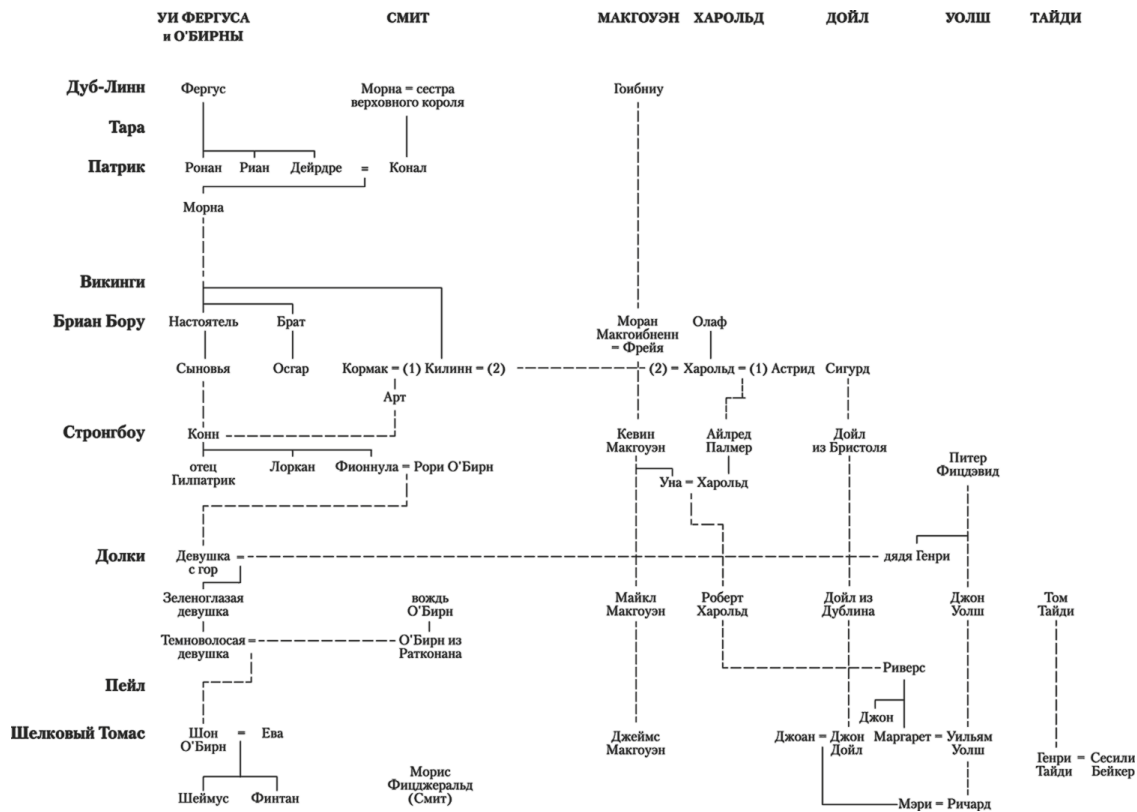
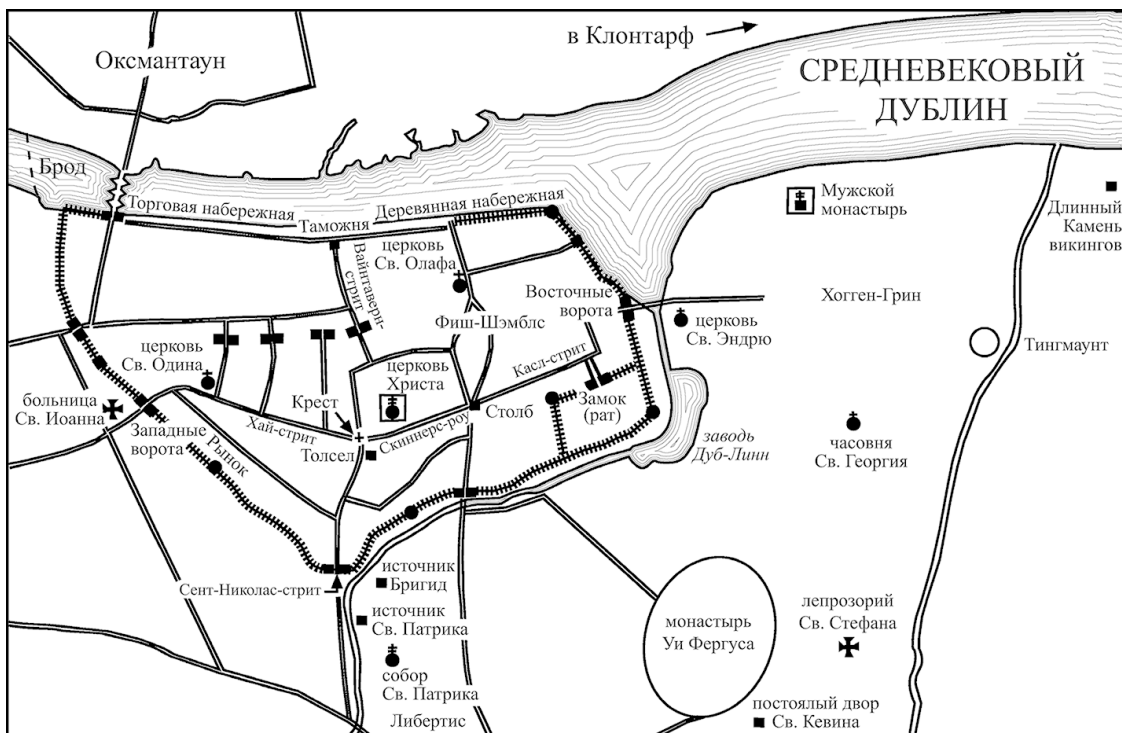
* * *

Посвящается Сюзан, Эдварду и Элизабет

Предисловие

Эта книга, в первую очередь, роман. Все персонажи, чьи судьбы прослеживаются в ней на протяжении поколений, выдуманы, но, рассказывая их истории, я помещал своих персонажей среди людей и событий, которые либо действительно существовали, либо могли существовать. Исторический контекст в тех случаях, когда он известен, приведен достоверно, если же возникали сомнения в его толковании, я старался найти наиболее точный путь для его отражения или прибегал к усредненному мнению лучших из современных ученых. Иногда, чтобы облегчить повествование, приходилось слегка корректировать самые запутанные события, однако таких исправлений немного, и ни одно из них не искажает историю.

В последние десятилетия интерес к истории Ирландии в целом и к истории Дублина в частности заметно вырос. За время обширных исследований, которые потребовались для написания этой книги, мне выпала честь работать с некоторыми из самых выдающихся ирландских ученых. Они щедро делились со мной своими знаниями и исправляли мои ошибки, и я искренне признателен им за их неоценимую помощь. Благодаря новейшим научным открытиям подход к ирландской истории был отчасти пересмотрен, вследствие чего многие читатели найдут для себя в моем романе немало сюрпризов. Для тех, кто захочет узнать больше, я сделал несколько дополнительных замечаний в послесловии к этому тому.

Ирландские имена, географические названия и специальные термины приведены мной в их самых простых и привычных формах. В современных изданных в Ирландии книгах для обозначения долготы гласных используется знак фада, а также некоторые другие символы для указания правильного произношения. Однако для многих читателей вне Ирландии такая форма написания может оказаться не слишком удобной, поэтому в романе я решил ее не использовать.

Пролог

Изумрудное солнце

Давным-давно. Задолго до прихода святого Патрика. Еще до появления кельтских племен. До того как возник гэльский язык. В ту пору, когда ирландские боги еще даже не расстались со своими именами.

Пусть и не всегда достоверные, и все же доказательства есть. Земля сохранила свидетельства их присутствия. К тому же можно призвать на помощь воображение, как делали люди с давних пор, когда только начали слагать легенды.

В те древние времена обычным зимним утром произошло одно незначительное событие. Это нам известно. Такое, должно быть, случалось много раз – год за годом и, можно предположить, век за веком.

Зима. Ясное, бледно-лазоревое небо перед рассветом. Вот-вот из моря поднимется солнце. На восточном побережье острова уже виднеется вдоль горизонта его золотистое сияние.

Это был день зимнего солнцестояния, самый короткий день в году. Если в то далекое время год на острове и начинался с какого-то определенного дня, нам это, к сожалению, не известно.

На самом деле этот остров был одним из двух островов, расположенных возле Атлантического побережья Европейского континента. Когда-то, тысячи лет назад, оба острова, скованные великим белым покоем последней ледниковой эпохи, смыкались между собой каменной насыпью, которая тянулась от северо-восточного края меньшего, западного острова к верхней части его соседа, который, в свою очередь, известковым перешейком соединялся на юге с континентом. Однако в конце ледникового периода воды тающей Арктики хлынули на сушу и затопили каменную насыпь, а потом снесли и известковый перешеек, сотворив таким образом в море два отдельных острова.

Промежуток между ними был совсем небольшим. Затонувшая насыпь от западного острова, который однажды стал именоваться Ирландия, до британского мыса Кинтайр простиралась всего на дюжину миль, а расстояние между белыми утесами Юго-Восточной Англии и Европейским континентом едва превышало двадцать.

Вполне ожидаемо напрашивалось предположение, что два этих острова должны быть очень похожи. И в каком-то смысле так и было. Однако имелись и едва уловимые различия. Разделенные в результате наводнения, они очень медленно выходили из-под влияния сурового арктического климата. Растения и животные еще только возвращались сюда с более теплого юга. А когда каменная дорога погрузилась в воду, некоторые виды, которые едва добрались до южной части большего, восточного острова, на западный перебраться не успели. Поэтому, в то время как дубы, орешник и ясени в изобилии росли на обоих островах, белая омела большого распространения в Ирландии не получила. И по той же самой благословенной причине, когда Британию заволокли змеи, включая ядовитых гадюк, здесь никаких змей не было.

Большую часть острова, замершего в ожидании рассвета, в то время занимали густые леса и обширные болота. Величественные горные хребты сменялись живописными долинами. Здесь текло множество рек, богатых лососем и прочей рыбой, и самая длинная из них после долгих блужданий по цепи озер и протоков в центральной части острова впадала в Атлантику на западе. Но любого, кто оказывался здесь впервые, больше всего поражали две неповторимые приметы этих мест.

Первой были камни. Повсюду – на полянах в дремучем лесу или на открытых склонах холмов – виднелись мерцающие таинственным сиянием кварца каменные выступы, которые вытолкнула из своих недр сама земля. И в глубине некоторых удивительных камней прятались золотые прожилки, благодаря чему протекающие рядом ручьи буквально полнились золотой взвесью и золотой галькой.

Второй приметой был поразительный цвет здешних пейзажей. Был ли тому причиной влажный ветер с Атлантики, или мягкое тепло Гольфстрима, или в здешних широтах как-то по-особенному падал свет, а может, эти и другие условия дополняли друг друга, но растительность на этом острове всегда была невероятного изумрудно-зеленого цвета, какой не найти больше нигде. Возможно, именно это сочетание изумрудной зелени и льющегося золота издревле создало западному острову славу места, где обитают магические духи.

А что же за люди жили на изумрудном острове? До кельтских племен более поздних веков имена людей, прибывших сюда, сохранились лишь в легендах, которые повествовали о потомках Кесайр, Партолона, Немед, Фир Болг и Туата де Данаан. Но принадлежали ли эти имена действительно жившим здесь людям или их древним богам, а быть может, и тем и другим, сказать мудрено. После ледникового периода в Ирландии жили охотники. Потом земледельцы. В этом можно не сомневаться. Как и в том, что люди прибывали сюда из разных мест. И, подобно жителям других частей Европы, обитатели острова знали, как строить из камня, ковать оружие из бронзы и лепить красивую посуду из глины. Еще они торговали с купцами, которые приезжали даже из далекой Греции.

И конечно же, они делали украшения из золота, которым был так богат остров. Ожерелья, браслеты из крученой золотой нити, серьги, броши с золотой чеканкой – ирландские золотых дел мастера превосходили своим умением почти всех в Европе. Пожалуй, в своем деле они были настоящими чудесниками.

Солнце уже почти показалось над горизонтом, и совсем скоро его величавый путь озарится золотым сиянием на спокойной глади моря.

Примерно у середины восточного побережья, обрамленный двумя мысами, простирался чудесный залив. С южного мыса была видна тянущаяся вдоль берега цепь холмов, и среди них две небольшие горы, которые своими изящными очертаниями скорее напомнили бы заезжему путешественнику теплые края Южной Италии. За северным мысом лежала огромная равнина, уходящая к дальним горам возле затонувшего перешейка, что некогда соединял остров с его восточным соседом. Рядом с устьем реки залив изрезали многочисленные песчаные наносы и отмели.

Наконец из-за линии горизонта, рассылая золотистый свет через морские волны, показался сияющий диск солнца. И когда его лучи пронесли над вершиной северного мыса и устремились к лежащей за ним долине, они встретились с ответной вспышкой, как будто где-то на земле стоял огромный мощный отражатель. Эта вспышка, безусловно, заслуживает особого внимания. Потому что сотворил ее некий примечательный объект, созданный руками Человека.

Милях в двадцати пяти к северу от залива с запада на восток протекала еще одна прекрасная река. Она бежала через плодородную долину, поросшую сочной зеленью. Именно на пологом склоне северного берега этой реки жители острова и возвели несколько крупных и весьма внушительных сооружений, главное из которых только что озарило небо ослепительной вспышкой.

Гигантские, заросшие травой курганы не шли ни в какое сравнение с неуклюжими земляными насыпями. Гладкие круглые обводы и широкие выпуклые кровли явно говорили об их сложнейшем внутреннем устройстве. В основании курганов лежали огромные монолиты с вырезанными на них кругами, зигзагами и загадочными тройными спиралями. Но самое

поразительное: вся поверхность, обращенная на восток, была выложена белым кварцем, и эта огромная, испещренная орнаментом кристаллическая стена, принимая первые лучи солнца в тот ясный день зимнего равноденствия, искрилась мерцающим сиянием и выпускала отраженный свет обратно в небо.

Кто возвел эти курганы над тихими, плавно скользящими водами реки, доподлинно не знает никто. И для чего их построили, тоже не известно. Известно лишь, что под ними древние хоронили своих вождей. Но кто лежит в этих могилах и были ли духи умерших милостивы или жестоки, остается лишь гадать. Однако они покоятся там, далекие предки жителей острова, и духи их ждут.

При этом и сами огромные курганы, и склепы внутри них были святилищами, которые в определенные времена служили для связи с божественными таинственными силами Вселенной, принесшей на землю космическую жизнь. И именно по этой причине в течение ночи, которая только что завершилась, дверь святилища была открыта.

Да, дверь, потому что в центре сверкающего кварцевого фасада находился тесный проход, отмеченный с двух сторон вертикально стоящими каменными глыбами; сразу за ним начинался узкий прямой коридор, также выложенный массивными камнями, который вел в самое сердце огромного кургана и заканчивался во внутреннем помещении, имеющем форму трилистника. И снаружи, и в коридоре, и в дальней крестообразной комнате, служившей, вероятно, для погребения, многие камни были покрыты теми же загадочными узорами. А сам узкий коридор был так точно направлен на точку восхода в день зимнего солнцестояния, что лик светила, поднявшись над горизонтом, заглянул прямо в дверь, и его теплые лучи промчались по темному коридору до самого конца.

Теперь пылающий диск уже поднялся в небо, его лучи рассыпались над заливом, над берегами острова, упав и на зимний лес, и на маленькие поляны, которые при их касании внезапно озарялись золотым сиянием. А лучи скользили все дальше, за речную долину, к сверкавшему кварцем кургану, и свет, отраженный от него, ложился на зеленые холмы, отчего и сам курган становился похожим на невиданное изумрудное солнце.

Было ли нечто холодное и пугающее в этом зеленом сиянии, когда солнечные лучи провалились сквозь портал в темный коридор, уходящий вглубь кургана? Возможно.

Но пока происходило нечто удивительное. Потому что солнце в своем неспешном восхождении бросало лучи в это хитроумное сооружение, и они, словно полностью утратив свою обычную стремительность, спокойно и неторопливо, не быстрее ползущего ребенка, крались вдоль коридора, фут за футом, роняя по пути мягкий свет на камни, пока наконец не достигли комнаты-трилистника в самом центре. И там, снова набрав скорость, они вспыхнули на камнях, кружась в быстром танце и принося свет, тепло и жизнь в зимний склеп.

Дублинн

430 год

I

Лугнасад. Середина лета. Близилось время сбора урожая. Стоя возле изгороди, Дейдрре смотрела на оживленные приготовления. День предстоял веселый, но ей он сулил лишь страдания. И все потому, что ее дорогой отец и этот одноглазый человек собирались ее продать. А она никак не могла им помешать.

Конала девушка поначалу даже не заметила.

По обычаю в состязаниях мужчины участвовали обнаженными. Традиция эта пришла из глубокой древности. Еще много веков назад римляне заметили, что кельты презирают нагрудные кирасы и предпочитают сражаться без доспехов. Один только вид грозных воинов с мускулистыми, раскрашенными яркой краской телами, зачесанными наверх гребнями волос и искаженными яростью лицами внушал ужас даже закаленным в боях римским legionерам. Иногда несущиеся в колесницах кельтские воины надевали короткие плащи, и они развевались за их спинами, а в некоторых частях Римской империи кельтские всадники носили укороченные штаны. Но здесь, на западном острове, традиция наготы распространилась на церемониальные скачки, и на молодом Конале не было ничего, кроме небольшой защитной повязки на бедрах.

Великий праздник Лугнасад отмечался в Кармуне, месте довольно мрачном и жутковатом, раз в три года. Среди диких лесов и болот раскинулся пустынный зеленый луг, который тянулся почти до самого горизонта. Чуть вдалеке, на западе, если идти вверх по течению, где Лиффи поворачивала на восток, к своему истоку в горах Уиклоу, земля была равнинной, если не считать нескольких курганов с захоронениями древних вождей. Праздник продолжался неделю. Гостей угощали вкусной едой, в отдельных выгородках продавали скот и нарядную одежду, но, конечно же, главное место было отведено под широкую дорожку для состязаний, проложенную поверх дерна.

В ожидании пышного зрелища вокруг дорожки собралось множество зрителей. Каждый клан держался отдельно, рядом со своими шатрами или временными хижинами. И мужчины, и женщины были в ярких накидках – алых, синих или зеленых. На шеях мужчин висели великолепные золотые торки, ну а женщины, разумеется, щеголяли самыми разными украшениями. У некоторых мужчин тело и лицо были разрисованы синей краской; кто-то оставил волосы распущенными, кто-то зачесал их наверх, смазав раствором извести и уложив в воинственные острые пики, напоминающие всклокоченную конскую гриву. Повсюду стояли роскошные боевые колесницы. Лошади до начала состязаний оставались в стойлах. На поле горели костры, и медоречивые барды рассказывали возле них свои предания. Только что прибыла группа фокусников и акробатов. Со всех сторон слышались струнный перезвон, свист дудочек и волюнок; запах жареного мяса и медовых пряников наполнял летний воздух, смешиваясь с легким дымом костров. А на церемониальном холме возле скаковой дорожки восседал король Ленстера, главный распорядитель праздника.

С давних времен остров был поделен на четыре самостоятельные провинции. Воинственные жители королевства Улад обитали в северной части. Край чудесных озер и скалистых диких берегов, прозванный землей друидов, расположился на западе. Мума, самое южное королевство острова, прославилось своей музыкой. Там же, как гласит легенда, Сыновья Миля впервые встретились с богиней Эриу. И наконец, на востоке острова, среди сочных пастбищ и

плодородных полей, издавна поселились племена лагенов. Так остров делился с незапамятных времен, и до нынешней поры, правда уже с измененными названиями, это деление на Ульстер, Коннахт, Манстер и Ленстер сохранилось.

Впрочем, спокойной жизнь на западном острове не была никогда. За последние поколения в древних племенах произошли большие перемены. Могущественные кланы, обитавшие в северной половине острова – Лет-Куйнн, «половине Конна», как ее называли, пожелали установить свое владычество над его южной половиной – Лет-Мога. А еще появилось новое, срединное королевство Миде, и с тех пор остров стал делиться уже не на четыре, а на пять частей.

В каждой части самый могущественный из всех вождей кланов объявлялся королем, и иногда наиболее властный из них провозглашал себя верховным королем и требовал, чтобы все остальные признали его господство и платили ему дань.

Взглянув на своего друга, Финбар покачал головой. День был в самом разгаре, и Конал готовился к скачкам.

– Мог бы хоть улыбнуться, – заметил Финбар. – Какой ты все-таки мрачный, Конал.

– Извини, – откликнулся тот. – Я не нарочно.

Как же нелегко приходится знатным людям, подумал Финбар. Боги уделяют им слишком много внимания. Так было всегда в кельтском мире. Вороны кружат над домом, возвещая о смерти вождя клана, лебеди покидают озеро. Неверный поступок короля может повлиять на погоду. А если ты принц, друиды предсказывают твое будущее еще до твоего появления на свет, и никто не в силах изменить твою судьбу.

Стройный темноволосый красавец с орлиным профилем, Конал был идеальным принцем. Принцем по крови. Конал сын Морны. Его отец был непревзойденным воином. Разве его не похоронили стоя, в кургане героя, лицом к врагам его племени? Это была высшая честь, которую только можно было воздать умершему мужчине в кельтском мире.

В роду отца Конала красный цвет считался несчастливый для всех мужчин. Но то была лишь малая толика всех бед, что ждали Конала. Он родился через три месяца после смерти своего отца. Это уже сделало его особенным. Названным отцом стал верховный король, который был братом его матери. А это означало, что с тех самых пор весь остров знал о его существовании. А потом свое слово сказали друиды.

Первый из них показал младенцу веточки разных деревьев, и дитя тут же протянуло крохотную ручку к ветке орешника.

– Он станет поэтом и ученым, – заявил друид.

Предсказание второго звучало более мрачно:

– Из-за него погибнет прекрасный воин.

Но поскольку произойти это могло только в сражении, родные сочли пророчество друида добрым знаком.

Однако третий друид провозгласил то, что должно было преследовать Конала всю жизнь. Три гейса.

Любой принц или великий воин должен был остерегаться предсказанных ему гейсов, или запретов, и соблюдать великую осторожность, чтобы не нарушить их. Самое ужасное заключалось в том, что рано или поздно гейсы всегда настигали свою жертву. Но поскольку, как и многое другое в устах жрецов, они часто напоминали загадки, никто никогда не знал в точности, что они означают, и с легкостью мог угодить в ловушку.

К большой радости Финбара, ему-то никто никаких гейсов не назначил. А вот гейсы Конала, как знали все при дворе верховного короля, звучали так:

Конал не умрет, пока:
не положит свою одежду в землю;

не пересечет море на рассвете, когда солнце будет светить ему в спину;
не прибудет в Тару сквозь черный туман.

Первый гейс не имел никакого смысла, второго вполне можно было избежать, ну а третий просто казался невероятным. Хотя туманы и не были редкостью во владениях верховного короля в Таре, однако черных там не видели никогда.

Конал был осторожен. Он уважал традиции рода. Финбар никогда не видел, чтобы его друг надел что-нибудь красное. Он даже не притрагивался к вещам таких оттенков.

– Все очень просто, – однажды сказал ему Финбар, – держись подальше от моря, и будешь жить вечно.

Они стали друзьями еще в детстве, с того самого дня, когда отряд охотников, среди которых был и юный Конал, остановился на отдых в скромном поместье семьи Финбара. Мальчики быстро познакомились, тут же затеяли веселую потасовку, а потом, на радость зрителям, стали играть в игру с мячом и палкой, которую островитяне называли хёрлингом. Через несколько дней после той встречи Конал попросил разрешения повидаться со своим новым приятелем еще раз, а через месяц они уже стали неразлучными друзьями. Вскоре по просьбе Конала Финбар был взят ко двору, где начал обучаться воинскому мастерству. Родные мальчика очень обрадовались такой счастливой возможности для него. Их дружбу ничто не омрачало. Конал любил своего друга за его добрую душу и веселый нрав, а Финбара восхищал ум юного принца и его спокойная вдумчивость.

Осторожность Конала ничуть не мешала его привычным занятиям. Хотя он и не мог похвастаться самыми крепкими мускулами, как его ровесники, зато атлетом был едва ли не лучшим. Бегал он быстрее оленя, а в состязаниях на легких двухколесных колесницах догнать его удавалось одному лишь Финбару. Копье Конала летело, как птица, и всегда попадало точно в цель. Щит он мог вращать с такой скоростью, что тот почти терялся из виду. А его любимый сверкающий меч всегда опережал даже более мощные удары соперника. И еще оба юноши были очень музыкальны. Финбар любил петь, а Конал превосходно играл на арфе, и друзья иногда развлекали гостей на королевских пирах. То были счастливые и очень веселые времена, и они часто со смехом вспоминали, как верховный король платил им как нанятым музыкантам. Все воины любили и уважали Конала. А те, кто помнил Морну, его настоящего отца, как один повторяли, что сын унаследовал его твердость и мужество.

Однако, несмотря на все успехи в военной премудрости, казалось, занимало Конала вовсе не это, и его друг Финбар никак не мог понять почему.

Принцу было всего шесть лет, когда он исчез в первый раз. Мать искала его целый день, и только перед заходом солнца он наконец появился с одним старым друидом, который спокойно сказал ей: «Мальчик был со мной».

– Я нашел его в лесу, – невозмутимо пояснил Конал, словно ничего не случилось.

– Но что вы делали целый день? – спросила его мать, после того как друид ушел.

– Мы разговаривали.

– О чем? – изумилась мать.

– Обо всем! – радостно воскликнул мальчик.

Так с тех пор и повелось. Конал мог играть с другими детьми и вдруг исчезал. Иногда он брал с собой Финбара, и они подолгу блуждали по лесу или брели вдоль реки. Конал очень любил, когда Финбар подражал птичьим голосам. А каждую травинку юный принц знал так хорошо, что едва ли на острове нашлось бы растение, которое он не смог бы назвать. И все же даже в такие чудесные дни Финбар порой чувствовал, что при всей любви к нему его друг предпочел бы остаться один. Тогда он находил предлог уйти, а принц мог бродить в одиночестве часами, не замечая, как бежит время.

Он всегда твердил Финбару, что счастлив в такие минуты. Но когда он погружался в раздумья, его лицо омрачала грусть, и в мелодии его арфы тоже звучала странная печаль.

– Вот идет человек, кому кручина важнее друга, – мог ласково поддеть его Финбар, когда он возвращался из своих одиноких прогулок, но принц только смеялся, весело подпихивал Финбара в бок и пускался бежать.

К тому времени, когда Коналу исполнилось семнадцать, уже никто не удивлялся, что другие молодые люди относятся к нему едва ли не с благоговением, как и к любому друиду.

Ученые люди на острове делились на три сословия. К низшему из них принадлежали барды – рассказчики, которых звали на пиры гостям на потеху. Ступенью выше стояли филиды – хранители родословных, стихотворцы, а порой и прорицатели. Однако выше всех остальных в этой иерархии находились, безусловно, грозные и могущественные друиды.

Считалось, что прежде, еще до прихода туда римлян, самые искусные и просвещенные друиды жили на соседнем острове, в Британии. В ту пору они приносили в жертву не только животных, но и мужчин и женщин. Однако те времена давно минули. Теперь друиды жили на западном острове, и никто не мог припомнить, когда последний раз совершалось человеческое жертвоприношение.

Обучение у друидов могло длиться двадцать лет. Часто они не только умели почти всё то же, что барды и филиды, но и как жрецы получали тайные знания о священных заклинаниях и числах, а также учились разговаривать с богами. В день зимнего солнцестояния и в другие большие праздники друиды проводили сакральные обряды и жертвоприношения. Только друиды определяли, в какие дни нужно сеять зерно или забивать скот. Немногие короли осмеливались на какое-нибудь решение, не посоветовавшись с друидами. Острое слово друида могло ранить как бритва, а их проклятие ложилось на семнадцать поколений. Мудрые советчики, всеми признанные судьи, просвещенные учителя и самые грозные враги – всё это о друидах.

Учение друидов всегда было окутано тайной. Некоторые из них, подобно шаманам, могли впадать в транс и переходить в иной мир. Они с легкостью меняли свое обличье, превращаясь в птицу или зверя. И Финбар иногда думал, какой же из этих чудесных способностей обладает его друг Конал.

С той первой встречи со старым друидом принц всегда проводил с ними очень много времени. К двадцати годам он знал уже гораздо больше, чем многие молодые люди, которые готовились стать жрецами. Такой интерес не был чем-то необычным. Немало друидов вышло из знатных семей, а некоторые величайшие воины в прошлом учились вместе с друидами или филидами. Однако страсть Конала к таинственному учению была особенной, и, обладая великолепной памятью, он жадно впитывал все, что могли дать ему седые старцы.

И все же, хотя Конал и утверждал, что счастлив, иногда он казался Финбару очень одиноким.

Несколько лет назад, чтобы скрепить их дружбу, принц подарил ему щенка. Финбар повсюду таскал с собой своего маленького приятеля. Он назвал щенка Кухулином, в честь героя легенд. И только позже Финбар по-настоящему оценил подарок друга, потому что щенок вырос и превратился в великолепного гончего пса, из тех, которых купцы привозили из-за моря, заплатив за них серебряными слитками или римскими монетами. А этот пес, возможно, и вовсе был бесценным. Он никогда не отходил от своего хозяина.

– Если со мной что-нибудь случится, – однажды сказал ему Конал, – твой Кухулин будет напоминать тебе обо мне и о нашей дружбе.

– Ты всегда будешь моим другом, пока я жив, – заверил его Финбар. – А умру я уж точно раньше тебя.

Он не мог сделать принцу такой же дорогой подарок, но очень надеялся, что может хотя бы отплатить ему той же любовью и преданностью, которой радовал его верный пес Кухулин.

Был у Конала и еще один талант. Он умел читать.

В то время письменное слово уже было известно на острове. Британские и галльские купцы, заходившие в здешние гавани, часто умели читать. На римских монетах, которыми они пользовались, были выбиты латинские буквы. Финбар знал нескольких людей среди бардов и друидов, знакомых с грамотой. Много лет назад лучшие ученые мужи острова, используя гласные и согласные из латинского языка, даже создали собственное простое письмо для надписей на камнях и надгробьях. Однако, несмотря на то что время от времени кто-нибудь набредал на странные камни с загадочными огамическими знаками, больше напоминавшими зарубки на линейке, ранняя кельтская письменность так и не получила широкого распространения. Для записи священного наследия острова, как слышал Финбар, она тоже не использовалась.

– Причины очень просты, – объяснял ему Конал. – Во-первых, все знания друидов тайные. Ты же не хочешь, чтобы о них прочитал кто-нибудь недостойный? Это может разгневать богов.

– И жрецы потеряют свою тайную силу, – заметил Финбар.

– Пожалуй. Но есть и другая причина. Все просвещенные люди на нашем острове обладают очень хорошей памятью, потому что постоянно развивают ее. Если мы начнем записывать наши знания, нам не придется ничего запоминать и наша память ослабеет.

– Тогда зачем ты учился читать? – спросил Финбар.

– Из любопытства, – ответил Конал таким тоном, словно в этом не было ничего особенного. – Кроме того, – добавил он с улыбкой, – я ведь не друид.

Не раз потом Финбар вспоминал эти слова. Конечно, его друг не был друидом. Он собирался стать воином. И все же... Иногда, когда Конал пел, закрыв глаза, или когда возвращался после своих одиноких прогулок с таким печальным, отстраненным лицом, будто побывал в каком-то таинственном сне, Финбар поневоле спрашивал себя, а не забрел ли принц... Но куда? Быть может, к границе между мирами?

Вот почему он не слишком удивился, когда в конце весны Конал признался ему:

– Я хочу сделать тонзуру друида.

Друиды особым образом выбривали волосы в передней части головы – от уха до уха. В результате лоб получался высоким и круглым, если, конечно, друид уже не начинал лысеть, в этом случае тонзура становилась почти не видна. У Конала волосы были густые и темные, и, разумеется, выбритая полоса стала бы очень заметна.

Конечно, друиды королевской крови бывали и раньше. К тому же многие на острове превозносили касту друидов выше королей. Финбар задумчиво посмотрел на друга.

– А что скажет верховный король? – наконец спросил он.

– Никто не знает. Жаль, что моя мать была его сестрой.

Финбар хорошо помнил мать Конала, помнил ее верность памяти мужа и ее желание видеть сына воином, достойным своего отца. Два года назад, перед смертью, она умоляла верховного короля, своего брата, не допустить, чтобы род ее мужа прервался.

– Друидам ведь не запрещено жениться, – напомнил Финбар. Друиды действительно часто передавали свой титул по наследству. – Возможно, твои дети станут воинами.

– Ты прав, – согласился Конал, – но верховный король может думать иначе.

– А если друиды сами захотят, чтобы ты стал одним из них, он сможет тебе запретить?

– Мне кажется, – сказал Конал, – они не станут предлагать, если узнают, что верховный король этого не хочет.

– И что ты будешь делать?

– Ждать. Надеюсь, мне удастся их убедить.

Через месяц верховный король вызвал к себе Финбара.

– Финбар, – заговорил он, когда юноша пришел, – я знаю, что ты близкий друг моего племянника Конала. Тебе известно о его желании стать друидом? – (Финбар кивнул.) – Будет лучше, если он передумает, – добавил верховный король.

На этом разговор закончился. Верховный король ясно выразил свою волю.

Ехать ей не хотелось. По двум причинам. Первая, как она сама признавала, крылась в ней самой. Дейрдре очень не любила покидать дом.

Она обожала свой родной край, хотя он и был не слишком приспособлен для жизни. В середине восточного побережья острова река, что брала свое начало в диких горах Уиклоу, устремлялась на юг и в конце концов, после долгих извилистых поворотов, втекала в широкий залив между двумя мысами, глядя на которые Дейрдре всегда думала, что это сама богиня земли Эриу, мать острова, протягивает вперед руки, чтобы обнять море. Вблизи устья начиналась чудесная долина, названная Долиной Лиффи. Река эта обладала довольно капризным нравом и иногда проявляла его самым неожиданным образом. Когда она гневалась, ее взбухшие воды неслись с гор бешеными потоками, снося все на своем пути. К счастью, такие приступы ярости случались редко. Все остальное время течение ее было спокойным, а мирный шепот волн звучал нежно и мелодично. Безмятежную тишину устья реки с его низкими илистыми берегами, поросшими высокой травой, лесистыми болотами и широкими приливами нарушали лишь далекие крики чаек, гудение кроншнепов да вскрики цапель, пролетающих над усыпанной ракушечником полосой прибоя.

Места эти были почти пустынными, лишь кое-где виднелись разбросанные крестьянские дворы, принадлежавшие одному клану, во главе которого стоял ее отец. И все же, несмотря на свою уединенность, здешняя земля имела целых два названия, и получила она их благодаря двум самобытным особенностям. Первой, созданной руками человека, была деревянная переправа, проложенная в той части реки, где она впадала в свое болотистое, почти в милю шириной устье. Настил пролегал по мелководью и оканчивался на северном берегу. И называли его Аха-Клиах, что на гэльском языке означало «место у брода».

Вторую особенность сотворила сама природа. Дейрдре как раз смотрела вниз с восточного края невысокого горного хребта, который тянулся вдоль южного берега, возвышаясь над переправой. С юга к реке устремлялся небольшой ручей, но, прежде чем влиться в нее, он наталкивался на подножие холма и, чуть изгибаясь, создавал в этом месте глубокую темную заводь. Так его и стали называть: Черная заводь. Дуб-Линн.

Хотя земля эта и получила два имени, людей здесь почти не было. Издревле селения создавались на склонах Уиклоу. Вдоль южного и северного берегов устья реки возникали крохотные рыбацкие деревушки и даже небольшие пристани. Только у прибрежных болот никто жить не хотел, и все же сама Дейрдре любила тихую красоту здешних мест.

Оставаясь необжитым, Дуб-Линн граничил с другими, более многолюдными территориями, лежащими к северу, югу и западу от устья Лиффи. Могущественные вожди тех земель, которые по очереди претендовали на единовластие, интереса к нему не проявляли, поэтому никто не мешал Фергусу, отцу Дейрдре, оставаться единственным хозяином этого края.

И все-таки, при всей заброшенности, земля Фергуса играла свою роль в жизни острова, потому что находилась на одном из главных перекрестков дорог. Древние дороги, или шлиге, как их называли, часто проходя через густые леса, шли с севера и юга острова и пересекались возле брода. Старая Шлиге Мор, или Великая дорога, вела на запад. И, будучи хранителем этого перекрестка, Фергус, следуя законам гостеприимства, всегда приглашал путников в свой дом.

Когда-то здесь было более оживленно. За долгие века море по ту сторону залива стало больше похоже на крупное озеро между двумя островами, на которых обитало много племен ее народа. Из поколения в поколение они перебирались с одного острова на другой, торговали, строили дома, создавали семьи. Когда могучая Римская империя захватила восточный остров – Британию, как ее называли, римские купцы отправились на западный остров и основали вдоль побережья небольшие фактории. Были такие поселения и на берегах залива. Дейрдре

рассказывали о том, что однажды здесь даже высадились римские отряды и возвели обнесенный стеной военный лагерь, откуда вымуштрованные легионеры в блестящих латах угрожали захватить весь остров. Но им это не удалось. Когда они ушли, на изумрудном острове снова воцарился мир. Дейрдре всегда слушала эти рассказы с гордостью за свою родную Эрин и за ее народ, который чтит древние традиции и никогда никому не покорялся.

После вторжения варваров могущественная Римская империя переживала не лучшие времена. Даже великий Рим не устоял. Легионы покинули Британию, и римские фактории опустели.

Самые предприимчивые из вождей западного острова неплохо нажились в эту тревожную пору. Начались набеги на Британию, ставшую теперь беззащитной. Золото, серебро, рабы и прочие товары перевозились на западный остров, умножая богатство блестящих родов Эрин. Правда, начинались все эти походы из дальних гаваней. И хотя время от времени купцы до сих пор заходили в устье Лиффи, жизнь здесь почти замерла.

Поместье Фергуса сына Фергуса стояло на небольшом возвышении над заводью и представляло собой несколько построек, окруженных со всех сторон земляным валом с возведенной на нем изгородью. Подобные крепости, если, конечно, можно так назвать эти не слишком высокие сооружения, в последнее время во множестве стали появляться на острове. На кельтском языке они назывались ратами. В сущности, рат Фергуса был обычным крестьянским двором, какие встречались в других, более плодородных частях острова, только побольше. Здесь был небольшой свинарник, просторный загон для коров, амбар, большой красивый дом и еще один дом, поменьше. Почти все строения имели круглую форму и были сделаны из плетеной лозы, обмазанной глиной. Места хватало всем: Фергусу с его домочадцами, скотнику с семьей, пастуху, еще двум семействам, трем британским рабам и барду – у каждого вождя непременно был собственный бард, и они всегда жили в семье из поколения в поколение. Конечно, все эти люди редко находились там одновременно, и объединял их, по традиции, лишь общий ночлег. Вот таким и был рат Фергуса сына Фергуса, стоявший на невысоком холме над бродом. Внизу маленькая водяная мельница и крохотная пристань у реки довершали общую картину.

Вторая причина, по которой Дейрдре не хотелось ехать, была связана с ее отцом. Она всерьез опасалась за его жизнь.

Древнее общество западного острова имело очень строгую иерархию и делилось на множество классов. Каждый класс, от короля или друида до раба, жил по своим законам, и за смерть или увечья всегда полагалось заплатить кровавую цену. Каждый человек знал свое положение в обществе и то положение, что занимали его предки. А Фергус был вождем.

Обитатели соседних усадеб, которых он считал своим кланом, уважали его как человека добродушного, хотя и вспыльчивого порой нрава. При первом знакомстве этот высокий человек мог показаться молчаливым и даже замкнутым, но лишь ненадолго. Завидев кого-нибудь из знакомых, он тут же пускался с ним в долгую пространную беседу. Но больше всего хранитель далекой Плетеной переправы обожал встречаться с новыми людьми, потому что был чрезвычайно любопытен. Любого путника, забредшего к Аха-Клиах, всегда щедро кормили и развлекали, но о своих делах он мог забыть до тех пор, пока Фергус не утолит свою неумную жажду выпросить у него все мало-мальски занимательные подробности его жизни, а после не вознаградит его своими нескончаемыми историями, коих он всегда имел в избытке.

Если гость вызывал у Фергуса особую симпатию, вождь предлагал ему вина, а потом отходил к столу, на котором хранились его самые драгоценные реликвии, и возвращался, бережно держа в ладонях какой-то странный предмет цвета слоновой кости. Это был тщательно отполированный человеческий череп. Верхняя его часть была аккуратно отпилена, а края по всему ободку украшены золотом. Гладкий и довольно легкий, череп казался хрупким, почти как яичная скорлупа. Пустые глазницы безучастно взирали перед собой, словно напоминая о том, что все человеческие существа, как и прежний обладатель этого черепа, должны уйти в иной мир.

А зияющий в безумной усмешке рот как будто смеялся над самой смертью, ведь каждый знал, что у любого семейного очага мертвецы всегда были рядом с живыми.

– Это голова Эрка Воина, – с гордостью сообщал Фергус гостю. – Его убил мой дед.

Дейрдре была совсем маленькой, но навсегда запомнила день, когда появились те воины. После очередной клановой междоусобицы на юге они направлялись на север. Их было трое, и они показались девочке настоящими великанами. У двоих были длинные усы, у третьего посередине бритой головы торчал острый гребень из волос. Как ей объяснили, эти ужасные люди были воинами. Отец Дейрдре тепло поздоровался с ними и пригласил в дом. На спине одной из лошадей девочка увидела кожаную веревку и три привязанные к ней человеческие головы с запекшейся черной кровью и широко раскрытыми слепыми глазами. Как зачарованная, Дейрдре в ужасе смотрела на них, не в силах отвести взгляд. Когда она наконец вбежала в дом, то увидела, что отец держит в руке череп с питьем, приветствуя воинов.

Вскоре она узнала, что этот пожелтевший от времени череп достоин самого высокого почитания. Так же как меч и щит ее деда, он был символом гордости их древнего рода. Ее предки были великими воинами и стояли вровень с принцами и героями, а может, и с самими богами. Ведь и боги в своих сияющих чертогах пьют из таких же кубков. Так думала Дейрдре. А как же еще могут пить боги, если не как герои? И пусть ее род владел лишь этой скромной землей, с такими семейными сокровищами, как меч, щит и золоченый череп, она могла высоко держать голову.

В детстве Дейрдре несколько раз приходилось наблюдать вспышки гнева у своего отца. Обычно это случалось, если кто-нибудь пытался сплутовать или не выказывал ему должного почтения. Правда, иногда, как она поняла, уже став постарше, ярость отца могла последовать за вполне обдуманном и точным расчетом, в особенности когда он договаривался о покупке или продаже скота. Саму Дейрдре несколько не смущало, что ее отец время от времени метал громы и молнии и ревел как бык. Мужчина, который никогда не выходит из себя, не способен бороться, а значит, он вовсе не мужчина. Жизнь без таких неожиданных взрывов стала бы более тусклой и утратила свою естественную выразительность.

Но в последние три года, после смерти ее матери, что-то изменилось. У отца начал угасать интерес к жизни, он уже не занимался делами с прежним рвением, его гнев проявлялся все чаще, и причины таких размолвок не всегда были понятны. В прошлом году он едва не сцепился с молодым вельможей, который имел неосторожность возразить ему в его собственном доме. А еще он стал неумерен в возлиянии. Раньше, даже в большие праздники, ее отец выпивал немного. Однако в последние месяцы она не раз замечала, что он вместе со своим старым бардом за ужином пьет больше обычного. После таких пирушек отец впадал в мрачное уныние, которое могло внезапно смениться всплеском ярости, за что он, конечно, просил прощения на следующий день, но обида от этого не становилась менее болезненной. После смерти матери главное женское место в доме заняла Дейрдре, чем она очень гордилась, втайне переживая, как бы отец не привел новую хозяйку, но теперь она все чаще думала о том, что его женитьба могла бы изменить их жизнь к лучшему. А потом, размышляла она, я и сама выйду замуж, потому что двум женщинам в доме не ужиться. Во всяком случае, ее такое будущее совсем не устраивало.

Но что, если отец так сокрушался совсем по иной причине? Он никогда не делился с ней своими тревогами, потому что был слишком горд, но порой ей казалось, что они живут не по средствам. Она не знала, почему так получалось. Торговля скотом считалась самым прибыльным занятием на острове, а стада у Фергуса были внушительные. Не так давно она узнала, что отец заложил свою самую большую семейную ценность. Золотой торквес был его амулетом и отличительным знаком его высокого положения; отец всегда носил его на шее. Дочери он тогда объяснил все без затей.

– За те деньги, что мне предложили, я получу столько скота, что с легкостью выкуплю его через пару лет. А пока вполне обойдусь и без него, – ворчливо сказал он.

Конечно, в Ленстере мало нашлось бы таких же умелых скотоводов, как ее отец, и все-таки сомнения не оставляли ее. За прошлый год Дейрдре несколько раз слышала, как отец что-то тихо говорил о долгах, и с тех пор постоянно думала о том, какие еще тайны он скрывает от нее. Но три месяца назад произошло событие, напугавшее ее по-настоящему. К ним в рат явился незнакомый человек и на глазах у всех грубо заявил, что Фергус должен ему десять коров и что лучше бы ему рассчитаться прямо сейчас. Дейрдре никогда не видела отца в таком бешенстве, хотя и догадывалась, что больше всего его разъярило прилюдное унижение. Когда он отказался платить, тот человек уехал, но через неделю вернулся с двадцатью вооруженными мужчинами и увел уже не десять, а двадцать коров. Фергус был вне себя и поклялся отомстить обидчику, правда дальше угроз дело не пошло, но с того времени характер его совсем испортился. За ту неделю он даже дважды поколотил одного из рабов.

И теперь Дейрдре терялась в догадках, кому еще из гостей праздника в Кармуне мог задолжать ее отец. А вдруг ему покажется, что кто-то решил его оскорбить, думала она. Или, будучи уже под хмельком, он сам затеет ссору, придравшись к какому-нибудь пустяку? К несчастью, все это было вполне возможно, вот почему Дейрдре и боялась ехать. На всех больших праздниках драки строго-настрого запрещались. При огромном стечении народа такое правило было просто необходимо. Затеять спор или потасовку означало нанести оскорбление королю, такое не прощалось. Король сам мог лишиться смутяна жизни за подобный проступок, и ни друиды, ни барды, да и никто другой его бы не поддержали. В любое другое время можно было поссориться с соседом или устроить налет на его стадо – это не только не возбранялось, но и вызывало уважение. Но на великом празднике Лугнасад такой поступок мог стоить жизни.

Дейрдре хорошо понимала, что отец в его нынешнем состоянии может ввязаться в драку без всякого повода. И что тогда? Никто не проявит милосердия к старому вождю из безвестного маленького Дуб-Линна. При мысли об этом Дейрдре вздрогнула. Целый месяц она пыталась убедить отца отказаться от поездки. Но все без толку. Он непременно хотел ехать и взять с собой ее с братьями.

– У меня там важное дело, – сказал он.

Что это было за дело, он так и не объяснил, поэтому то, что произошло за день до их отъезда, стало для Дейрдре полной неожиданностью. Рано утром отец отправился ловить рыбу вместе с двумя ее младшими братьями и вернулся ближе к полудню.

Даже издали Фергуса можно было узнать сразу. И все из-за его походки. Когда он пас свое стадо на холмах или шел вдоль речного берега с удочкой, его невозможно было ни с кем спутать. Высокий и статный, он двигался легко и свободно, уверенно меряя землю широкими неторопливыми шагами. На ходу он редко разговаривал, и было в его значительном молчании и твердой поступи нечто такое, что заставляло поверить: он считает своими владениями не только этот тихий край, но и весь остров.

Держа в руке длинный посох, отец шел по широкому пастбищу, а двое его сыновей с почтением держались сзади. Лицо Фергуса было спокойно и задумчиво, и Дейрдре вдруг показалось, что отец с его пышными усами и вытянутым носом сейчас похож на старого мудрого лосося. Подойдя ближе, Фергус неожиданно улыбнулся ей тепло и ласково.

– Поймал что-нибудь, отец? – спросила Дейрдре.

Вместо ответа он весело сообщил:

– Ну, Дейрдре, завтра утром поедem искать тебе мужа.

Месяц назад ранним утром с кузнецом Гоибниу приключилось нечто очень странное. В тот день он так и не понял, что же с ним произошло. Но ведь все знали, что в том месте было полным-полно духов.

Из множества рек острова самой священной, конечно, была река Бойн. В дне пути к северу от Дуб-Линна она впадала в восточное море, а ее зеленые берега находились под властью короля Ульстера. Спокойный и неторопливый, Бойн нес свои богатые вальняжным лососем воды через самые плодородные земли острова. Но было неподалеку от его северного берега одно место на пологом холме, куда редко кто отваживался ходить. Место древних могил.

Было чудесное утро, когда Гоибниу свернул к курганам. Он всегда проходил там, если шел мимо. Пусть другие боятся этого места, но только не он. Вдалеке на западе виднелась Тара, Холм королей. Кузнец посмотрел вниз, на реку, по воде плавно скользили лебеди. Вдоль берега шел какой-то человек с серпом в руке. Увидев Гоибниу, он скупно кивнул, и кузнец с глумливой вежливостью кивнул ему в ответ.

Гоибниу здесь недолюбливали. Впрочем, кузнеца ничуть не волновало, что о нем думают. Хотя он и был невысок ростом, однако пристальный взгляд его единственного глаза и живой ум очень скоро выделяли кузнеца в любой компании. Лицо ему досталось не самое приятное. Острый, угловатый подбородок, крючковатый нос, нависающий над обвислыми губами, выпученные глаза и срезанный лоб, облепленный жидкими волосами, – такое не скоро забудешь. Но еще давно, в юношеской драке, один глаз Гоибниу потерял, и теперь он был постоянно закрыт, зато второй, наоборот, был открыт даже чересчур широко, к тому же сильно косил, придавая лицу зловещее выражение. Поговаривали, что такое же выражение было у Гоибниу и прежде, еще с двумя глазами. Так оно было или нет, но именно за этот свирепый взгляд втайне все называли его Балор, по имени ужасного одноглазого короля фоморов, мифического племени уродливых гигантов. О своем прозвище кузнец прекрасно знал, и это его забавляло. Да, он не внушал людям любовь, зато внушал страх. В этом были свои преимущества.

А бояться его было за что. И вовсе не за его всевидящий глаз, а за жестокий, беспощадный ум.

Человеком он был весьма влиятельным. Один из лучших мастеров на острове, Гоибниу, по сути, принадлежал к аристократии, хотя и не имел высокого происхождения. Прежде всего он был известен как кузнец, никто на всем острове не мог лучше него выковать оружие из железа, но и с драгоценными металлами он работал превосходно. Именно та высокая цена, которую знать острова платила за его золотые украшения, сделала Гоибниу богачом. Сам верховный король приглашал его на свои пиры. Но главным в Гоибниу был его необыкновенный, изощренный ум. Величайшие вожди и даже мудрые и могущественные друиды не гнушались просить у него совета.

– Гоибниу чрезвычайно умен, – признавали они, а потом тихо добавляли: – Только постарайтесь не стать его врагом!

За его спиной высился самый большой из круглых могильных курганов, возведенных вдоль холма. Сид, или ши, – так называли их жители острова, и были они окружены тайнами и загадками.

Время не пощадило курган, и за долгие века он сильно обветшал. Стены основательно просели, а в некоторых местах и вовсе обвалились. От прежней ровной овальной формы с выпуклой крышей уже мало что сохранилось, и теперь курган скорее напоминал обычную насыпь с несколькими входами. С южной стороны белый кварц, когда-то сверкавший под лучами солнца, почти весь осыпался, образовав небольшой мерцающий холмик возле места, где раньше был проем. Гоибниу обернулся, чтобы посмотреть на сид.

Здесь жили Туата де Данаан и их великий вождь Дагда, добрый бог солнца. Но и все остальные курганы, коих на острове было немало, также служили входами в иной мир. Сказания о древних племенах, некогда населявших этой край, передавались из поколения в поколение. Боги и демоны, великаны и герои, дети света и тьмы – все они до сих пор незримо присутствовали здесь, словно туманом окутывая зеленые холмы и равнины. Но самым прославленным из всех стало божественное племя Туата де Данаан – детей богини Ану, или Дану, богини про-

цветания, а также повелительницы воды. Воины и охотники, поэты и искусные мастера – они, как утверждали легенды, прибыли на остров на облаках. Время их правления стало золотым веком. Именно потомков этой великой расы и застали здесь Сыновья Миля, когда впервые высадились на здешних берегах. И одна из ее богинь, Эриу, пообещала Сыновьям Миля, что они будут вечно жить на этом острове, если назовут его в ее честь. Было это так давно, что и не вспомнить. Но великие сражения в ту пору несомненно происходили. После одного из таких сражений Туата де Данаан навсегда исчезли из мира живых и ушли в мир подземный. С тех пор они обитали под холмами, озерами или на сказочных западных островах далеко за морем и пировали в своих сияющих чертогах. Так гласило предание.

Однако преданиям Гоибниу не очень-то доверял. Курганы явно были созданы человеком и не слишком отличались от подобных сооружений из земли и камней, которые люди возводили и прежде. Но если, как говорят предания, именно под ними скрылись Туата де Данаан, то, вероятно, и построены они были в те времена. Выходит, их построили сами Туата де Данаан? Вполне возможно, полагал кузнец. Принадлежали они к божественной расе или нет, рассуждал он, но они ведь были людьми. И все же, даже если это действительно так, оставалась еще одна загадка. Каждый раз, когда он рассматривал рисунки, высеченные на камнях древних могильников, то всегда замечал, что они ничем не отличаются от тех, что он встречал на работах, сделанных уже в его время. Те же узоры он видел на чудесных золотых украшениях, наверняка очень старых, найденных в болотах вдали от этих мест. Он никак не мог ошибиться, потому что сам был прекрасным мастером и хорошо разбирался во всех тонкостях. Неужели пришедшие следом племена и правда скопировали рисунки, оставленные исчезнувшим народом Туата де Данаан? А может, эти орнаменты создали еще более древние люди, которые просто передали свое искусство через века? И все-таки как-то не верилось, что целый народ – божественный или же вполне земной – действительно исчез под этими холмами.

Гоибниу пристально взгляделся в курган. Один камень всегда привлекал его внимание, когда он проходил мимо. Это была большая, около шести футов в поперечнике, плита, напротив входа в курган или, скорее, того, что от него осталось. И в этот раз кузнец тоже подошел ближе, чтобы еще раз рассмотреть этот удивительный камень.

Высеченные на нем извилистые линии складывались в несколько орнаментов, но самым примечательным из всех был крупный узор в форме трилистника на левой стороне. И снова, как он уже делал прежде, Гоибниу приложил ладони к шершавой поверхности камня, чувствуя его приятную прохладу, и привычными движениями провел по бороздкам кончиками пальцев. Самая большая спираль была двойной и напоминала двух угрей, они плотно сплетались друг с другом, выставив головы в центре замысловатого клубка. Стоило ему проследить за последним витком спирали, как он тут же попадал на следующую спираль, тоже двойную, только поменьше. Третья, одинарная и самая маленькая спираль слегка касалась двух других. А с наружных сторон бороздки собирались в углах, где спирали встречались, словно достигнув приливных отметок, прежде чем устремиться бурлящими реками вокруг камня.

Что означали все эти линии? Какой смысл таил в себе трилистник? Три спирали, связанные между собой и одновременно независимые, всегда вели внутрь и в то же время устремлялись в бесконечный мир за их пределами. Быть может, так древние художники хотели показать солнце, луну и землю? Или три священные реки полузабытого мира?

Однажды кузнец наблюдал, как какой-то чудной парень рисовал такие же спирали. Это было перед началом сбора урожая, когда остатки старого зерна уже плесневеют, и бедняки, которые вынуждены его есть, вдруг начинают вести себя весьма странно и вдобавок видят необычные сны. Гоибниу наткнулся на того парня на морском берегу. Высокий и очень худой, он сидел совершенно один и, держа в руке истрепанную ветку, с блуждающим взглядом выводил на песке спирали, в точности совпадавшие с узорами на камне. Был ли он безумец или мудрец? Кто знает. Разве, в сущности, это не одно и то же?

Кузнец все еще продолжал медленно водить пальцем по извилистым желобкам. Одно он знал точно. Был ли человек, создавший эти спирали, из народа Туата де Данаан или нет, но Гоибниу чувствовал, что понимает его, как может понять только мастер равного таланта. Все остальные могли считать древние сиды мрачными и зловещими, но только не он. Загадочные спирали этого окутанного тишиной места притягивали его.

А потом случилось это. Он не смог бы описать свои ощущения словами. Просто в голове вдруг раздался какой-то дальний отголосок.

Приближался Лугнасад, время больших праздников на острове. Как обычно, в Кармуне устраивали ежегодные ленстерские состязания, но на этот раз Гоибниу не собирался туда ехать. Однако теперь, стоя возле своего любимого камня, он неожиданно почувствовал, что непременно должен туда поехать, хотя и не знал почему.

Он прислушался. Кругом было тихо. Но даже в этой тишине как будто таилось некое послание, которое нес гонец, пока еще невидимый, словно облако, скрытое за горизонтом. Как человек трезвого ума, Гоибниу не был склонен к глупым причудам и фантазиям. Но даже он не стал бы отрицать, что время от времени, когда он шел по знакомым дорогам острова, его посещало странное, словно внушаемое кем-то, чувство уверенности, природы которого он не мог объяснить. Он подождал. Тот же отголосок возник снова, как полузабытый сон. Теперь кузнец точно знал, что в Кармуне должно произойти что-то очень необычное.

Гоибниу с досадой передернул плечами. Это могло ничего не означать, но пренебрегать такими вещами не стоило. Он перевел взгляд своего единственного глаза на южный горизонт. Что ж, значит, придется ехать в Кармун. Когда он в последний раз был на юге? В прошлом году, когда искал золото в горах за Дуб-Линном. Кузнец улыбнулся. Он любил золото.

Внезапно улыбка сошла с его губ. Ему вспомнился один случай, связанный с той поездкой. Он как раз проезжал через переправу на реке, когда увидел вдалеке высокую фигуру. Фергус. Гоибниу задумчиво кивнул. Тот человек был его должником, долг этот оценивался в двадцать коров и был давно просрочен. Интересно, подумал кузнец, будет ли Фергус на празднике. Эта встреча не сулила ничего хорошего.

Поездка в Кармун никакого удовольствия Дейрдре не доставила. Они отправились из Дуб-Линна на рассвете. Шел мелкий дождик, смешанный с туманом. Отец с братьями ехали верхом, а Дейрдре, бард и младший из рабов – в повозке. Лошади были низкорослыми – в более поздние времена их называли бы пони, – зато выносливыми и сильными. К закату путники одолели большую часть пути и уже на следующий день прибыли на место.

Дождь не беспокоил ее. Здесь на такое никто не обращал внимания. Если бы спросили Фергуса, он бы просто ответил: «Погожий денек». Для поездки девушка оделась просто: шерстяное клетчатое платье, легкая накидка, сколотая на плече, и пара кожаных сандалий. Ее отец был в подпоясанной тунике и плаще. Как и у большинства мужчин на острове, ноги у него были обнажены.

Какое-то время они ехали молча. Пересекли переправу. Давным-давно, как гласило предание, эти мостки были уложены здесь по воле некоего легендарного провидца. Так это или нет, но теперь за них отвечал Фергус как владелец здешних земель. Сплетены они были из хвороста и удерживались на месте с помощью кольев и тяжелых камней, однако в полноводье их все же могло отнести в реку. На дальнем конце, где гать шла через болото, повозка проломилась колесами несколько сгнивших плетенок.

– Надо бы поправить, – рассеянно пробормотал отец, но Дейрдре сомневалась, что у него скоро дойдут до этого руки.

Перебравшись на другой берег, они свернули на запад, следуя вверх по течению Лиффи. На берегу росли ивы. В лесах, где земля была сухой, как и почти везде на острове, преобла-

дали ясени и дубы. На кельтском дуб назывался дайр, поэтому иногда поселения, созданные в дубовых рощах, именовались дейри.

Пока они ехали по лесной дороге, дождь прекратился и выглянуло солнце. Они миновали большую поляну, и только когда снова углубились в лес, Дейдрре наконец заговорила:

– Так что за муж у меня будет?

– Посмотрим. Тот, что подойдет по условиям.

– По каким условиям?

– Достойным единственной дочери такой семьи. Ведь твой муж получит в жены прапра-внучку Фергуса-воина. Сам Нуада Серебряная Рука разговаривал с ним. Не забывай об этом.

Как такое забудешь? Разве не твердил он ей об этом снова и снова, с тех пор как она только научилась ходить? Нуада Серебряная Рука, владыка облаков. В Британии, где его изображали как римского бога Нептуна, в его честь возле западной реки Северн возвели огромное святилище. Но на западном острове его считали одним из Туата де Данаан, и здешние короли даже провозгласили себя его потомками. Нуада водил дружбу с ее прапрадедом. Ее будущему мужу придется это учесть, как и остальную часть их семейного наследия. Дейдрре покосилась на отца.

– Может, я еще откажусь, – сказала она.

По древним законам острова женщина могла сама выбирать себе мужа, а также разводиться с ним, если ей этого захочется. Поэтому, строго говоря, отец не мог принудить ее к браку с кем-то без ее согласия, хотя, без сомнения, осложнил бы ей жизнь, если бы она вообще отказалась выходить замуж.

Ей уже делали предложения и раньше. Но после смерти матери Дейдрре пришлось заняться домашним хозяйством, и вопрос ее замужества был временно отложен. Последний раз, насколько она знала, к ней сватались однажды, когда ее не было дома. Вернувшись, она узнала от братьев, что какой-то мужчина спрашивал о ней. Однако остальная часть беседы звучала не так ободряюще.

Ее братья, Ронан и Риан, были на два и на четыре года моложе ее самой. Возможно, они были ничуть не хуже других мальчишек их возраста, но иной раз всерьез бесили ее.

– Он приходил, пока тебя не было, – сообщил Ронан.

– Что за человек?

– Да обычный мужчина. Вроде отца, только моложе. Он куда-то ехал.

– И?..

– Они разговаривали.

– И?.. Что сказал отец?

– Ну, они просто... ну, разговаривали. – Ронан покосился на Риана.

– Да мы не особо слушали, – уточнил Риан. – Наверное, сватался к тебе.

Дейдрре посмотрела на братьев. Они вовсе не уклонялись от ответа – просто такими уж они были. Обыкновенные мальчишки, нескладные и бестолковые. Вроде двух крупных щенков. Покажи им зайца, и они за ним погонятся. Это, пожалуй, единственное, что могло бы их взволновать. Безнадежно.

Как же они будут без меня, думала Дейдрре.

– А вы расстроитесь, если я выйду замуж и уеду от вас? – вдруг спросила она.

Мальчики переглянулись.

– Ты же все равно когда-нибудь уедешь, – сказал Ронан.

– С нами все будет хорошо, – заверил ее Риан. – А ты всегда сможешь приезжать в гости, – добавил он, словно спохватившись.

– Вы очень добры, – проворчала Дейдрре с горькой иронией, которой братья, разумеется, не уловили. Да и разве можно ожидать благодарности от таких несмышленишек, подумала она.

Позже она спросила о том госте отца, но он был немногословен.

– Он предложил недостаточно, – только и сказал Фергус.

Замужество дочери для ее отца всегда становилось предметом торга. С одной стороны, красивая молодая женщина знатного происхождения была ценным приобретением для любой семьи. Но ее будущий муж обязан был заплатить за невесту выкуп, часть которого доставалась ее отцу. Так велели законы острова.

Значит, теперь, когда его дела шли из рук вон плохо, Фергус решил продать ее. Что ж, Дейрдре не удивилась. Да и чему удивляться – так уж был устроен их мир. И все же она чувствовала себя немного уязвленной и даже преданной. Неужели, думала она, после того, что я сделала для него после смерти мамы, я заслужила такое отношение? Как корова из стада: держат, пока нужна, а потом продают? А ведь ей казалось, что отец любит ее. Но, возможно, он и вправду любил ее, она это чувствовала. И вместо того чтобы жалеть себя, ей следовало пожалеть отца и попытаться помочь ему найти для нее достойного человека.

Она была хороша собой. Многие даже называли ее красавицей. Но сама она не считала себя какой-то особенной и была уверена, что на острове найдутся десятки девушек с такими же мягкими золотыми волосами, пухлыми алыми губами и белоснежной улыбкой, как у нее. Нежно-розовые щеки Дейрдре напоминали цветы наперстянки. А еще у нее была прелестная маленькая грудь, правда, как она всегда считала, слишком маленькая. Но главным ее украшением были глаза – совершенно необычного и удивительно красивого зеленого цвета.

– Не знаю, от кого они у тебя, – удивлялся отец. – Хотя, говорят, в роду моей матери когда-то была женщина с колдовскими зелеными глазами.

Больше ни у кого в их семье, да и во всем Дуб-Линне, таких глаз не было. Может, они и не были колдовскими – Дейрдре уж точно не считала, что обладает какой-то особой силой, – но каждый, кто видел ее, всегда замирал в восхищении. Мужчины засматривались на Дейрдре, когда она еще была ребенком. Так что она всегда знала, что в свое время без труда найдет себе хорошего мужа.

Однако она не торопилась. Ей было всего семнадцать. И пока она еще не встретила такого человека, за которого хотела бы выйти, к тому же замужество, скорее всего, вынудило бы ее уехать далеко от любимого Дуб-Линна, а ей этого очень не хотелось. И несмотря на все денежные затруднения отца, Дейрдре вовсе не была так уверена, что должна уехать именно теперь, когда в доме нет другой женщины, способной управлять хозяйством.

Лугнасад всегда был порой свадеб. Но Дейрдре не хотелось замуж. Во всяком случае, не в этом году.

Остаток дня прошел тихо. Вопросов Дейрдре больше не задавала, потому что не надеялась получить на них ответы. Довольно и того, что отец повеселел, девушку это радовало. Быть может, если повезет, он не ввяжется ни в какую перебранку и не найдет подходящего претендента на ее руку. Тогда они смогут все вместе спокойно вернуться домой.

Вскоре они добрались до маленькой лесной деревушки. Здешних жителей Фергус хорошо знал, но впервые не остановился, чтобы поболтать с ними. Сразу за деревней Лиффи резко поворачивала на юг, а дорога от сузившейся в этом месте речной долины уходила наверх, забирая на запад. К полудню, когда деревья наконец поредели, они выехали на окраину большой вересковой пустоши, поросшей редкими кустами можжевельника.

– Вон там отдохнем, – сказал Фергус, показывая на небольшой холмик чуть впереди.

Под ласковым летним солнцем они уселись на траву и перекусили тем, что собрала в дорогу Дейрдре. Фергус глотнул немного эля, чтобы запить хлеб.

Место, которое он выбрал для привала, представляло собой небольшую круглую насыпь, возведенную рядом с одиноко стоящим камнем. Такие камни, поодиночке или поставленные в некоем порядке, были нередки в этих краях. Считалось, что установили их то ли далекие предки, то ли сами боги. Этот камень, высотой примерно со взрослого мужчину, стоял в полном одиночестве и словно вглядывался в лесистую равнину, которая тянулась далеко на запад,

до самого горизонта. В торжественной тишине под теплыми лучами августовского солнца старый серый камень показался Дейрдре дружелюбным. После обеда все решили немного отдохнуть и улеглись на согретую солнцем траву; лошади паслись неподалеку. Уже скоро раздалось негромкое сопение Фергуса, а потом и сама Дейрдре погрузилась в сон.

Проснувшись она внезапно и поняла, что проспала какое-то время, потому что солнце переместилось. Дремота еще не отпустила ее, голова была как в тумане. Когда она посмотрела на ярко-желтый диск, висевший над огромной равниной, ее вдруг посетило странное видение. Как будто солнце превратилось в колесо боевой колесницы и стало каким-то чужим и злоеющим. Дейрдре встряхнула головой, чтобы прогнать остатки сна, и велела себе не выдумывать глупостей.

Но весь остаток дня и позже, уже вечером, когда она пыталась заснуть, чувство смутной тревоги не покидало ее.

Гоибниу добрался до места поздним утром.

Его единственный глаз не упускал ни одной мелочи.

Лугнасад наступал спустя месяц после летнего солнцестояния; это был праздник предстоящего урожая и заключения новых браков. Гоибниу любил покровителя этого праздника – бога Луга Сияющего, Луга Длинная Рука, храброго воина, врачевателя, знатока искусств и ремесел.

Люди прибывали в Кармун отовсюду: вожди, воины, силачи из всех племен. Интересно, думал Гоибниу, сколько же всего племен на острове? Наверное, сотни полторы. Одними, самыми крупными, правили могущественные кланы, другими – поменьше – объединенные септы; были и такие, которые состояли всего из нескольких семей, возможно с общими предками, но и они гордо именовали себя племенем и выбирали своего вождя. Для острова, разделенного горами и болотами на несметное число крохотных территорий, это было естественно, и каждое племя владело своей землей, в центре которой обычно находилось священное жилище предков, часто обозначенное всего лишь каким-нибудь старым ясенем.

А кто же входил в эти племена? Откуда пришли они, эти Сыновья Миля, изгнавшие под землю прославленных Туата де Данаан? Гоибниу знал, что много веков назад на западный остров прибыли воинственные племена из соседней Британии и из-за далекого моря на юге. Люди, населившие остров, были частью огромного и пестрого, словно лоскутное одеяло, смешения племен, чьи культура и язык, названные позже кельтскими, распространились почти по всей Северо-Западной Европе. Кельтские племена, с их железными мечами, великолепными боевыми колесницами, непревзойденными мастерами по металлу, с их жрецами-друидами и поэтами, давно уже вызывали страх и восхищение. Когда Римская империя стала расширяться дальше на север, вплоть до Британии, и все главные поселения родовых земель становились римскими военными центрами или торговыми городами, кельтские боги местных племен точно так же надевали римские одежды. В Галлии, к примеру, кельтский бог Луг, чей праздник теперь начинался, дал свое имя городу Лугдун, который однажды превратился в Лион. Да и сами племена одно за другим постепенно становились римскими и даже теряли свой старый язык, начиная говорить на латыни.

Но только не на окраинах. Север и запад Британии почти не попали под влияние римлян, поэтому там прежняя речь и племенные обычаи продолжали жить. Более того, на соседнем западном острове, за проливом, куда римляне отправлялись торговать, но не завоевывать, старая кельтская культура осталась нетронутой во всем своем богатстве. В Северной Британии, которую римляне называли Албой, жили древние племена пиктов. Когда обитатели западного кельтского острова добрались туда, они построили там несколько поселений и постепенно вытеснили пиктов обратно на север Британии, а римляне назвали этих кельтских переселен-

цев «скотти», или «скоттами». Но сами кельты с западного острова не приняли это римское прозвание. Они знали, кто они на самом деле, знали с тех самых пор, как появились на этом острове и встретились здесь с одной доброй богиней. Они были народом Эриу.

Гоибниу холодно наблюдал за тем, как на праздник прибывали все новые и новые кельтские соплеменники. Был ли он сам одним из них? Отчасти да, без сомнения. Но точно так же, как рядом с теми загадочными древними курганами над рекой Бойн, он ощущал необъяснимое единение с миром, так и здесь, среди огромного скопления кельтов, он неосознанно чувствовал себя чужим среди них и не мог отделаться от мысли, что произошел от какого-то другого племени, жившего на этом острове в незапамятные времена. Возможно, Сыновья Миля и завоевали его народ, но он знал, как извлекать пользу из этих людей.

Его единственный глаз продолжал следить за толпой, разделяя, как ножом, пестрые стайки людей на важных и не очень, полезных и бесполезных; на тех, кто задолжал ему или чем-то ему обязан. Вот в большой колеснице двое прекрасных молодых борцов, с могучими, словно стволы деревьев, руками, раскрашенными краской. Это сыновья Каса – сына Донна. Богатые. С ними надо дружить. Чуть в стороне стояли два друида и старый бард. Гоибниу знал, что старик остер на язык и опасен, но у него в запасе всегда были свежие сплетни, которые могли пригодиться. Слева он увидел Фанн, дочь великого вождя Росса. Гордячка. Но Гоибниу-то знал, что она спала с одним из сыновей Каса, а ее муж и не подозревал об этом. Знание – великая сила. Никогда не угадаешь заранее, какие сведения могут пригодиться в будущем. И все же, рассматривая толпу, Гоибниу в основном отмечал людей, которые что-нибудь ему задолжали.

Вот осанистый, полноватый Диармайт: девять коров, три плаща, три пары обуви, золотой торквес. Кулан: десять золотых слитков. Рот Мак Рот: один золотой слиток. Арт: овца. Все они что-то брали в долг, все они в его власти. Хорошо. А потом Гоибниу увидел Фергуса.

Этот верзила из Дуб-Линна задолжал ему стоимость двадцати коров. А что за милая девушка с ним? Должно быть, дочь. Вот это уже интересно. Гоибниу направился в их сторону.

Дейдрэ тоже разглядывала толпу. Клань и септы все еще прибывали со всего Ленстера. Здесь было на что посмотреть. Тем временем между ее отцом и каким-то торговцем происходил любопытный обмен. Касался он золотого торквеса вождя.

На острове существовал обычай: если ты отдавал свою драгоценность в залог под заем, ты должен был выкупить ее на следующем большом празднике, чтобы избежать бесчестия. Вполне справедливо. Если Фергус и чувствовал смущение, когда получал роскошное золотое украшение из рук купца, то виду не показал, а даже наоборот – торжественно принял фамильную ценность из рук другого человека, словно исполнял некий священный обряд. Когда подошел Гоибниу, он как раз надевал блестящий обруч на шею.

Что бы кузнец ни думал о Фергусе, никто не смог бы обвинить его в неучтивости. Гоибниу обратился к Фергусу с такой любезностью, с какой мог бы заговорить с самим королем:

– Да сопутствует тебе удача во всем, Фергус сын Фергуса. Торквес твоих благородных предков очень тебе идет.

Фергус с удивлением посмотрел на него. Он никак не ожидал увидеть кузнеца в Кармуне.

– В чем дело, Гоибниу? – довольно грубо откликнулся он. – Что тебе нужно?

– Нетрудно догадаться, – все так же вежливо произнес Гоибниу. – Я просто хотел напомнить тебе об обещании, что ты дал мне еще до начала прошлой зимы. О стоимости двадцати коров.

Дейдрэ с тревогой взглянула на отца. Она ничего не знала об этом долге. Неужели отец сейчас затеет ссору? Но лицо вождя осталось бесстрастным.

– Верно, – кивнул он. – Твое право. – И добавил, чуть понизив голос: – Вот только не ко времени это. Тем более на празднике.

Был и такой приятный обычай: пока длились торжества, Гоибниу действительно не мог востребовать долг.

– Возможно, ты захочешь уладить это дело, когда праздник закончится, – предположил кузнец.

– Без сомнения, – ответил Фергус.

Пока они говорили, Дейдрре не спускала глаз с отца. Что он чувствует? С трудом скрывает гнев, и это лишь затишье перед бурей? У Гоибниу было много влиятельных друзей. Может, это сдерживало отца? Дейдрре очень надеялась, что так будет и дальше.

Гоибниу медленно кивнул, а потом перевел свой глаз на Дейдрре.

– У тебя красивая дочь, Фергус, – заметил он. – У нее удивительные глаза. Собираешься просватать ее на празднике?

– Возможно, – уклончиво ответил Фергус.

– Тот, кто ее получит, будет настоящим счастливым человеком, – продолжил кузнец. – Не опозорь ее красоту и свое благородное имя, не соглашайся на слишком низкую цену. – Кузнец немного помолчал. – Хотелось бы мне быть бардом, – сказал он наконец, вежливо кивнув девушке, – чтобы я мог воспеть в стихах ее красоту.

– Стихи обо мне? – рассмеялась Дейдрре, надеясь поддержать легкий тон разговора.

– Конечно. – Гоибниу уже повернулся к Фергусу.

И вдруг Дейдрре заметила, что отец как-то странно на него смотрит. Уж не собирается ли этот одноглазый хитрец найти ей богатого жениха? Девушка знала, что Гоибниу был куда более влиятельной фигурой, чем ее отец. И кого бы ни присмотрел в женихи Фергус, Гоибниу наверняка найдет лучше.

– Давай-ка пройдемся, – вдруг предложил Фергус уже более мягким тоном, и Дейдрре ничего не оставалось, как только проводить их взглядом.

Вот, значит, как. От ее хорошего настроения не осталось и следа. С отцом она, по крайней мере, могла хоть как-то владеть ситуацией. Да, он мог кричать на нее в гневе, но никогда не заставил бы выйти замуж против ее воли. А если ее судьба окажется в руках Гоибниу – доверенного лица королей и друга друидов, кто знает, какую каверзу может замыслить его изощренный мозг? Против него она бессильна. Девушка посмотрела на братьев. Они завороченно разглядывали какую-то колесницу.

– Вы хоть заметили, что тут произошло?! – воскликнула она.

Мальчики растерянно переглянулись и затрясли головами.

– Что-нибудь интересное? – спросили они.

– Нет! – раздраженно бросила Дейдрре. – Вашу сестру продают, только и всего.

Лугнасад. Разгар лета. На торжествах друиды наверняка будут делать подношения богу Лугу для хорошего урожая; женщины будут танцевать. А ее, вполне возможно, отдадут какому-нибудь незнакомцу, и она никогда больше не вернется в Дуб-Линн.

Дейдрре решила немного пройтись одна. На просторной поляне, рядом с яркими лотками, где было разложено угощение и разные товары, толпилось много людей. Когда она проходила мимо, все оборачивались и смотрели ей вслед, но девушка едва ли замечала их любопытные взгляды. Так, в задумчивости, она миновала несколько палаток и загонов для скота и только тогда заметила, что подошла к большой дорожке для скачек. Состязания еще не начались, но несколько молодых людей, вероятно, чтобы поупражнять лошадей, готовились провести парочку дружеских забегов. Некоторые скакуны, скорее всего, были из той породы, которую вывели специально для скачек. Близился полдень, солнце ослепительно сияло в небе, когда Дейдрре подошла к огражденной площадке, где наездники уже собирались сесть на коней.

Она остановилась у ограды и стала наблюдать. Неоседланные лошади норовисто били копытами. Дейдрре слышала, как мужчины смеются и подшучивают друг над другом. Справа

она заметила темноволосого юношу, окруженного группой таких же нарядно одетых молодых людей. Девушка сразу выделила его среди остальных – он был чуть выше ростом, а когда она разглядела его лицо, то увидела, что оно необычайно красиво. Юноша улыбался, но лицо его оставалось задумчивым и чуть отстраненным, казалось, мысли его далеки отсюда. Дейрдре подумала, что он больше похож на высокородного друида, чем на воина. Ей стало интересно, кто же это мог быть. Меж тем молодые люди начали расходиться, и Дейрдре поняла, что молодой человек собирается участвовать в скачках, потому что он снял с себя всю одежду, кроме защитной набедренной повязки.

Дейрдре не могла оторвать от него глаз. Ей казалось, что никого красивее она никогда в жизни не видела. Бледный и удивительно изящный, он тем не менее был безупречно сложен и выглядел как настоящий атлет. Она с восхищением смотрела, как он легко вскочил на коня и выехал на дорожку.

– Кто это? – спросила Дейрдре у стоявшего рядом мужчины.

– Конал сын Морны, – ответил тот и, видя ее недоумение, добавил: – Племянник самого верховного короля.

– Ох... – только и произнесла Дейрдре.

Она посмотрела несколько забегов. Мужчины скакали без седел. Лошади, хотя и низкорослые, бежали очень быстро, и следить за состязанием было невероятно интересно. В первом забеге Конал лишь чуть-чуть отстал от лидера, во втором он победил. В следующих двух юноша не участвовал, а людей возле скаковой дорожки тем временем становилось все больше. Совсем немного оставалось до начала главного события этого дня.

Гонки на колесницах. На небольшом возвышении рядом с дорожкой уже появился король Ленстера – с этого места открывался самый лучший обзор. А посмотреть здесь было на что. Если в скачках на лошадях мог принять участие любой воин, то управление колесницей считалось высочайшим и наиболее аристократичным из всех боевых искусств. Колесницы представляли собой крепкие и легкие двухколесные повозки, запряженные двумя лошадьми в один ряд. На каждой колеснице ехали двое – воин и его возничий. Под управлением опытного возничего колесница становилась не только быстрой, но и поразительно маневренной. По сравнению с грозным вооружением римских легионов они, конечно, были не столь эффективны, поэтому в римских провинциях Британии и Галлии колесницы давно не использовались, но здесь, на западном острове, где приемы ведения войны сохранялись в соответствии с кельтскими традициями, древнее искусство не умерло. Дейрдре увидела, что к гонкам готовится около двадцати колесниц. Но сначала должно было пройти что-то вроде показательных выступлений. И вот на огромную, поросшую травой площадку по очереди выехали две колесницы.

– Вон там Конал, – сказал мужчина, с которым Дейрдре недавно разговаривала, – и его друг Финбар. – Он усмехнулся. – Ну, теперь смотри.

Оба юноши были обнажены – по кельтской традиции воины сражались нагими. Финбар был чуть ниже Конала, но намного шире в плечах. На его могучей груди густо росли темные курчавые волосы. Стоя за спинами своих возничих, соперники держали круглые щиты с гладкими бронзовыми пластинами, сверкающими на солнце. Колесницы выехали в самый центр круга, а потом разъехались в противоположные стороны.

И началось.

Дейрдре и раньше видела бои на колесницах, но такого поразительного зрелища ей еще наблюдать не доводилось. Повозки начали съезжаться на огромной скорости, так что их колеса, превратившись в размытые пятна, едва не соприкоснулись, когда соперники пронеслись мимо друг друга. Домчавшись до границ круга, колесницы развернулись. Каждый из воинов поднял в руке большое копьё. В следующее мгновение, когда колесницы снова ринулись навстречу друг другу, юноши с силой метнули копьё, но Финбар оказался чуть быстрее. Копья со свистом рассекли воздух, и толпа громко ахнула. Да и как тут не испугаться, ведь

оружие было самым настоящим. Колесница Конала, натолкнувшись на небольшой бугорок, чуть замедлила бег как раз в ту секунду, когда брошенное Финбаром копье уже готово было вонзиться в возничего и, возможно, даже убить его, но Конал с быстротой молнии выставил вперед щит и отразил удар. Бросок самого Конала был безупречным и пришелся точно в середину щита Финбара, которому лишь оставалось аккуратно отвести острие вбок. Толпа одобритительно взревела. Да, это было высочайшее искусство.

Когда колесницы снова развернулись, в руках юношей сверкнули мечи. Однако теперь настал черед возничих показать свое умение. На этот раз колесницы не мчались прямо друг на друга, а, следуя каким-то замысловатым путем, словно хищные птицы, налетали одна на другую и описывали по полю головокружительные круги и зигзаги, уходя от погони или преследуя добычу. Каждый раз, когда колесницы сближались, соприкасаясь почти бок о бок, соперники взмахивали мечом и с ловкостью отражали удары щитом. И никто не смог бы сказать с уверенностью, была эта схватка разучена заранее или все происходило по-настоящему. Дейрдре со страхом ждала, что на обнаженной коже воинов вот-вот появится кровь, и внезапно поймала себя на том, что дрожит от волнения и почти не дышит. Под неумолчный рев толпы юноши все продолжали свою захватывающую и такую опасную игру.

Наконец все закончилось, и обе колесницы: первая – Конала, следом за ней – Финбара, совершая триумфальный круг по краю поля, направились в ту сторону, где стояла она. Прекрасно удерживая равновесие, Конал шагнул вперед и встал на оглоблю между взмысленными лошадьми. Все еще тяжело дыша, он с достоинством принимал восторженные крики зрителей. Дейрдре смотрела, как он вглядывается в лица людей, и думала, что ему, должно быть, очень лестно такое внимание. Потом, когда его колесница подъехала совсем близко, взгляд Конала остановился на ней, и она вдруг поняла, что смотрит ему прямо в глаза.

Вот только увидела она в них совсем не то, что ожидала. Взгляд его, внимательный и серьезный, словно проникал в самую душу, но в нем не было и тени самодовольства. Ей снова показалось, что этот юноша, который лишь недавно с таким мастерством балансировал между жизнью и смертью, очень одинок и, даже принимая восхищение толпы, находится где-то очень далеко отсюда.

Она не знала, почему его взгляд выбрал именно ее. Он смотрел на нее так, словно хотел поговорить с ней, и, даже проехав дальше, он еще раз слегка повернул голову в ее сторону. Когда его колесница двинулась вперед и он не оглянулся, она еще долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Потом она обернулась и увидела отца. Он улыбался и махал ей рукой, подзывая к себе.

Поехать в Кармун предложил Финбар. Так он надеялся поднять настроение своему другу. Но и указаний верховного короля он тоже не забыл.

– Ты не думал о том, чтобы поискать в Ленстере какую-нибудь красотку? – еще раньше спрашивал Финбар Конала.

Прошлым вечером, когда они только приехали и направились оказать почтение королю Ленстера, правитель этих земель был не единственным человеком, который захотел выразить свой восторг от встречи с племянником верховного короля. Едва ли нашлась бы женщина при королевском дворе, которая не улыбнулась бы Коналу. Однако сам Конал даже если и заметил эти многочисленные знаки внимания, то предпочел не подавать виду.

И вот теперь Финбару показалось, что кое-что может измениться.

– Там стояла молодая женщина с золотыми волосами и удивительными глазами, она за тобой наблюдала, – сказал он. – Ты разве ее не заметил?

– Нет.

– А она очень долго тобой любовалась, – сообщил Финбар. – Думаю, ты ей приглянулся.

– Я не заметил, – повторил Конал.

– Ты только что на нее очень внимательно смотрел, – не унимался Финбар.

Его друг немного смутился и начал растерянно оглядываться.

– Стой здесь, – сказал Финбар. – Я найду ее.

И прежде чем Конал успел возразить, Финбар вместе со своим псом Кухулином умчался в ту сторону, куда за мгновение до того ушла Дейрдре.

– У Гоибниу есть мужчина для тебя. – Отец весь сиял.

– Надо же, как повезло, – сухо откликнулась Дейрдре. – И где он? Здесь?

– Нет. В Ульстере.

– Далеко. И что, он хорошо платит? – проницательно спросила Дейрдре.

– Весьма щедро.

– Достаточно, чтобы рассчитаться с Гоибниу?

– Достаточно, чтобы выплатить все мои долги, – сказал Фергус без малейшего смущения.

– Что ж, я тебя поздравляю, – с нескрываемой иронией произнесла Дейрдре.

Но Фергус словно не слышал ее.

– Конечно, он тебя еще не видел. Может, ты ему и не понравишься. Хотя Гоибниу считает, что понравишься. Да наверняка! – твердо добавил ее отец. – Прекрасный молодой человек. – Он помолчал и благодушно посмотрел на дочь. – Дейрдре, ты не обязана за него выходить, если он тебе не по душе.

Ну конечно, подумала она. И тогда ты просто дашь мне понять, что я тебя погубила.

– Гоибниу поговорит с ним в следующем месяце, – продолжал отец. – Ты сможешь познакомиться с ним еще до зимы.

Что ж, спасибо хотя бы за небольшую отсрочку.

– А что ты можешь рассказать об этом человеке? – спросила она. – Он молодой или старый? Сын вождя? Воин?

– Он хорош во всех отношениях, – с довольным видом сообщил Фергус. – Но лучше тебе о нем расскажет Гоибниу. Сегодня же вечером.

С этими словами Фергус ушел, предоставив дочь ее собственным мыслям. Так она и стояла одна, когда к ней подошли Финбар и его пес.

Финбар отбирал только тех мужчин и женщин, которые просто мечтали встретиться с племянником верховного короля. Когда он подошел к Дейрдре, она какое-то время колебалась, пока Финбар не шепнул ей на ухо, что отказаться значило проявить неуважение к принцу, а поскольку она будет не одна, то смущения не почувствует.

Конал уже оделся; он был в тунике и легкой накидке. Пока он не заговорил с ней, у девушки была возможность разглядеть его получше. Несмотря на молодость, Конал держался с достоинством, что приятно удивило ее. Подходя к каждому, он отвечал на приветствия вежливо и дружелюбно, но в его поведении была некая серьезность, которая сразу же выделяла принца среди его веселых гостей. Но когда Конал направился к Дейрдре, она вдруг совершенно растерялась.

Она не знала, посылал ли он за ней на самом деле. Когда Финбар спросил у нее, хочет ли она познакомиться с принцем, и намекнул на недопустимость отказа, он ведь не говорил, что Конал хочет видеть именно ее. А если она всего лишь одна из сотен молодых женщин, что чередой проходили перед принцем в таких случаях, горя желанием произвести на него впечатление? Такого унижения ее гордый нрав вынести не мог. Чувствуя неловкость, она сказала себе: «Кто я такая, чтобы он мог заинтересоваться мной, да и к тому же отец уже нашел мне жениха». К тому моменту, когда принц подошел к ней, она решила, что будет держаться с ним вежливо, но холодно.

Он заглянул ей в глаза:

– Я видел тебя после парада колесниц.

В его взгляде больше не было той грусти, что так поразила ее прежде. Когда он смотрел на нее – пристально, очень внимательно, словно изучая, – его глаза лучились удивительным теплом и светом. Несмотря на свое решение держаться с принцем холодно, Дейрдре почувствовала, что краснеет.

Конал спросил у нее, кто ее отец и откуда она приехала. Об Аха-Клиах он, очевидно, знал, но когда она упомянула о Фергусе как о вожде тех мест, лишь пробормотал: «А, ну да», и девушка поняла, что принц никогда не слышал об ее отце. Он задал ей еще несколько вопросов, они немного обсудили скачки, и Дейрдре вдруг осознала, что с ней он говорил намного дольше, чем с другими гостями. Потом появился Финбар и негромко сообщил, что Конала желает видеть король Ленстера. Юноша задумчиво посмотрел ей в глаза и улыбнулся:

– Возможно, мы еще увидимся.

Говорил он искренне или это была обычная учтивость? Конечно учтивость, что же еще? Вряд ли они снова встретятся. Отец не входил в круг приближенных к верховному королю. Ее слегка раздосадовала мысль о том, что Конал мог быть неискренен с ней, и она чуть было не брякнула: «Ну, ты знаешь, где меня найти». Но, к счастью, вовремя опомнилась и снова едва не залилась краской, представив, какой грубой и развязной могла ему показаться.

Так они и расстались. Дейрдре стала пробираться через толпу туда, где скорее всего сейчас находился отец. Только что начались новые гонки на колесницах. Дейрдре не знала, стоит ли рассказывать отцу и братьям о знакомстве с молодым принцем, и решила ничего им не говорить. Они наверняка бы начали поддразнивать ее, без конца шушукаться у нее за спиной и совсем бы ее засмущали.

II

Стояла осень, в воздухе в плавном чарующем танце кружили листья. Уже перевалило за полдень, солнце клонилось к закату, бросая золотой отсвет на заросли папоротника, а поросшие вереском пригорки отливали мягким лиловым сиянием.

Летнее жилище верховного короля располагалось на невысоком плоском холме, с которого открывался великолепный обзор. По всему гребню холма были разбросаны стойла для лошадей, загон для домашнего скота и обнесенные частоколом шатры королевских приближенных. Зрелище было довольно внушительным, потому что свита у верховного короля набралась немаленькая. Друиды, хранители древних законов острова, арфисты, барды, виночерпии, не говоря уже о королевских стражниках, чье положение ценилось очень высоко и часто передавалось по наследству. С южной стороны, посреди самого большого огороженного пространства, высился круглый дом со стенами из бревен и лозняка и с высокой соломенной крышей. Входом в этот королевский дворец служил широкий проем, а внутри, на высокой стойке возле очага, была водружена каменная голова с тремя лицами, смотревшими в разные стороны, словно напоминая, что верховный король, как и боги, всевидящ.

В западной части дворца была сооружена приподнятая галерея, с которой король мог видеть всех собравшихся внутри, а также то, что происходит снаружи. На галерее, на некотором расстоянии друг от друга, стояли две скамьи, застеленные коврами, здесь король и королева любили сидеть во второй половине дня, любуясь заходом солнца.

Меньше месяца оставалось до магического праздника Самайн. Чаще всего он проходил на священной земле Тары, но и в других местах тоже. На Самайн резали весь лишний скот, остальной же выпускали на пустоши и лишь потом, когда король со свитой отправлялись в свое зимнее жилище, заводили обратно в загон. Но до этого царил мир и покой. Урожай был собран, холода еще не наступили. В эту пору королю полагалось пребывать в неге и довольстве.

Король был смуглолиц. Из-под кустистых бровей смотрели темно-синие глаза. Хотя лицо его покрылось сеточкой тонких красных сосудов, а приземистое, когда-то крепкое тело начало полнеть, он все еще был бодр и энергичен. Жена его, дородная светловолосая женщина, сидела рядом и уже довольно долго молчала. Наконец, когда солнце на своем неторопливом пути к закату скрылось за облаком, она заговорила:

– Уже два месяца.

Король молчал.

– Уже два месяца, – повторила королева, – как ты не занимался со мной любовью.

– Вот как?

– Да. – Если она и услышала в голосе короля иронию, то виду не подала.

– Мы должны заняться этим снова, драгоценная моя, – с притворной нежностью продолжил король.

Когда-то у них было много прекрасных ночей, но все прошло. Их сыновья стали совсем взрослыми. Некоторое время король молчал, рассматривая ненадолго потемневший пейзаж.

– Ты ничего не делаешь для меня, – угрюмо произнесла королева.

Король выждал немного, потом негромко щелкнул языком.

– Посмотри-ка туда. – Он протянул руку.

– Что там?

– Овцы. – Король с интересом наблюдал за животными. – А вот и баран. – На лице короля появилась довольная улыбка. – У него одного есть целая сотня овец.

Королева лишь фыркнула и промолчала. А потом внезапно взорвалась.

– Ничего! – воскликнула она. – Жалкий слабак, вот кто ты. Даже ухватиться не за что! Думаешь, не найдется кого-нибудь получше тебя? Найдется. Видела я и покрепче, и побольше.

Разумеется, оба понимали, что все это сказано в сердцах и не совсем правда, но если королева и надеялась устыдить короля, ей это не удалось: лицо его оставалось невозмутимым. Она снова фыркнула:

– У твоего отца было три жены и две наложницы. Пять женщин – и на всех его хватало! – (Моногамия не считалась на острове добродетелью.) – А ты!..

Облако уже почти освободило солнце.

– От тебя мне никакой пользы.

– И все же, – наконец заговорил король, рассудительно, словно обсуждая какой-то исторический курьез, – мы не должны забывать, что с кобылицей я справился.

– Это ты так говоришь.

– Так и было. Иначе я бы здесь не сидел.

Церемония коронации на острове, когда какой-нибудь большой клан избирал нового короля, уходила корнями в туман времен и происходила от традиции, существовавшей среди индоевропейских народов, добравшихся из Азии до западных окраин Европы. На этой церемонии, после того как убивали белого быка, будущий король должен был совокупиться со священной кобылицей. Это описание четко прослеживается и в ирландских легендах, и в храмовых росписях Индии. Задача была не настолько трудной, как можно было бы предположить. Кобылицу выбирали не слишком крупную. Ее держали несколько сильных мужчин, потом ей раздвигали задние ноги и ставили перед будущим королем, пока он, уж неизвестно каким способом, не возбуждался, ну а проникнуть в нее уже было несложно. Ритуал этот вполне подходил для народа, который, придя с евразийских равнин, всю жизнь зависел от лошадей и возлагал лидерство на тех, кто как бы вступал с ними в брак.

Думала ли королева о той кобылице или нет, трудно сказать, но немного погодя она снова заговорила, уже спокойнее:

– Урожай погиб.

Верховный король нахмурил брови и невольно обернулся в пустой зал, где со своей стойки таращилась на окружавшие ее тени трехликая голова.

– Это твоя вина, – добавила королева.

На этот раз король поджал губы. Потому что это уже была политика.

В политике верховный король разбирался превосходно. Если он обнимал кого-то за плечи, то лишь для того, чтобы навсегда сделать этого человека своим вечным должником или... оставить его в дураках. Он отлично знал все человеческие слабости и их цену. История возвышения его рода также заслуживает внимания. Его королевский клан пришел с запада, и все они были необычайно честолюбивы. Утверждая, что ведут свое происхождение от легендарных личностей вроде Конна Ста Битв и Кормака мак Арта – героев, которых они могли даже просто-напросто выдумать, – они уже вытеснили многих вождей Ульстера с их земель. Пик своего успеха в не столь давние времена они приписывали своему героическому предводителю Ниаллу.

Как и многие известные исторические персонажи, Ниалл отчасти был разбойником. Он знал цену богатству. С юности он совершал набеги на британский остров, то устраивая небольшие стычки с римлянами, то удирая от них. В основном он промышлял тем, что похищал мальчиков и девочек, чтобы потом продавать их на невольничьих рынках; барыши он оставлял себе и своим помощникам. Так уж истари повелось: когда один король подчинялся другому – соглашался «прийти в его дом», как говорили, – он платил дань, обычно скотом, и отдавал заложников в знак вечной преданности. По слухам, так много королей отправили своих сыновей в качестве заложников к Ниаллу, что его запомнили как Ниалла Девяти Заложников. Его могучий клан не только главенствовал на всем острове и заявлял о своей верховной власти, но даже вынудил королей Ленстера отдать Тару – древнюю королевскую резиденцию, которую они решили превратить в свой династический церемониальный центр, откуда могли бы править всем островом.

Но как бы ни был могуществен клан Ниалла, даже верховные короли зависели от милости великих сил природы.

Это случилось неожиданно, сразу после праздника Лугнасад. Десять дней подряд лил дождь: земля превратилась в болото, большая часть урожая погибла. Никто не мог припомнить похожего лета. А виноват в том был верховный король. Потому что, хотя замыслы богов редко бывали понятны, все же такая ужасная погода могла означать только одно: по крайней мере один из богов был обижен королем.

В каждой местности были свои боги. Они рождались из окружающей природы и из преданий о существах, обитавших здесь прежде. Каждый мог ощутить их присутствие. А кельтские боги острова были яркими и живыми духами. Когда человек, стоя на высоком холме, смотрел на чудесные изумрудные леса и пастбища, вдыхал напоенный цветами теплый воздух, сердце его едва не разрывалось от благодарности богине Эриу, матери этой земли. Когда утром всходило солнце, он с улыбкой встречал доброго бога Дагду, скачущего на своем коне по небу, милостивого Дагду, в неиссякающем котле которого каждый мог найти все, что пожелает. Когда он стоял на берегу и смотрел на волны, ему могло показаться, как из глубин поднимается владыка моря Мананнан Мак Лир.

Боги могли быть и ужасными. На юго-западной оконечности острова, на скалистом мысе среди бурлящих волн жил Донн, бог смерти. Большинство людей боялись Донна. Да и сама богиня-мать становилась грозной и пугающей, когда принимала облик гневной Морриган и являлась в стае ее воронов, чтобы хриплыми криками возвещать смерть воинам на поле битвы. Гневалась ли она сейчас?

Короли обладали могуществом, если ублажали богов. Но любому королю следовало быть осмотрительнее, чтобы не прогневать какого-нибудь бога или даже одного из друидов или

филидов, которые говорят с богами, иначе он мог проиграть сражение. Если люди приходили к верховному королю за правосудием и не получали его, боги могли наслать чуму или непогоду. Все знали: плохой король приносит неудачу, хорошего короля всегда вознаграждают щедрыми урожаями. В этом была определенная мораль. Люди могли не говорить этого открыто, но король знал, что они думают: если урожай погиб, то, скорее всего, виноват именно он.

И все же, как ни старался верховный король, он никак не мог найти в своих поступках какую-нибудь серьезную оплошность, способную навлечь на него гнев богов. Он обладал всеми качествами хорошего правителя. Он не был скуп, всегда щедро вознаграждал своих приближенных; его пиры славились пышностью и великолепием. Он не был трусом, не был завистлив или мелочен. Даже его супруга не могла бы пожаловаться на него в этом отношении.

Что же делать? По совету друидов он уже принес богам все надлежащие подношения, и пока никто из мудрецов не приходил к нему с новыми напутствиями. Погода теперь стояла отличная. Несколько дней назад король решил, что лучше всего выждать какое-то время и посмотреть, что будет дальше.

– Ты опозорился в Коннахте. – Голос жены вырвал его из задумчивости, пронзив окружавшую их тишину как кинжалом.

Он невольно поморщился:

– Это неправда.

– Опозорился.

– Ты хочешь сказать, что это мой позор в Коннахте навлек на нас дождь?

Королева ничего не ответила, но по ее лицу скользнула едва заметная довольная улыбка.

Случай в Коннахте ничего не значил. Каждый год летом сам верховный король или его слуги ездили по разным частям острова для сбора дани. Этот обычай означал не только подтверждение превосходства верховного короля, но и был важным источником дохода. Большие стада, собранные в таких походах, перегонялись на королевские пастбища. В этот раз он отправился в Коннахт, где местный король принял его со всей любезностью и без возражений заплатил дань. Однако она оказалась неполной, и король Коннахта с некоторым смущением объяснил, что один из вождей отказался прислать свою долю. А поскольку земли того вождя были им по пути на обратной дороге, верховный король сказал, что разберется с этим сам. Как он понял позже, это было ошибкой.

Когда они добрались до владений мятежного вождя, то не нашли ни его самого, ни его коров, и после нескольких дней поисков король продолжил свой путь. Через месяц уже весь остров знал об этой истории. Король отправил туда небольшой отряд, чтобы поймать дерзкого обманщика, но вождь из Коннахта снова ускользнул. Верховный король решил вернуться к этому досадному недоразумению после сбора урожая, но ему помешали дожди. А теперь он стал посмешищем. Разумеется, нахал дорого заплатит за свою выходку, но пока этого не произошло, авторитет короля трещал по всем швам. И все же он решил не торопиться.

– Этой зимой нас ждет не слишком сердечный прием, – заметила королева.

Если летом верховный король сам принимал гостей, то зимой он напоминал о своем существовании иначе. Он приезжал в гости. И хотя многие вожди, возможно, и гордились тем, что верховный король оказывал им честь и несколько дней жил за их счет, но к тому времени, когда он и его многочисленные придворные уезжали, хозяева всегда облегченно вздыхали. «Они съели все, что у нас было», – обычно жаловались они. Так что если верховный король хотел хорошо поесть этой зимой, ему нужно было пробудить в людях не только любовь, но и страх.

– Тот человек, что тебя опозорил. Мелкий князек! – Королева особенно подчеркнула слово «мелкий». – Он должен тебе десять телок.

– Верно. Но теперь я заберу у него тридцать.

– Не стоит этого делать.

– Почему?

– Потому что у него есть кое-что более ценное – то, что он прячет.

Король не переставал изумляться тому, как его жене становились известны подробности о делах других людей.

– И что же это?

– Черный бык. Говорят, самый крупный на всем острове. Вождь прячет его в тайном месте, хочет разбогатеть, после того как бык осеменит все стадо. – Она немного помолчала, а потом бросила на короля злобный взгляд. – Раз уж ты больше ни на что другое не годен, то хотя бы приведи мне этого быка.

Король в изумлении покачал головой:

– Ты просто как Медб.

Все знали историю королевы Медб, которая, позавидовав тому, что в стаде ее мужа есть бык поздоровее тех, что имелись в ее собственном, приказала великому воину Кухулину украсть Медного быка из Куальнге, что повлекло за собой трагические кровопролития. Из всех преданий о богах и героях, что распевали барды, это было одним из самых любимых.

– Ты отдашь этого быка в мое стадо, – сказала королева.

– Хочешь, чтобы я сам за ним отправился? – спросил король.

– Нет. – Королева сверкнула глазами. – Это недостойно короля.

Верховные короли не возглавляли набег за чужим скотом.

– Тогда кто?

– Пусть едет твой племянник, Конал, – ответила королева.

Подумав немного, верховный король уже не в первый раз вынужден был признать, что его жена умна.

– Что ж, – наконец сказал он, – может, это выбьет из его головы желание стать друидом. Но мне кажется, – продолжил он, – лучше дождаться следующей весны.

Теперь настал черед королевы хотя и с неохотой, но посмотреть на мужа с некоторым уважением. Потому что она сразу поняла, что у него на уме. Быть может, он даже намеренно не ставил точку в истории с тем наглецом из Коннахта. Если кто-то среди огромного числа вождей острова готов был восстать против его власти, он хотел дать им время, чтобы проявить себя. Они-то могли думать, что их замыслы зреют втайне, но король наверняка о них узнает. Недаром он был верховным королем. Как только он обнаружит врага, он раздавит его, пока тот еще не успел найти союзников.

– Тогда ничего пока не говори, – предложила королева, – но когда наступит Белтейн, отправь Конала за быком.

В небе зажглась радуга. В этой части острова радуги были нередки, вот и сейчас, когда после короткого дождя выглянуло солнце, прямо над устьем Лиффи и заливом повис яркий сверкающий мост.

Как же Дейдрэ любила Дуб-Линн! Теперь, когда ей предстояло уехать отсюда в Ульстер, она наслаждалась каждым днем. Тайные уголки ее детства и раньше казались ей самыми красивыми местами на земле, но перед скорым расставанием они как будто наполнились особой щемящей тоской. Она часто бродила вдоль реки. Девушке нравился ее переменчивый нрав. А еще она уходила на берег моря и шагала по усыпанному ракушками песку вдоль извилистой кромки воды, к каменистому холму на южном краю залива. Но было одно место, которое она любила больше всех остальных. Путь туда был неблизким, но это того стоило.

Сначала нужно было перейти по Плетеной переправе на северный берег. Потом узкими тропками пройти через топкие заросли и выбраться на длинную восточную полосу залива. Дальше, чуть в стороне от берега, ее долго сопровождали песчаные и поросшие травой отмели, и когда они наконец отступали, впереди, в конце длинной земляной косы, появлялся высокий

хребет северного мыса. И тогда Дейрдре, каждый раз с радостным волнением, устремлялась вперед и начинала подниматься.

На вершине мыса, вдали от всех, таилось уютное маленькое убежище. Несколько сдвинутых в круг высоких камней, прикрытых сверху огромной каменной плитой, положенной чуть наклонно, были оставлены здесь то ли людьми, то ли богами еще в незапамятные времена. Внутри этого укромного пристанища грозный шум моря стихал и превращался в мирный тихий шепот. А в солнечные дни Дейрдре любила сидеть или лежать на каменной крыше, предаваясь мечтам или просто наслаждаясь чудесным пейзажем.

Ничего удивительного в том, что ей нравилось забираться на вершину мыса, не было. Потому что отсюда открывался один из красивейших прибрежных видов во всей Европе. На юге мерцала огромная гладь залива, чьи серо-голубые воды напоминали расплавленную, хотя и холодную лаву или мягко поблескивающую кожу морского божества. На горизонте, вдоль всего берега, высились камни и утесы, холмы и гребни гор, а за ними дымчатые склоны давно погасших вулканов сливались с далекой синевой неба.

И все же, как ни восхищалась Дейрдре изумительным видом на юге, ей больше нравилось смотреть в другую сторону, на север. Отсюда тоже можно было любоваться морскими просторами, пусть и не такими грандиозными, а еще весьма живописной прибрежной равниной, которую здесь называли Долиной Птичьих Стай. Однако северный пейзаж манил ее по иной причине. Сразу за мысом начинался еще один залив, размерами и формой больше похожий на устье реки, и было в этом заливе два острова. Дальний и более крупный из них своими продольными очертаниями напоминал ей рыбу, и в те дни, когда волны приходили в движение, девушке иногда казалось, что он вот-вот уплывет далеко в море. Но больше всего ее притягивал второй островок. Он был совсем близко, и она не раз думала, что до него вполне можно доплыть на лодке. На одном из его берегов был песчаный пляж, в середине поднимался небольшой пригорок, поросший вереском, а со стороны моря темнел невысокий скалистый утес с расщелиной, сквозь которую виднелся высокий камень, стоящий на усыпанной галькой земле. Остров был безымянный и необитаемый. Но он так манил к себе! Дейрдре он буквально завораживал, и в теплые дни она могла часами сидеть и смотреть на него.

Однажды Дейрдре взяла с собой отца, и теперь, когда она возвращалась домой после долгих прогулок, он с улыбкой спрашивал:

– Ну что, снова любовалась на свой остров?

Этим утром она тоже была там и теперь возвращалась расстроенная. В пути ее застиг дождь, но она не обращала на него внимания. Мысль о замужестве угнетала ее. Она до сих пор не видела того человека, которого прочили ей в мужа кузнец Гоибниу и ее отец, но за кого бы ее ни выдали, это означало, что ей придется покинуть родные места. «Я ведь не могу выйти замуж за морскую птицу», – печально думала Дейрдре. Когда она вернулась домой, то обнаружила, что один из двух британских рабов сдуру уронил бочонок с любимым вином ее отца, бочонок треснул, и больше половины содержимого вытекло. Отца и братьев дома не было, иначе раба уже давно бы высекли, а так Дейрдре лишь в сердцах прокляла его всеми известными ей богами. Поведение раба после этого возмутило ее еще больше. Вместо того чтобы попросить прощения или хотя бы принять виноватый вид, этот горемыка, услышав имена богов, бухнулся на колени, истово перекрестился и начал бормотать свои молитвы.

Вообще-то, два этих раба из Западной Британии были одним из самых удачных приобретений отца. Несмотря на все свои недостатки, в том, что касалось домашнего скота, Фергус имел безошибочный глаз, и не важно – были это животные или люди. Дейрдре слышала, что многие из британцев в восточной части соседнего острова изъяснялись только на латыни. После нескольких веков римского владычества ничего удивительного в этом не было. Но в Западной Британии говорили в основном на языке, очень похожем на ее родной язык. Один из рабов был высоким и плотным, второй – росточка небольшого; темные волосы у обоих были

сбриты в знак рабства. Работали они весьма усердно. Но у них была собственная вера. Вскоре после того, как их привезли, Дейрдре увидела, как они вместе молятся. Заметив ее удивление, они объяснили, что исповедуют христианство. Дейрдре знала, что в Британии много христиан, и даже слышала о небольших христианских общинах на их острове, но в самой религии понимала очень мало. Слегка встревожившись, она спросила об этом отца, но тот ее успокоил:

– Британские рабы часто бывают христианами. Это религия рабов. Велит им быть покорными.

Оставив раба с его молитвами во дворе, Дейрдре вошла в дом. Быть может, там, в мирной тишине, настроение ее улучшится. Под дождем ее волосы спутались. Она села на скамью и начала их расчесывать.

Добротный и крепкий, их круглый дом был построен из глины и лозняка и в диаметре достигал примерно пятнадцати футов. Свет проникал внутрь через три двери, которые сейчас были открыты настежь, чтобы впустить свежий утренний воздух. В центре находился очаг, легкий дымок от него поднимался к соломенной крыше. Рядом с очагом стоял большой котел, а на низком деревянном столе – стопка деревянных тарелок. Островитяне не часто пользовались глиняной посудой. На другом столе, у стены, хранились самые главные семейные ценности: красивая бронзовая чаша с пятью ручками, ручная мельница для зерна, пара прямоугольных игральные кости с четырьмя плоскостями, которые нужно было бросать по прямой линии, несколько деревянных кружек, отделанных серебром, и, конечно же, отцовский кубок, сделанный из черепа.

Некоторое время Дейрдре сосредоточенно расчесывала волосы. Ее досада куда-то улетучилась. Но где-то в глубине души еще теплилось то смутное чувство, которое не отпускало ее последние два месяца со дня их возвращения после праздника Лугнасад и которое Дейрдре так упорно не желала признавать. Высокий юный принц с бледным лицом. Она передернула плечами. Какой смысл думать о нем?

А потом она услышала, как ее зовет глупый раб.

Быстрые лошади несли колесницу все дальше вперед. Конал стоял во весь рост, на одной руке его поблескивал тяжелый бронзовый наручник. В колеснице, которой управлял его возничий, как и полагалось по высокому статусу принца, лежали копье, меч и щит. Впереди, над морем, Конал заметил радугу.

Правильно ли он поступает? Даже когда колесница уже приблизилась к деревянной переправе возле Дуб-Линна, Конал еще сомневался. Он был готов обвинить во всем Финбара, но, подумав хорошенько, решил, что друг не виноват. Все дело было в золотых волосах девушки и ее удивительных глазах. И в чем-то еще, чему Конал не знал названия.

Конал никогда прежде не влюблялся. Конечно, опыт общения с женщинами у него был – люди из свиты верховного короля об этом позаботились. Но ни одна из молодых женщин, с которыми он до сих пор встречался, не заинтересовала его по-настоящему. Разумеется, кто-то ему нравился. Но стоило Коналу поговорить с молодой особой некоторое время, как он начинал ощущать, что между ними возникает невидимая стена. Сами женщины не всегда это понимали, они даже находили весьма привлекательным, когда красивый молодой человек вдруг впадал в задумчивость или легкую грусть. А ему хотелось другого. Его печалило, что он ни с кем не может поделиться своими мыслями, а мысли самих девушек так предсказуемы.

– Ты слишком многого хочешь, – откровенничал с ним Финбар. – Не стоит ожидать от молодой женщины мудрости друида.

Но дело было не только в этом. С самого раннего детства, когда Конал сидел в одиночестве возле озер или наблюдал, как красное солнце уходит за горизонт, его всегда посещало чувство глубокой причастности и уверенности в том, что он предназначен богами для какой-то особой цели. Иногда это чувство наполняло его невыразимой радостью, в другие дни казалось

тяжкой ношей. Когда-то он думал, что и все остальные испытывают нечто подобное, и был немало удивлен, осознав, что это не так. Он вовсе не хотел противопоставлять себя всему миру. Но с годами эти чувства не только не проходили, а, наоборот, усиливались. И так уж вышло, что, хотел того Конал или нет, когда он смотрел в глаза какой-нибудь милейшей девушке, тревожный голос в его голове тут же напоминал: осторожно, она помешает твоему предназначению.

А как же та девушка с необыкновенными зелеными глазами? Не была ли она еще большей помехой? Конал не думал, что золотоволосая красавица чем-то сильно отличается от других знакомых ему женщин. И все же предостерегающий голос, который обычно останавливал его, на этот раз звучал недостаточно громко, чтобы принц услышал его. Конала влекло к этой девушке. Он хотел побольше узнать о ней. Поэтому даже Финбар бы удивился, узнав, что принц так долго колебался, прежде чем велел своему возничему запрячь в легкую колесницу пару самых быстрых коней и, не сказав никому ни слова, отправился к Плетеной переправе у темной заводи Дуб-Линн.

Девушка была одна, ее отец и братья уехали на охоту. Во дворе их поместья Конал заметил лишь нескольких батраков. Он сразу увидел, что живет семья Фергуса весьма скромно, и от этого, к счастью, его неожиданный визит не казался таким обременительным. Если бы он посетил какого-нибудь крупного вояжу, весть об этом быстро разнеслась бы по всему острову. А так принц подъехал к рату Фергуса без лишнего шума, будто бы для короткой передышки перед дальнейшей дорогой, по пути отметив для себя, что жилище вояжу давно нуждается в ремонте.

Она встретила его у входа в дом. Любезно поздоровавшись с принцем и извинившись за отсутствие отца, она пригласила его в дом и предложила ему все, что велят законы гостеприимства. Когда принесли эль, Дейрдре сама наполнила кружку. С вежливой невозмутимостью она вспомнила их встречу на празднике Лугнасад, но Коналу показалось, что ее глаза смеются. Он и забыл, как она хороша. Пока он раздумывал, удобно ли задержаться здесь подольше, она вдруг спросила, видел ли он, пересекая брод, темную заводь, что дала название этому месту.

– Нет, не видел, – солгал Конал, а когда она спросила, не хочет ли он осмотреть это место вместе с ней, он согласился.

То ли из-за золотисто-бурого цвета листьев дуба, нависшего над заводью, то ли из-за причудливой игры света на ее поверхности, но, когда Конал стоял рядом с Дейрдре и глядел вниз с отвесного берега на безмятежную гладь, его на мгновение охватило чувство, что темные воды вот-вот втянут его в себя и он неотвратимо и быстро погрузится в их бесконечную глубину. Хотя, конечно, любая заводь таит какое-то волшебство. Тайные тропы под ее водами могут привести в Иной Мир. Именно поэтому так часто в заводь бросали в качестве подношений богам оружие, церемониальные сосуды или золотые украшения. Но в ту минуту Коналу чудилось, что темная вода Дуб-Линна грозит ему чем-то более таинственным, чему нет названия. Он и прежде испытывал такой же страх, но, как бороться с ним, не знал.

Девушка рядом с ним улыбалась:

– А еще у нас есть три источника. Один посвящен богине Бригид. Хочешь посмотреть?

Конал кивнул.

Они полюбовались на источники, которые были в чудесном месте на склоне холма над рекой Лиффи. Потом повернули обратно к дому и медленно пошли по тропе, заросшей травой. Пока они шли, Конал вдруг понял, что совершенно не представляет, что ему делать дальше. Эта девушка вела себя совсем не так, как другие молодые особы. Она не старалась подойти к нему поближе, как-то коснуться его, даже не взяла его под руку. Глядя на него, она просто улыбалась милой, открытой улыбкой. Была очень доброжелательной и естественной. Коналу захотелось обнять ее. Но он этого не сделал. Когда они подошли к дому, принц сказал, что должен ехать дальше.

Мелькнуло ли на ее лице разочарование? Возможно, чуть-чуть. Ждал ли он этого? Да, признался себе Конал, он действительно ждал.

– Может, в следующий раз, когда поедешь этой же дорогой, ты погостишь у нас подольше? – сказала Дейрдре.

– Непременно, – пообещал принц. – Так и сделаю.

Потом он сел в колесницу и уехал.

Когда вечером домой вернулся Фергус и Дейрдре рассказала ему об их недавнем госте, он тут же загорелся любопытством.

– И кто это был? – спросил он.

– Просто человек, ехал на юг. Он здесь недолго пробыл.

– И ты даже не попыталась разузнать о нем что-нибудь?

– Он приезжал в Кармун на Лугнасад, так он сказал.

– Да там половина Ленстера была! – воскликнул Фергус.

– Он сказал, что видел нас там, – уклончиво пояснила Дейрдре. – Но я его не помню.

Фергус в недоумении уставился на дочь. Ему было совершенно непонятно, как можно увидеть незнакомого человека не один, а целых два раза и так ничего о нем и не узнать.

– Я ему предложила эля, – беспечно сказала Дейрдре. – Может быть, он еще вернется.

При этих словах, к ее радости, отец наконец-то отвернулся, ушел в свой любимый уголок рядом со столом, где стоял его драгоценный кубок из черепа, закутался в плащ и улегся спать.

А вот Дейрдре еще долго не спалось. Прижав колени к подбородку, она сидела и думала о прошедшем дне.

Она была горда тем, как держалась утром. Когда она увидела колесницу Конала, у нее вдруг перехватило дыхание. Чувствуя, как сильно колотится сердце, она усилием воли все-таки заставила себя успокоиться и, когда принц подъехал к воротам, уже полностью владела собой. Она даже не покраснела. И все время, пока Конал был здесь, ни разу не потеряла самообладания. Но вернется ли он? Не оттолкнула ли она его своей холодностью? Этого она боялась даже больше, чем поставить себя в глупое положение. Когда они шли к заводу, Дейрдре очень хотелось подойти к нему ближе или даже коснуться его, но она не решилась и теперь была уверена, что все сделала правильно. Но как бы ей хотелось, чтобы принц обнял ее, когда в следующий раз придет сюда. А как же ей вести себя тогда? Взять его за руку? Дейрдре не знала, что ей делать.

Зато она точно знала: чем дольше она будет сбивать отца со следа, тем лучше. С его любовью к долгим разговорам он наверняка в конце концов вогнал бы ее в краску. Если бы у нее была хоть крохотная надежда, что она и этот юноша...

А чем же ей самой так приглянулся этот тихий, задумчивый незнакомец? Тем, что был принцем? Нет, конечно нет!

В силу давней традиции верховным королем мог стать только человек, не имеющий ни единого изъяна. Все знали историю легендарного короля богов Нуады. Потеряв в битве руку, он отказался от королевского сана. Потом ему была дарована серебряная рука, и она постепенно превратилась в настоящую. Только после этого Нуада Серебряная Рука смог снова стать королем. Так же предположительно все обстояло и с верховными королями. Несовершенному королю боги не станут благоволить, и тогда королевство придет в упадок.

Ей казалось, что этот красивый воин, который, по ее ощущениям, не слишком-то хотел знакомиться с ней на празднике Лугнасад, обладал настоящей королевской статью. Тело его было безупречно – она сама это видела. Но больше всего ее поразили его задумчивость, сдержанность и какая-то тайная печаль, скрытая глубоко внутри. Он был не похож на других. Легкомысленная простушка никогда не привлекла бы его внимания. И он приехал в Дуб-Линн, чтобы повидать ее. Это она знала точно. Но вернется ли он?

На следующий день была прекрасная погода. Утро прошло без особых событий, все занимались своими привычными делами. Но ближе к полудню один из британских рабов объявил, что через переправу кто-то едет, и Дейрдре вышла посмотреть. Путников было всего двое. Они сидели в легкой повозке, следом шло несколько выючных лошадей. Одного из мужчин Дейрдре узнала сразу. Второго, высокого, она никогда не видела.

Тот, что поменьше ростом, был кузнец Гоибниу.

Конал проснулся на рассвете. Накануне вечером, уехав от Дейрдре, он пересек высокий мыс на подступах к Лиффи и, выбрав подходящее укрытие возле какого-то утеса, заночевал на его южных склонах. Теперь, едва начало светать, он взобрался на утес и, повернувшись к югу, стал всматриваться в подернутую утренней дымкой величественную картину, которая открывалась внизу.

Справа, ловя первые проблески солнца, в бледно-голубое небо, усеянное быстро тающими звездами, поднимались пологие холмы и давно потухшие вулканы; слева под белой полоской тумана серебрилась морская гладь. Между этими первичными мирами, насколько мог видеть глаз, пока она не исчезала в тумане, простиралась огромная пустошь, которая, словно зеленым плащом, заботливо укрывала берег и склоны холмов. По кромке этого плаща вдоль всего берега громоздились невысокие скалистые утесы, а под ними вспененные морские волны накатывали на сверкающий песок.

На нижнем склоне принц увидел, как в траве промелькнула лисица и скрылась среди деревьев. Воздух понемногу наполнялся звуками утра. Вдали, почти у самого берега, медленно скользила по воде цапля. Конал почувствовал на щеке легкое тепло раннего солнца и повернулся лицом на восток. Мир словно рождался на его глазах.

В такие минуты, когда все вокруг казалось столь совершенным, он готов был петь вместе с птицами, чтобы вознести хвалу этому чудесному миру словами древних кельтских поэтов, чьи строки сами приходили на ум. И тем утром это были строки самого древнего из них, Амергина – поэта, прибывшего сюда вместе с первыми кельтскими поселенцами, когда они приняли этот остров от божественных Туата де Данаан. Это он, Амергин, едва ступив на такой же берег, произнес слова, ставшие с тех пор началом для всей кельтской поэзии. Да и как могло быть иначе, ведь стихи Амергина были ничем иным, как древней ведической мантрой, образцы которой можно найти повсюду, где распространилась огромная индоевропейская семья, – от песен западных кельтских бардов до индийской поэзии.

Я – ветер на море,
Я – волна в океане,
Я – грохот моря...

Так начиналась эта великая молитва. Поэт был быком, ястребом, каплей росы, цветком, лососем, озером, острым оружием, искусным словом, даже богом. Он менял свои преобразования не только с помощью магии, но и потому, что все в основе своей едино. Человек и природа, море и суша, даже сами боги вышли из первичного тумана и слились в едином беспредельном волшебстве. Таково было знание древних, сохраненное на западном острове. И оно было известно друидам.

Именно это испытывал Конал, когда оставался один: чувство единения со всем миром. И это чувство было таким сильным, таким важным и таким драгоценным для него, что принц не представлял, как мог бы без него жить.

Вот почему сейчас, в этой удивительной тишине, глядя, как солнце начинает свое восхождение на небосклоне, Конал был так печален. Его мучил вопрос, на который он не знал ответа. Не потеряет ли он это прекрасное чувство общности с миром, если будет жить с другим

человеком? Можно разделить это чувство с женой или оно неизбежно покинет его? Сердце подсказывало ему, что так и будет, но он все равно сомневался.

Он был влюблен в Дейрдре. Теперь он знал это наверняка. Он хотел вернуться к ней. Но не станет ли это решение гибельным для него?

Без сомнения, он был привлекательным мужчиной. Высокий, чуть лысоватый, лет тридцати, как она предположила, с твердым волевым лицом и черными глазами, как ни странно, вполне добродушными. Они мило побеседовали и через какое-то время, когда он выяснил ее вкусы и пристрастия и, как ей пришлось признать, составил себе некоторое – разумеется, верное – представление о ее нраве, Дейрдре увидела, как мужчина бросил короткий взгляд на Гоибниу, что, вероятно, служило сигналом. Потому что вскоре после этого кузнец взял ее отца под руку и предложил прогуляться.

Вот, значит, как. Ее выдают замуж. Дейрдре не сомневалась, что на этот раз предложение жениха будет щедрым. Насколько она могла судить, ее будущий муж был довольно состоятельным. Она могла считать себя счастливицей. Единственной преградой было то, что он ей совсем не нравился.

Она встала. Мужчина слегка удивился. Дейрдре улыбнулась, сказала, что скоро вернется, и вышла из дому.

Неподалеку стояли Гоибниу и ее отец. Они выжидательно посмотрели на нее, но девушка знаками дала понять, что хочет поговорить с отцом наедине, и Фергус подошел к ней сам:

– Что такое, Дейрдре?

– Он делает мне предложение? Да, отец?

– Да. Причем блестящее. Тебя что-то беспокоит?

– Нет. Ничуть. Можешь сказать Гоибниу, – она с улыбкой кивнула в сторону кузнеца, – что мне нравится его выбор. Похоже, человек он хороший.

– Я рад. – Отец заметно повеселел. – Так и есть.

Он уже собирался вернуться к Гоибниу.

– Но я тебе должна кое-что рассказать, – спокойно добавила она.

– Что же?

Ничего другого не оставалось. Пусть это рискованно, но она не хотела упустить свою судьбу.

– Отец, ты слышал о Конале, сыне Морны? Он племянник верховного короля.

– Конечно слышал. Но я не знаю его.

– Зато я знаю. Мы познакомились на празднике Лугнасад. – Дейрдре немного помолчала, отец с изумлением смотрел на нее. – Это он приезжал сюда вчера. И думаю, он приехал из-за меня.

– Ты уверена? Неужели он действительно...

– Как я могу быть уверена, отец? Нам нужно время, чтобы все понять. Но мне кажется, такое возможно. Что же теперь делать?

Ловкий торговец скотом улыбнулся:

– Иди в дом, девочка. Предоставь это мне.

– Он ведь ей понравился? – резко спросил Гоибниу, когда Фергус вернулся к нему.

– Она как раз и пришла сказать мне, что понравился, – с улыбкой ответил Фергус и тут же осторожно добавил: – Более-менее.

Гоибниу коротко кивнул:

– Этого вполне достаточно. А как насчет цены?

– Цена подходящая.

– Тогда мы сразу заберем ее с собой.

– Боюсь, это невозможно.

– Почему?
– Она будет нужна мне всю зиму, – любезно произнес Фергус. – А вот к весне...
– Но, Фергус, он хочет получить женщину как раз зимой!
– Ну, если у него искренние намерения...
– Милость божья, что ты говоришь! – взорвался Гоибниу. – Потащился бы он в вашу жалкую дыру из самого Ульстера, не будь у него искренних намерений!
– Рад это слышать, – твердо произнес Фергус. – Значит, весной она будет ему принадлежать.
Гоибниу прищурил единственный глаз:
– Ты получил другое предложение.
– Ну, вообще-то, нет. – Фергус немного помолчал. – Хотя такое вполне может случиться.
Но я не тороплюсь, понимаешь, сделка есть сделка и...
– Хватит меня дурачить! – перебил его Гоибниу.
– Он ее получит, – пообещал Фергус. – Не сомневайся. – Позже, когда гости уехали, он сказал дочери: – И ты за него выйдешь, Дейдре, если твой Конал ничего не предпримет до весны.

III

Несмотря на молодость, Ларине уже пользовался уважением за свою мудрость. Его даже прозвали Миротворцем. Поэтому, придя однажды ранним весенним утром в раскинутый на побережье Ульстера лагерь верховного короля, молодой друид ничуть не удивился, когда король захотел поговорить с ним наедине.

– Хочу посоветоваться с тобой, Ларине, – начал король. – Что мне делать с моим племянником Коналом?

Друиду всегда нравился Конал, и в последние месяцы их отношения стали особенно доверительными. Ларине испытывал к принцу нежность и преданность. И еще его тревожила нарастающая печаль, что так мучила юношу. Поэтому его ответ прозвучал весьма осторожно.

– Мне кажется, он обеспокоен. Долг велит ему во всем повиноваться тебе и блюсти честь отцовского имени. Он этого искренне хочет. Но боги дали ему глаза друида.

– Ты действительно веришь, что у него есть дар друида?

– Верю.

Последовало долгое молчание. Наконец верховный король произнес:

– Я обещал его матери, что он пойдет по стопам отца.

– Знаю, – кивнул Ларине. – Ты поклялся ей?

– Нет... – задумчиво сказал король. – Но ведь она моя сестра, поэтому в том не было необходимости.

– И все же ты не связан клятвой.

Они снова надолго замолчали. Ларине был почти уверен, что, если бы они остались наедине чуть подольше и продолжили свой доверительный разговор, верховный король, пожалуй, согласился бы исполнить желание Конала. Но судьба распорядилась так, что именно в этот момент появилась королева. И, скорее всего, Ларине уже ничего не мог сделать после того, как она, обменявшись с ним обычными приветствиями, устремила на него строгий взгляд чуть прищуренных глаз и требовательно спросила, о чем они разговаривали.

– О желании Конала стать друидом, – негромко ответил он.

Он не видел особых причин, почему королеву должно волновать, станет Конал друидом или нет. Как не понял и того, пока король не объяснил ему, почему королева вдруг закричала не своим голосом:

– Нет, пока он не приведет мне того быка!

– Твой дядя пока ничего не решил, – позже сказал Ларине Коналу.

– А королева?

– Королева рассержена, – признался друид.

И это еще было мягко сказано. Разумеется, Ларине и раньше знал о вспыльчивости королевы и все же был потрясен тем, какую взбучку она задала своему мужу. Задыхаясь от ярости, она кричала, что он обещал отправить именно Конала, обещал лично ей. Не на шутку разбушевавшись, она называла короля худшим из предателей. Она не давала ему вставить ни слова в свое оправдание. Впрочем, в нескончаемом потоке брани друид все же уловил одну вполне разумную мысль, которая оправдывала предстоящий набег, и касалось это утверждения королевской власти. Тут он не стал бы спорить с королевой. Конечно, можно было послать и кого-нибудь другого, но юный принц Конал, такой привлекательный и такой неопытный, был лучшим выбором для демонстрации превосходства короля перед дерзким вождем. В таком решении было свое изящество. Но все же королева вела себя глупо. Поговори она с мужем с глазу на глаз и без крика, может, и добилась бы своего. А так, уязвленный тем, что его оскорбили в присутствии друида, ее муж не мог одновременно сохранить достоинство и выполнить ее требование. Конечно, обо всем этом Ларине Коналу не рассказал.

– Верховный король сказал, что все решит, – только и сообщил друид. – Он обещал мне, что сначала поговорит с тобой наедине.

– Я ничего не знал о его планах украсть черного быка, – признался Конал.

– Это тайна, и ты не должен им показывать, что узнал ее от меня. – Ларине немного помолчал. – Конал, когда ты добудешь этого быка, ты сможешь попросить короля освободить тебя от твоих обязательств. Тогда королеве нечего будет возразить.

Но Конал покачал головой.

– Ты действительно в это веришь? – со вздохом спросил он. – Ларине, я знаю их, знаю даже лучше, чем тебя. Если мне повезет и я приведу того быка, то не пройдет и месяца, как они придумают мне новое задание. А потом еще и еще. Неудача будет позором, а удача честью – для меня, конечно, но прежде всего для моего дяди, верховного короля. И так будет всегда, пока я не умру.

– Все может измениться.

– Нет, Ларине. Не может. Есть только один способ это прекратить...

– Ты не сможешь отказаться.

Некоторое время Конал напряженно думал.

– Может, и смогу, – пробормотал он наконец.

Вот только лучше, подумал друид, ничего не говорить об этом королю.

Миновала зима, а он так и не появился. В иные дни дочь казалась ему бледнее луны. Даже братья заметили ее печаль. Напрасно он тогда взял ее с собой в Кармун на Лугнасад, думал Фергус. Теперь он точно знал, что ее встреча с Коналом ни к чему хорошему не приведет.

Поначалу он ждал, что принц вернется. Дейдре была неглупа, вряд ли она ошиблась. Конал действительно заинтересовался ею. Но время шло, а от него не приходило никаких вестей. Вождь даже попытался осторожно расспросить кое-кого о молодом принце. Узнав, что жизнью Конала управляют назначенные друидами гейсы, он попытался мягко предупредить об этом дочь.

– Людям, отмеченным такой судьбой, – сказал он, – не всегда достается легкая и спокойная жизнь.

Но, конечно же, все его слова были напрасны.

Почему же он так и не приехал? Причин могло быть множество. Но чем дольше Фергус смотрел на тихие страдания дочери, тем чаще ему на ум приходила одна мысль, и с каждым

разом она становилась все настойчивее в своем коварстве. По чьей вине не приехал Конал? Не по вине самого принца, не по вине Дейрдре. Виноват в этом только он. Разве такой высоко-родный принц, как Конал, захочет жениться на дочери Фергуса? Вот если бы Фергус был богат и знатен, тогда другое дело. Но у него не было ни богатства, ни высокого положения.

Другие мужчины на острове, ничуть не более знатные по происхождению, чем он, отправлялись в походы за море или шли воевать, чтобы добыть богатство и славу. А что сделал он? Сидел себе в Дуб-Линне, присматривал за переправой да развлекал заезжих гостей.

А дела его между тем становились совсем плохи. Когда путники заглядывали в его дом, принимали их на славу. Фергус, не задумываясь, приказывал забить свинью, а то и теленка, чтобы устроить гостю роскошный пир. Старый бард, который пел ему почти каждый вечер, получал щедрую плату. Семьи с соседних дворов, называвшие его своим вождем, всегда могли найти еду и приют в его доме, а если они не могли заплатить скромную дань скотом или вернуть долг, Фергус частенько просто забывал об этом. Такими незатейливыми способами он подчеркивал свое положение, простодушно считая это очень важным для поддержания достоинства. В результате в последние годы Фергус сам оброс долгами, но упорно продолжал скрывать это от семьи. Пока ему удавалось сводить концы с концами, потому что он был прирожденным скотоводом и благодарил за это богов. Но его тайные ошибки грызли его изнутри, особенно после смерти жены, и теперь осознание жизненной неудачи начало буквально терзать его.

Кто я? – думал он. Что думают обо мне люди? Вот, мол, идет человек, который гордится своей дочерью. Уж она-то наверняка принесет своему отцу щедрую награду... А что я сам сделал такого, чтобы моя дочь могла гордиться мной? Слишком мало. Вот и вся правда. А теперь его дочь влюбилась в человека, который из-за такого отца не может на ней жениться.

Дейрдре никогда не говорила об этом. Она просто делала все домашние дела, как обычно. В середине зимы он иногда замечал, как она долго смотрит на дальний берег за переправой. Однажды она отправилась на мыс, посмотреть на свой любимый маленький остров. Но когда зима уже подходила к концу, она все больше замыкалась в себе, и ее потухший взгляд теперь был устремлен только на то, чем были заняты ее руки, или в стылую замерзшую землю.

– Ты бледнее подснежника, – сказал он ей однажды.

– Подснежники вянут. А я – нет, – ответила Дейрдре. – Или ты боишься, – спросила она вдруг с горькой усмешкой, – что я увяну еще до свадьбы?

Когда Фергус отрицательно качнул головой, она добавила:

– Отвези меня к моему мужу в Ульстер.

– Нет, – мягко возразил Фергус. – Еще рано.

– Конал не придет. – В голосе Дейрдре слышалась покорность. – Я должна быть благодарна за хорошего человека, которого ты мне нашел.

Не за что тебе меня благодарить, подумал Фергус, но вслух сказал:

– Еще есть время.

А несколько дней спустя, ничего не объяснив домашним, лишь сказав, что его не будет какое-то время, Фергус сел на коня и ускакал через переправу.

Финбар внимательно выслушал все, что сообщил ему Конал о налете на чужое стадо и о своем отношении к этому. И лишь потом недоуменно покачал головой:

– В этом и разница между нами, Конал. Вот я, бедный человек. Чего бы я только не отдал за такую возможность! А тебя, принца, гонят к славе против твоей воли.

– Вот тебе бы и возглавить поход вместо меня, – ответил Конал. – Я скажу дяде.

– Не вздумай! – воскликнул Финбар. – Не хватало еще неприятностей на мою голову. – Помолчав, он с любопытством взглянул на Конала и осторожно спросил: – А нет ли еще чего-то, о чем ты хотел бы мне рассказать?

Перемены в поведении друга Финбар заметил еще в начале зимы. Конечно, принц и раньше впадал в печальную задумчивость, но теперь, когда он хмурился, поджимал губы и безучастно смотрел на горизонт, Финбару казалось, что мысли его заняты какой-то новой заботой. После рассказа принца о похищении быка он решил, что именно это и беспокоило друга. Но когда выяснилось, что о задании короля Конал узнал лишь два дня назад, стало понятно, что принца гложет что-то иное.

– Ты точно не хочешь со мной поделиться? – сделал вторую попытку Финбар.

– Точно, – ответил Конал.

И как раз в эту минуту перед ними появился высокий незнакомец.

Фергусу понадобилось несколько дней, чтобы отыскать лагерь верховного короля, но как только он туда добрался, его сразу же отвели к Коналу. Стараясь скрыть восхищение, Фергус смотрел на красавца-принца и его симпатичного товарища.

– Приветствую тебя, Конал сын Морны, – торжественно заговорил Фергус. – Я Фергус сын Фергуса, и мне нужно кое-что сказать тебе наедине.

– От моего друга Финбара у меня секретов нет, – спокойно откликнулся Конал.

– Это касается моей дочери Дейрдре, – начал Фергус, – которую ты навещал в Дуб-Линне.

– Об этом я буду говорить один, – быстро произнес Конал, и Финбар тут же оставил их, с удивлением отметив, что принц покраснел.

Рассказ Фергуса был недолгим. Когда он сказал принцу, что дочь любит его, он заметил, как Конал смутился и на лице его появилось виноватое выражение. А когда сообщил о предложении кузнеца Гоибниу, увидел, как принц побледнел. Он не давил на молодого человека, не вытягивал у него никаких признаний – просто сказал на прощание:

– До Белтейна свадьбы не будет. Но потом я должен отдать ее жениху.

С этими словами Фергус ушел.

Финбар едва заметно улыбнулся. Так, значит, Конал проделал весь этот долгий путь до реки Лиффи, чтобы увидеть ту самую девушку, с которой он его познакомил на Лугнасад. Вот что занимает его мысли. Так и есть. Наконец-то таинственный принц-друид ведет себя как нормальный мужчина. Выходит, не все еще потеряно.

Как только Фергус ушел, Финбар сразу подошел к другу. На этот раз Конал не стал отпираться и рассказал ему обо всем.

– Думаю, – сказал Финбар не без удовольствия, – что ты нуждаешься в моем совете. – И твердо посмотрел на принца. – Тебе действительно нравится эта девушка?

– Наверное. Думаю, да. Я и сам не знаю.

Белтейн. Начало мая.

– У тебя всего два месяца, – напомнил принцу Финбар, – чтобы все окончательно решить.

IV

Гоибниу усмехнулся. Куда ни посмотри, повсюду виднелись небольшие группки людей. Кто-то прибывал верхом или на колесницах, но в основном все шли пешком и вели с собой корову или быка. Все эти люди направлялись к единственному на равнине холму, что высился в самой ее середине.

Холм Усних, центр острова.

На самом деле остров имел два центра. Королевский холм Тара, что лежал всего в одном дне пути на восток отсюда, был величайшим политическим центром. А вот географический центр был здесь, на холме Усних. Как гласила легенда, именно отсюда во время могучего ливня излились двенадцать рек острова. Пуп земли – так иногда называли этот круглый холм.

Однако значение Уснеха не ограничивалось одной только географией. Если Тара была холмом королей, то Уснех стал холмом друидов, средоточием сакральных сил этой земли. Здесь жила богиня Эриу, давшая острову свое имя. Здесь, еще до прихода народа Туата де Данаан, таинственные друиды зажгли первый священный огонь, головешки из которого потом были доставлены во все семьи острова, чтобы каждый мог иметь собственный очаг. Спрятанный на Уснехе в потайной пещере священный колодец содержал знание всего на свете. На самой вершине холма стоял пятиугольный Камень Делений, здесь сходились границы пяти королевств острова. Именно на Уснехе друиды проводили свои тайные встречи.

И здесь же, на Уснехе, каждый год первого мая, в праздник Белтейн, проходили Великие собрания.

Среди всех ежегодных кельтских праздников самыми магическими были, безусловно, два: Самайн, прародитель Хеллоуина, и Майский день, названный Белтейн. Поскольку год делился на две части – зиму и лето, два этих праздника отмечали их встречу, как встречу света и тьмы. На Самайн начиналась зима, в день Белтейна зима заканчивалась и приходило лето. Канун обоих праздников был наполнен особой таинственностью. Ведь именно в эти ночи времяисчисление словно замирало и нельзя было сказать, то ли это зима, то ли лето. Зима, время смерти, встречалась с летом, началом жизни; мир нижний встречался с миром верхним. Духи нарушали границы своих миров; мертвые приходили, чтобы смешаться с живыми. То были ночи загадочных явлений и мерцающих теней, внушающих страх перед Самайном, потому что вели вас к смерти, и уже не такие страшные – перед Белтейном. Потому что летом мир духов становился всего лишь проказлив и любвеобилен.

Гоибниу любил Белтейн. Может, у него и остался только один глаз, но все остальное было на месте, и его мужская удаль славилась повсюду. Наблюдая за людьми, Гоибниу испытывал острое чувство предвкушения. Как давно он был с женщиной? Ну, положим, не очень давно. Но ведь это Белтейн!

К вечеру в розовом закатном свете толпились уже тысячи людей, готовых к восхождению. Дул легкий теплый ветер. У подножия холма слышались звуки волынки. Воздух был наполнен ожиданием.

Дейрдре посмотрела на свою небольшую семью. Оба ее брата держали ветки с зелеными листьями. И самой Дейрдре следовало бы поступить так же, таков был обычай Белтейна. Но ей не хотелось. Братья глуповато улыбались. Когда они срывали ветки, какая-то старуха спросила их, собираются ли они этой ночью найти себе девушек. Дейрдре промолчала. На ее взгляд, вероятность была невелика. Конечно, иногда такое случалось. Когда ночь подходила к концу, после бурного веселья, с танцами и обильными возлияниями, в темных уголках могли происходить и недозволенные соития. Молодые любовники, жены, которые ускользнули от мужей, мужчины, сбежавшие от жен. В мае это было обычным делом. Но только не для нее. Как незамужняя дочь вождя, Дейрдре была обязана заботиться о своей чести. Она не могла уподобиться батрачкам или рабыням. А как же отец? Дейрдре взглянула на него. Кто теперь, после ее замужества, будет вести хозяйство? Может, отец воспользуется праздником и найдет себе женщину? Пусть он никогда, даже намеком, не показывал, что думает об этом, но такое вполне могло произойти. И что она тогда будет чувствовать, Дейрдре не знала.

Помимо ее воли, глаза сами внимательно оглядывали толпу. Конал наверняка где-нибудь здесь. Пока девушка его не видела, но точно знала, что принц должен быть на празднике. Он так и не приехал еще раз повидать ее. Уже прибыл верховный король с большой свитой, но Конала среди них она не заметила. Если он захочет ее найти, пусть поищет. Если же нет... Она больше не может ждать. Скоро появится ее жених, и отказа он не получит.

А может, Конал и хотел-то ее только на одну ночь, как принято на Белтейн? Что, если он предложит ей ночь любви, а потом предоставит ее собственной судьбе? Нет! Он слишком

благороден для такого коварства. Но что будет, если этой ночью он действительно подойдет к ней там, на холме? Если, как призрак, вдруг возникнет рядом? Прикоснется к ней? В темноте взглядом задаст вопрос? Что, если Конал все-таки?... Следует ли ей пойти с ним? Следует ли уподобиться какой-нибудь рабыне и отдаться ему? Дейрдре мучила себя этими вопросами и не находила ответов.

Солнце понемногу клонилось к закату, и вся толпа начала взбираться на холм. На всем острове сейчас люди точно так же поднимались на холмы. В канун Белтейна все общины собирались вместе, чтобы оградиться от духов зла, выходивших на волю в эту волшебную ночь. Эти духи готовы были сотворить любые проказы: они крали молоко, насылали странные сны, околдовывали, сбивали с дороги. Просто ради забавы. А еще им нравилось дурачить людей. Когда их пытались найти, эти хитрецы обычно исчезали. Именно поэтому в кельтском мире накануне Майского дня все люди бодрствовали ночь напролет.

Дейрдре вздохнула. До рассвета еще так далеко... И она снова, сама того не замечая, огляделась по сторонам.

Каким странным казалось лицо Конала в свете звезд. На мгновение Финбар готов был поверить, что оно такое же твердое, как тот пятиугольный камень на вершине холма, в сорока шагах от них. Но стоило задержать взгляд чуть подольше, и могло показаться, что оно сливается с темнотой, словно растворяясь с ней. Да полно! Возможно ли такое? Это просто мерцающий свет звезд отражается в ночной росе, играя бликами на их лицах.

Вскоре появятся первые проблески рассвета. Потом начнется обряд встречи восхода солнца, и после этого, уже при ярком свете дня, великий ритуал разжигания костров Белтейна. Но пока продолжалась ночь. Финбар никогда не видел такого ясного неба. На его черном фоне звезды выделялись еще отчетливее, мягко освещая тонкий покров тумана, укрывшего долину вокруг холма. Казалось, холм Усних поднимается из облака в самом центре вселенной.

– Я ее видел, – сказал он тихо, так, чтобы услышал только Конал.

– Кого? – спросил Конал.

– Ты прекрасно знаешь, что я говорю о Дейрдре. – Финбар помолчал, но, не дождавшись ответа, продолжил: – Она там. – И он махнул рукой вправо. Конал повернул голову, и его лицо скрыла тень. – Ты с ней встретишься?

Снова повисло долгое молчание, и даже звезды сдвинулись с места, а Конал все не отвечал.

– Ты ведь знаешь, времени почти не осталось, – прошептал Финбар. – Ее жених ждет. Ты не собираешься ничего сделать?

– Нет.

– Разве ты не должен с ней поговорить?

– Нет.

– Значит, тебе это безразлично.

– Я этого не говорил.

– Конал, ты совсем запутал меня.

Финбар больше ничего не сказал, но подумал: «Наверное, мой друг решил принять какое-то непонятное самоотречение, как иногда делают воины или друиды». А если это просто обычный страх, который большинство молодых людей испытывает перед таким серьезным выбором? Или еще что-то? Почему Конал сознательно толкает эту девушку в руки другого мужчины? Финбару это казалось извращением. Но даже сейчас он еще мог что-нибудь сделать, чтобы помочь другу. По крайней мере, стоило попытаться.

Небо уже наполовину посветлело. Звезды понемногу угасали. Над горизонтом показалось золотое сияние.

Верховный король пристально смотрел на небосклон. В такие минуты он всегда испытывал волнующий трепет, словно молодость вновь возвращалась к нему. Правда, в этот раз ожидание рассвета не смогло отогнать от него мысли, которые занимали его всю ночь. Недавно он принял решение. План был готов. Для его осуществления не хватало лишь одной мелочи, хотя и очень важной.

Необходимо было завершить два дела. Перво-наперво, разумеется, получить хороший урожай. Он постарался ублажить друидов. Дары, лесть, почитание – он ни на что не скупился. Жрецы были на его стороне. Но разве им можно доверять? По опыту он знал, как жрецы тщеславны. Но что бы им ни требовалось для обрядов или жертвоприношений, он им все обещал. Пусть подносят богам что угодно ради хорошей погоды.

Второе, что он должен был сделать, – это вернуть уважение к себе. Кое-чего можно добиться без особого труда. Поход за черным быком мог стать неплохим началом. Его жена, несмотря на все ее недостатки, была права, настаивая на этом, да и время выбрала самое подходящее. Но беда в том, что все оказалось гораздо серьезнее. Когда королевская власть ослабела, это очень скоро, хотя и исподволь, затронуло все стороны его жизни. Непочтительность, с которой его собственная жена говорила с ним на глазах того молодого друида, пусть он и не занимал высокого поста, была лишь одним звеном в цепи. И чтобы исправить такое положение, ему понадобится нечто большее, чем обычная демонстрация власти. Любого короля должны уважать, а верховного короля – не просто уважать, а бояться. Подобно богу, он обязан быть непостижим и для своих врагов, и для своих друзей. Его задача убедить их, что если они глумятся над его властью, то лишь потому, что он сам позволяет им это, снисходительно наблюдая за их вероломством и прекрасно зная обо всех их мыслях и поступках. А потом он должен показать им всю свою силу, ярость, внушить благоговение, как восходящее солнце.

Пришло время нанести удар – тогда, когда они меньше всего ожидают, и король точно знал, что делать. Оставалась лишь одна мелочь, чтобы все расставить по своим местам. Один человек, которого он еще не выбрал. Кто знает, возможно, он найдет этого человека сегодня.

Весь остаток ночи Конал молчал. И если причины его поведения были непонятны Финбару, то сам принц отлично их понимал.

Когда он приехал к Уснеху, все его мысли были заняты предстоящим походом. Еще раньше в разговоре с ним Ларине уверял, что верховный король пока не принял решения на его счет, но обещал друиду, что непременно поговорит с племянником до того, как это решение будет принято. Неделю за неделей Конал с тревогой ждал, когда же дядя заговорит об этом, но так и не дождался. Постепенно Конал пришел к выводу, что планы верховного короля изменились. И растущее чувство облегчения от этого лишь усиливало его желание стать друидом.

Но оставалась еще Дейрдре. Была ли она частью той судьбы, что ему уготована? Готов ли он взять на себя обязательства, сделать бесповоротный шаг, поехать в Дуб-Линн и просить ее руки? Проходили дни, месяцы, а этот вопрос не оставлял его. Но каждый раз, когда он думал о поездке, что-то его удерживало. И уже перед отъездом к холму Уснех он наконец осознал то, что хоть немного помогло ему обрести душевное равновесие. Если я до сих пор не поехал к ней, сказал себе принц, значит я не люблю ее по-настоящему. Значит, она не моя судьба.

Перед самым рассветом его руки коснулся Финбар.

– Идем-ка вон туда, – негромко произнес он, показывая влево. – Оттуда восход лучше виден.

Конал не заметил особой разницы, но спорить не стал.

Вместе с тысячами других людей, собравшихся на склоне Уснеха, они ждали волшебного мгновения. Вот горизонт начал мерцать, и из его ненадежных объятий вырвался край огромного диска. По туманной равнине разлилось золотое сияние. И начался один из самых любимых обрядов Майского дня в кельтском мире – купание в росе.

Дейдре не заметила его. Опустившись на колени, она окунула ладони в сияющую влагу росы и омыла лицо. Рядом какая-то женщина держала голенького младенца, осторожно перекачивая его по траве. Потом Дейдре выпрямилась, еще раз провела влажными от росы ладонями по лицу и, разметав руки, чтобы всей грудью ощутить тепло восходящего солнца, запрокинула голову и глубоко вздохнула, словно желая вобрать в себя солнечные лучи.

Конал замер, глядя на нее. Финбар наблюдал за ним. Когда принц понял, что друг его обманул, он нахмурился, резко повернулся и зашагал прочь.

Стояла сильная жара. Коровы растянулись в длинный ряд. Ночь они провели в загонах, а теперь их вели к кострам, одну за другой. Животным это не нравилось. Ревущий впереди огонь пугал их. Черда костров поменьше, выстроенная узким коридором, вынуждала их двигаться к двум огромным кострам, между которыми они должны были пройти. Коровы замычали. Некоторых приходилось как следует подгонять. Но самым жутким зрелищем, по крайней мере для человеческого глаза, был не пылающий огонь, а те странные фигуры, что собрались, подобно стае огромных злобных птиц, прямо за сверкающими воротами.

То же самое происходило по всему этому миру. Друиды Ирландии, сибирские шаманы, сторонники культа иранского бога Митры или знахари из Северной Америки – все те, кто во время сакральных ритуалов входил в транс для общения с богами, надевали плащи из перьев. Потому что птичьи перья были не только самым роскошным нарядом в природе, но и таили в себе нечто большее, чем просто намек на способность святых людей подниматься в воздух.

Во время ритуалов Белтейна друиды Уснеха надевали огромные яркие плащи и высокие гребни, похожие на птичьи, и от этого казались едва ли не вполтину выше ростом. Когда каждое животное проводили между очищающими кострами, на него брызгали водой. Этот обряд Майского дня должен был обеспечить им здоровье и увеличение приплода в наступавшем году.

Ларине стоял рядом с одним из старших друидов. Ему следовало сосредоточиться на цепочке проходивших мимо коров. Оставалось еще около пятидесяти. У костра было жарко, а животных было много, поэтому друиды менялись. Очередь Ларине закончилась недавно, и теперь он мог снять тяжелый плащ из перьев. Пока старший друид продолжал наблюдать за огнем, Ларине отвлекся и перевел взгляд на окружающую холм равнину.

А все потому, что его кое-что беспокоило. Первым и безусловно наименее важным поводом для беспокойства был один слушок, даже и не слушок вовсе, а так, шум ветра. Ларине услышал об этом месяц назад.

Дело касалось христиан.

Ларине знал, что христиане живут на западном острове уже несколько поколений. Это были маленькие общины – там часовенка, здесь крестьянский двор; небольшая горстка священников-миссионеров проводила службы для рабов-христиан, а если повезет, то и для их хозяев. Как положено всеведущему друиду, Ларине возложил на себя обязанность узнать о них как можно больше. Он даже познакомился с одним из христианских священников в Южном Ленстере и обсудил с ним некоторые стороны христианского учения. Именно тот священник в прошлом месяце и рассказал ему об этих слухах.

– Говорят, епископы Галлии собираются прислать на остров новую миссию, чтобы расширить общину, а может, даже подобраться к самому верховному королю. – Священник не знал всех подробностей, имена миссионеров также были неизвестны. – А еще говорят, что миссию благословил лично его святейшество.

Около века назад могущественная Римская империя признала христианство государственной религией. Поэтому в течение нескольких поколений друиды западного острова были уверены, что остаются последним изолированным оплотом древних богов, в стороне от обширных пространств христианской Римской империи. Однако еще кое-что служило им в утешение. Христианство охватило далеко не всю империю: в Британии продолжали существовать важ-

ные языческие святилища, к тому же еще жила память о том, как император Юлиан пытался остановить процесс и вернуть империю к прежним языческим верованиям. В любом случае, западный остров защищало море. А с уходом римских гарнизонов из Британии и Галлии Рим вряд ли станет тревожить покой верховного короля. Что тут делать христианским священникам без римских войск? К маленьким христианским общинам на юге острова относились снисходительно, потому что они никому не мешали. Но если кто-нибудь из миссионеров вздумает беспокоить верховного короля, друиды быстро с ним разберутся.

Именно так и сказал Ларине тому священнику и, возможно, был чересчур резок, потому что тот пришел в ярость, стал говорить, что еще не так давно друиды приносили в жертву людей, а потом напомнил Ларине, как пророк Илия победил языческих жрецов бога Ваала.

– Он пришел к ним на праздник, – торжественно сказал священник, – сложил огромный костер, и тот вспыхнул, когда он молился Господу, а жрецы Ваала не смогли зажечь огонь. Так что поосторожнее, – сурово добавил он. – Остерегись, как бы посланники истинного Бога не опозорили тебя на Белтейне.

– Огни Белтейна горят ярко, – ответил Ларине, рассудив, что христианин просто стал жертвой самообмана.

И все же что-то в той беседе его настораживало, но что именно, он и сам не мог понять. Некое смутное опасение. Поэтому, как бы глупо это ни выглядело, он раз-другой посмотрел по сторонам, проверяя, не явился ли на праздник кто-нибудь из христианских священников, чтобы учинить неприятности. Но, конечно, они не пришли. Костры Белтейна ярко пылали. И, всматриваясь в горизонт, друид не видел ничего такого, что могло бы помешать священным обрядам.

Поразмыслив, друид решил, что его тревога связана скорее со второй, более серьезной его заботой.

С Коналом. Принц как раз появился в толпе людей, выстроившихся вдоль тропы, по которой гнали проведенных между кострами животных. Принц стоял за первым рядом зрителей, но благодаря высокому росту ему все было прекрасно видно. Ларине он не заметил. Молодому друиду показалось, что на лице Конала нет той радости, что испытывал любой человек рядом с ним. Он выглядел задумчивым и напряженным.

Несколько животных, проходящих между кострами, больше других притягивали взгляд. Путь до холма был неблизкий, и владельцам разрешалось не приводить все стадо, а выбрать только лучших, обычно быков, чтобы те послужили улучшению породы. Как раз сейчас великолепного бурого быка вели высокий мужчина и девушка. Как догадался Ларине, этот статный, немолодой уже человек с длинными усами был каким-то мелким вождем. А вот девушка... Девушка была просто восхитительна. Друид невольно залюбовался золотоволосой красавицей. От жара костров ее лицо и обнаженные руки покраснелись. Ларине даже показалось, что все ее тело сияет. Конал, похоже, тоже заметил эту пару, потому что не сводил с них глаз. Друид обратил внимание, как бледен принц, и вдруг подумал, что рядом с цветущим сиянием девушки его бледное, застывшее лицо похоже на клинок меча перед кузнечным горном. Девушка, даже если и заметила Конала, прошла мимо него, не повернув головы. Наверное, она просто не знала, кто он. Вскоре между кострами повели другое животное, и друид стал смотреть на него. Однако через несколько мгновений он заметил, что Конал по-прежнему смотрит прямо перед собой и еще больше прежнего напоминает призрак.

Ларине повернулся к старой женщине-друиду, которая стояла рядом:

– Что ты думаешь о Конале?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я беспокоюсь за него.

– А-а... – Она бросила на Ларине внимательный взгляд. – И что же именно ты хотел бы знать, Ларине?

Хотя в основном друидами становились мужчины, в этой касте всегда бывали и женщины тоже. Такие женщины, часто наделенные даром ясновидения и посвященные во все тайны своего загадочного учения, могли быть очень опасными. Если короли боялись чем-то не угодить друиду-мужчине, то вызвать недовольство женщины-друида означало навлечь на себя еще большие неприятности. А эта старая женщина была по-настоящему грозной.

Ларине посмотрел на ее худое, испещренное морщинами лицо. Волосы старухи, ниспадавшие почти до пояса, были совершенно седыми, но ее невероятные, очень светлые голубые глаза могли бы принадлежать совсем юной девушке; они были такими прозрачными, словно сквозь них можно было пройти. Он попытался ответить ей так коротко, как только мог. Найдет ли его друг счастье? Станет ли он друидом? Но в ответ женщина лишь нетерпеливо пожала плечами:

– Глупые вопросы.

– Почему?

– Судьба Конала уже предрешена. Она в его гейсах.

Ларине нахмурился. Что бы там ни говорили, но Конал всегда был человеком осторожным.

– Ты ведь знаешь, он никогда не надевает ничего красного, этот цвет приносит несчастье его роду. Я не думаю, что он нарушит какой-нибудь из гейсов.

– Но он должен их нарушить, Ларине, потому что не сможет умереть, пока этого не сделает.

– Да, верно, – согласился Ларине. – Но ведь это в далеком будущем. А я беспокоюсь о его настоящем.

– Откуда тебе знать? Разве тебе, Ларине, решать такие вещи? Как друиду, тебе следовало бы лучше понимать это. – Она немного помолчала и впиалась в него цепким взглядом. – Только одно я тебе скажу, и ничего больше. Твой друг Конал очень скоро нарушит первый гейс.

Ларине посмотрел женщине в глаза, потом перевел взгляд на бледное лицо друга и почувствовал, как его пробирает холодом. Ведь она была ясновидящей.

– Как скоро?

– Через три дня. Больше никаких вопросов.

Финбар был доволен собой. Всех коров и быков уже провели между кострами. Вот-вот должен был начаться великий пир верховного короля. И разве Финбар не оказал только что огромную услугу своему другу? Конечно оказал. Он правильно поступил. А если Конал не воспользуется такой возможностью... Что ж, он сделал все, что мог.

Пир верховного короля был значительным событием. Он начинался вскоре после полудня и продолжался далеко за полночь. Специально для него плетеными стенами был огорожен огромный пиршественный зал, внутри стояли длинные столы на опорах и скамьи на три сотни человек. Развлекать гостей позвали лучших волынщиков и арфистов, танцоров и бардов. Среди приглашенных были великие вожди и друиды, хранители законов и знатные воины. Конал, разумеется, тоже. Тридцать молодых женщин самого высокого происхождения, все как одна – дочери вождей, должны были подавать гостям еду и эль.

И тут Финбар тоже постарался. Потому что Дейрдре оказалась в их числе. Помогла ему в этом женщина, которая отбирала девушек. Потом он коротко поговорил с ее отцом. Во время их разговора Дейрдре смущенно молчала, но отец приказал ей идти. Однако даже теперь девушка не догадывалась о том, что ей предстоит подавать эль Коналу. Финбар и об этом позаботился. И большего, сказал он себе, он сделать просто не мог.

Миновал полдень, празднество уже началось, когда кузнец Гоибниу направился к пиршественному залу. Он пребывал в весьма дурном настроении. Причина была проста: ему не удалось найти женщину.

Накануне он присмотрел одну. Хорошенькая пышечка, жена одного землевладельца из Ленстера. В сумерках она ему заявила: «Муж прилип, как репей. Погоди немножко». Позже, ночью, она пришла к нему и прошептала: «Встретимся вон там, у того кустарника, на рассвете». И больше он ее не видел, пока не заметил совсем недавно в объятиях какого-то высокого мужчины, который явно не был землевладельцем из Ленстера. К тому времени новые поиски уже не имели смысла. Все, кто хотел на празднике найти себе пару, уже сделали это. К нему тоже подходила одна девушка, но она оказалась такой некрасивой, что его гордость была оскорблена. Одураченный, он чувствовал усталость и разочарование. Другой на его месте решил бы напиться. Но только не Гоибниу. Его единственный глаз был начеку. И всего лишь мгновение назад он приметил то, что напомнило кузнецу о незавершенном деле.

А приметил он того верзилу из Дуб-Линна. Того самого, который продавал дочь. Правда, девушки рядом с ним Гоибниу не увидел. Кузнец подошел ближе.

Что-то в поведении Фергуса сразу насторожило его. Но доискиваться, что именно, Гоибниу не стал. Просто не видел в этом необходимости. Однако после первых же слов приветствия, после натянутой улыбки вождя и той наигранной веселости, с которой он в ответ на вопрос о дочери сказал: «Здесь она, здесь», проницательный Гоибниу уже знал: что-то неладно. Он нахмурился:

– Тогда я заберу ее с собой.

– Конечно-конечно. Можешь не сомневаться.

Фергус держался уж очень любезно. Наверняка лгал. Хитрый кузнец не слишком часто давал волю раздражению, но прошлая ночь пошатнула его здравомыслие. В неожиданной вспышке гнева, в которой явно звучало презрение, он рявкнул:

– Ты что, дураком меня считаешь? Ее здесь вообще нет!

Именно презрение задело Фергуса. Он выпрямился во весь рост и со злостью посмотрел на Гоибниу.

– Ты явился, чтобы оскорбить меня? – резко спросил он.

– Да мне плевать, – ответил кузнец, – оскорбил я тебя или нет.

Кровь прилила к лицу Фергуса сына Фергуса, и теперь уже любой, кто знал его, понял, что вождь не на шутку взбешен.

Дейдрэ знала, что хорошо выглядит. Она видела это по любопытным взглядам других девушек, когда все они, нарядные и счастливые, спешили по лугу ко входу в пиршественный зал. А почему должно быть иначе, говорила она себе, разве мои предки не так же хороши, как предки этих девушек? В общем, она себя чувствовала настоящей принцессой, и пусть они думают что угодно.

Она не хотела прислуживать на празднике. Когда Финбар подошел к ее отцу, она была так смущена и унижена, что в испуге воскликнула:

– Я не могу!

А если она не так повернется или выдаст себя перед ним у всех на глазах? Но все же ее выбрали, пути назад нет, и теперь она должна дать себе клятву. Она не станет оказывать ему особого внимания. Он может сам ее заметить, если пожелает. А она будет высоко держать голову и позволять другим мужчинам любоваться ею. В конце концов, она уже почти замужем. И, крепко держа в голове эту мысль, Дейдрэ шагнула в зал.

Воздух был пропитан роскошными запахами эля и меда, сладких фруктов и, конечно же, отменного жареного мяса. В центре зала возвышался огромный котел, наполненный элем. Рядом на столах красовались небольшие чаши с хмельным медом. Вдоль стен были расстав-

лены столы для гостей. Красные и синие, зеленые и золотые наряды и сверкающие украшения вождей и их жен наполнили зал праздничным великолепием. Отовсюду звучали разговоры и смех, но они не заглушали нежную мелодию, которую наигрывали три арфиста в углу.

Когда Дейрдре вошла в зал, она почувствовала, как сотни глаз направились в ее сторону, но не обратила на это внимание. С легким изяществом она продолжала подавать эль и мед всем желающим, одаривая их вежливым словом или приятной улыбкой, но не глядя в их лица. Один раз ей даже довелось пройти перед самым верховным королем, и она краем глаза отметила его коренастую фигуру, которую сочла довольно неприятной, и величественную осанку королевы. Король и королева были заняты разговором, и Дейрдре постаралась не таращиться на них. К тому же она так старательно выполняла свою работу, что поначалу вообще не заметила, что ее направили обслуживать именно ту часть стола, где сидел Конал.

Как же он бледен, как серьезен! Дейрдре налила принцу эля так же, как всем остальным, и даже улыбнулась.

– Рад тебя видеть, Дейрдре дочь Фергуса... – Голос Конала звучал тихо и печально. – Я не знал, что ты будешь здесь.

– Для меня это тоже стало неожиданностью, Конал сын Морны, – учтиво ответила девушка и быстро прошла дальше, ни разу не обернувшись.

Еще несколько раз ей пришлось вернуться к этому столу, но больше они не разговаривали. Она заметила, как верховный король подозвал племянника к себе, но потом ее внимание отвлекли заигравшие волынки.

Разговор с королем привел юношу в замешательство. Пронзительный взгляд его темно-синих, налитых кровью глаз, смотревших из-под черных кустистых бровей, не оставлял сомнений в том, что от него ничего не скроешь.

– Итак, Конал, – начал король, – мы на праздничном пиру. На Белтейн все обязаны веселиться, а ты печален.

– Просто у меня такое лицо.

– Хм... Кто та девушка, с которой ты разговаривал? Я видел ее раньше?

Конал, как смог, объяснил, кто такая Дейрдре и кто ее отец.

– Говоришь, этот Фергус – вождь?

– Верно. – Конал улыбнулся. – Из мелких. Но его предки довольно известны.

– А дочь у него красавица. Она обручена?

– Насколько я знаю, ее просватали. За кого-то из Ульстера.

– Но, – король пытливо посмотрел на него, – она тебе и самому нравится?

Конал невольно покраснел.

– Вовсе нет, – пробормотал он.

– Хм... – Король кивнул и вскоре закончил разговор, но, вернувшись на свое место, принц заметил, что он задумчиво смотрит на Дейрдре.

Неужели таким образом король хотел намекнуть племяннику, что ему следует жениться на этой девушке? По крайней мере, дядя точно давал понять, что любовь Конала к ней очевидна. Так почему же он спокойно смотрит, как ее выдают за другого? Что им движет? Почему хотя бы из вежливости он не объяснится с ней? Чего он хочет на самом деле?

Некоторое время Конал сидел, ни с кем не разговаривая. Когда он наконец поднял голову, то увидел, что Дейрдре идет к нему. Она подошла так близко, что если бы принц протянул руку, то мог бы коснуться ее золотых волос.

– Дейрдре дочь Фергуса... – сказал он очень тихо, но она услышала. И повернула голову. В ее прекрасных глазах мелькнуло страдание, или это лишь показалось ему? – Я должен поговорить с тобой. Завтра утром. На рассвете.

– Как пожелаешь, – неуверенно произнесла она.

Принц кивнул. Больше они не сказали друг другу ни слова. А когда девушка уже отходила от его стола, вдруг раздался громкий крик.

Все головы повернулись в ту сторону. Друиды нахмурились, верховный король сверкнул глазами; даже волынки утихли. Возле священного Уснеха, на пиру в честь Белтейна кто-то осмелился потревожить покой верховного короля.

Крики не смолкали. А потом, так же внезапно, наступила тишина. В пиршественный зал вошел один из личных слуг короля и что-то тихо сказал ему, тот едва заметно кивнул. Через несколько мгновений в зал ввели двоих. Первым шел кузнец Гоибниу, он явно был рассержен, но держался спокойно. Следом за ним, являя собой истинное воплощение оскорбленного вождя, гордо вышагивал Фергус. Конал посмотрел на Дейрдре и увидел, как она побледнела. Оба нарушителя предстали перед королем.

– Размолвка? – очень спокойно обратился он к Гоибниу.

– У нас был договор.

– О чем?

– О его дочери. Ее здесь нет. Она обещана человеку из Ульстера, и я приехал, чтобы забрать ее. А потом, – кузнец презрительно глянул на Фергуса, – этот мужлан меня ударил.

Верховный король повернулся к Фергусу. Так, значит, это и есть вождь из Дуб-Линна. Королю хватило одного взгляда, чтобы понять, что за человек стоит перед ним.

– Но, как видишь, его дочь здесь. – Король показал на Дейрдре. Увидев девушку, Гоибниу не мог скрыть изумления. – Что скажешь ты, Фергус?

– Этот человек назвал меня лжецом! – с горячностью воскликнул Фергус и добавил, уже более спокойно: – Моя дочь достойна принца, а теперь я навлек на нее бесчестье.

Краем глаза король видел, как несколько самых знатных гостей с одобрением посмотрели на этого бедного, но гордого вождя. И согласился с ними.

– Похоже, Гоибниу, – мягко начал он, – ты ошибся насчет этой девушки. Может, и насчет удара ты тоже ошибался, как думаешь? Может, тебе лишь померещилось, что он собирается тебя ударить? – Темно-синие глаза короля смотрели на кузнеца в упор.

Кем бы ни был Гоибниу, но уж точно не глупцом.

– Такое вполне могло быть, – согласился он.

– Вероятно, ты просто растерялся.

– Растерялся... Да, пожалуй.

– Что ж, присоединяйся к нашему пиру, Гоибниу. Забудь обо всем. Что до тебя, – король повернулся к Фергусу, – подожди меня снаружи, Фергус сын Фергуса. Возможно, мне есть что тебе сказать.

С этими словами король кивнул музыкантам, те снова принялись дуть в свои волынки, и пир возобновился.

Но хотя праздник и продолжался, и Фергус ждал снаружи, и Дейрдре, не зная, что думает король о ее несчастном отце, изо всех сил старалась выполнять свои обязанности, никто из гостей, глядя на кустистые брови и красное лицо островного монарха, никогда не догадался бы, что на самом деле происходит в его голове.

Вот так повезло, думал он. Все сложилось как нельзя лучше, и теперь его замысел наконец получил то, чего ему не доставало. Осталось лишь увидеться с этим человеком из Дуб-Линна, и ловушка захлопнется. Нежданно-негаданно сами боги направили ему этого горемычного посланца удачи. В разгар пиршества он огласит свое решение. На закате солнца.

Позже в тот же день на радость изумленным зрителям и под зорким наблюдением одного из младших друидов состоялась небольшая церемония.

Всячески изъясняя взаимную учтивость, Фергус и Гоибниу встали лицом друг к другу. Начал по приказу друида Гоибниу. Распахнув рубаху, он обнажил грудь перед Фергусом, кото-

рый торжественно сделал шаг вперед, сжал губами один из сосков на груди кузнеца и мгновение-другое посасывал его. Потом Фергус отступил назад, открыл свою грудь, и теперь уже Гоибниу оказал ему те же почести. После этого мужчины кивнули друг другу, а друид объявил, что церемония завершена. Так на острове проходил обряд примирения двух поссорившихся мужчин. Теперь кузнец и Фергус, несмотря на свои разногласия, были связаны узами дружбы. В других местах такие договоры скрепляло рукопожатие, курение трубки или смешивание крови. Здесь таким символом было целование соска.

Сделано это было по срочному указу самого верховного короля. Поскольку ничто, как он сказал, не должно омрачать мир и всеобщую радость королевского пира.

Конал и Финбар стояли на вершине Уснеха. Солнце висело над горизонтом, и алый отблеск от его огненного сияния упал на бледное лицо принца, когда он повернулся к другу и сказал, что им пора спускаться. Нужно было возвращаться на пир. И только теперь, после долгого молчания, Финбар наконец решился спросить:

– Ты видел девушку?

– Я видел девушку.

– И что будешь делать?

– Это ведь ты устроил так, что она оказалась на пиру? – вдруг догадался Конал.

– Ну я. Простишь меня?

– Ты правильно поступил. – Конал грустно улыбнулся. – Ты ведь всегда будешь мне верным другом, Финбар, что бы ни случилось?

– Конечно, – пообещал Финбар. – Так как же Дейрдре?

– Спроси меня завтра.

Финбар вздохнул. Он знал, что настаивать бесполезно. Поэтому просто нежно сжал руку друга.

Они спустились с холма, когда уже стемнело. Вокруг горели факелы. По дороге к пиршественному залу друзья встретили старую жрицу, она кивнула Коналу, и принц вежливо поклонился в ответ. У входа в зал они расстались, и Финбар проводил друга взглядом. Через мгновение он увидел, как внутрь входят Фергус и его дочь. Вождь выглядел заметно повеселевшим. Очевидно, верховный король сжалился над ним, а вот девушка, к удивлению Финбара, казалась встревоженной.

Когда король встал, в зале сразу стало тихо.

С едва заметной улыбкой он негромко обратился с приветствием ко всем собравшимся. Потом поблагодарил друидов. Поблагодарил вождей за то, что те исправно платили дань. И как бы невзначай добавил, что, к его радости, должников на острове нет. После этого наступила пауза.

– Кроме разве что одного человека из Коннахта, – продолжил король.

Теперь все повернули к нему головы, ожидая дальнейших объяснений. Но верховный король не торопился, он выжидал. Наконец, изобразив на лице насмешливое удивление, он произнес:

– Похоже, его просто не было дома, когда мы его навещали.

Раздался смех. Значит, короля это развеселило. Но к чему он клонит? Застывшая улыбка на его лице становилась угрожающей.

– Мой племянник Конал, – король кивнул в сторону бледного принца, – и с ним еще кое-кто собираются навестить того человека. – Король окинул зал взглядом. – Они отправятся на рассвете.

Он дружески кивнул гостям. Потом повернулся к жене и тоже кивнул ей. А после этого преспокойно уселся на свое место.

Казалось, все в зале на миг задержали дыхание. Потом кто-то засмеялся, сначала чуть нервно, потом уже более уверенно. Мужчины начали стучать ладонями по столам в знак одобрения.

– На Белтейн, – выкрикнул кто-то, – этот коннахтец никак такого не ожидает! – Снова смех. – Еще пожалеет, что его не оказалось дома вовремя.

Теперь они у него в руках. Это было решительное подтверждение власти, соединенное с дьявольской хитростью. Отныне его станут уважать. Подданным понравился мрачный юмор ситуации. А когда вместо дани приведут роскошного быка, весь остров начнет восхищаться королевской местью. Конечно, те, кто знал о желании Конала стать друидом и его отвращении к подобным затеям, смотрели на все это иначе. Но даже любимый племянник должен был склонить голову перед волей короля.

– И все же король прав, – тихо говорили они. – Это необходимо сделать.

Верховный король посмотрел туда, где стоял несчастный Конал. Племянник выглядел потрясенным. Значит, Ларине сказал юноше о его обещании не принимать решение до разговора. Что ж, напрасно он так поступил. Теперь это будет уроком и для Ларине, и для племянника. Принцы служат королям, им обоим следовало об этом помнить.

Кроме того, рассудил король, молодой человек, похоже, сам толком не знает, чего хочет, и возможно, отправляя его в такой поход, он оказывает ему услугу. Он взглянул на свою жену. Как он и предполагал, королева одарила его лучезарной улыбкой. Ведь она добилась своего. Верховный король улыбнулся в ответ.

Когда спустя некоторое время он снова встал, все удивились. Быть может, король решил отметить кого-то особо? Все слушали с почтением.

– Я должен объявить еще кое о чем. На этот раз о радостном событии. – Король медленно оглядел гостей, чтобы они твердо уяснили: радоваться обязательно. – Как вы знаете, мне воистину повезло так много лет прожить с моей прекрасной женой. – Король склонил голову в сторону королевы, и по залу тут же пробежал тихий ропот не слишком искреннего одобрения. – Однако, – продолжил король, – у нас есть обычай время от времени брать себе вторую жену. – В зале воцарилось гробовое молчание. – Поэтому я решил вдобавок к моей дражайшей женушке взять себе еще одну.

От изумления все в зале охнули. Взгляды гостей устремились к королеве, которая сидела с таким видом, будто ее ударили камнем по голове. Мужчины, знавшие о ее властном характере, переглянулись. Женщины – по крайней мере, некоторые – были потрясены. Хотя многие из них в разное время пострадали от тяжелой руки королевы. И через мгновение-другое, как роса собирается на листьях в единую каплю, так и у всех в зале возникла одна и та же мысль: королева сама виновата.

Но кто же невеста? По знаку короля вперед выступил высокий длинноусый мужчина под руку с красивой девушкой, которая еще недавно разливала эль и подносила им еду. Гости в недоумении смотрели друг на друга. Что все это значило?

– Дейдре дочь Фергуса сына Фергуса из Дуб-Линна, – объявил король, потом, улыбаясь девушке, подозвал к себе Фергуса и так крепко обнял его за плечи, что вождь, который весь светился от счастья, словно в одиночку разбил целую армию, почувствовал себя в объятиях своего монаршего зятя, как в тисках.

Первым опомнился Гоибниу, и пока все остальные еще собирались с мыслями, быстро вскочил на ноги и, подняв вверх свой кубок, закричал:

– Долгой жизни и доброго здоровья нашему королю и Дейдре!

И гости, сообразив наконец, в какую сторону дует ветер, присоединились к кузнецу одобрительным гулом.

Король внимательно наблюдал за каждым. Он мог бы развестись с королевой. Развод на западном острове считался делом обычным и нехлопотным. Но это оскорбило бы семью

королевы, а ее семья была важна, хотя он и ослабил отныне ее влияние, взяв себе новую невесту. Его выбор тоже был хорошо продуман. Любой мужчина на острове имел право на двух жен, но королю следовало быть осмотрительным. Выбрав дочь одного из великих вождей, он оскорбил бы остальных. Конечно, он мог иметь наложницу, однако цель его состояла не в этом. Брак означал некое соотношение сил, нравится это кому-то или нет. Королю было необходимо уменьшить влияние королевы, и он этого добился. К тому же девушка принадлежала к знатному роду и выглядела как настоящая принцесса, вот только отец ее оказался никчемным бедняком. Хозяин болот, безлюдных земель и заброшенной речной переправы.

Предполагаемый муж из Ульстера не должен доставить никаких хлопот. Король собирался отправить к нему кого-нибудь со щедрыми дарами. И человек из Ульстера должен будет признать превосходство верховного короля. Что до Гоибниу, то король уже втайне позаботился о том, чтобы кузнец получил компенсацию за несостоявшийся брак. Поэтому все должны быть счастливы, кроме, быть может, Конала и самой девушки.

– Брачный пир состоится завтра вечером, – сообщил король.

Ночь была темная, звезды скрылись за облаками. В непроглядном черном небе не было даже крошечного проблеска света, и Дейрдре пришлось пробираться в полной темноте, которая словно нарочно сгущалась вокруг нее.

Девушка то и дело натыкалась на сделанные из воловьих шкур борта повозок или на временные жилища, разбросанные тут и там, несколько раз тревожила людей, которые спали на земле, завернувшись в накидки. В ночной тишине отчетливо слышался храп или более интимные звуки. Ее отец, довольный и счастливый, сейчас спал спокойным сном в пиршественном зале, как и полсотни других гостей. Но Дейрдре больше не могла находиться там, поэтому она оставила его и, пройдя мимо угасающих факелов перед входом, побрела туда, где стояла их повозка, в которой, как она надеялась, ее ждали младшие братья. Странно, что в такой тяжелый для нее час ей приходилось искать утешения у этих маленьких бездельников, которые, быть может, вообще напились до бесчувствия и не вспоминают о ней. Но ведь они ее семья. Хорошая или плохая, но она есть. И это ее последняя ночь с родными.

А потом? Потом она выйдет замуж за короля. Дейрдре не винила отца. Он все равно ничего не мог изменить. Она не винила его даже за то, каким довольным он выглядел там, на пиру. Да и как могло быть иначе? Разве Дейрдре могла ему сказать, что, стоя перед королем, она не испытывала ничего, кроме ужаса? Не только потому, что верховный король годился ей в отцы. Пожилые мужчины могут быть привлекательными. Но его смуглое лицо, налитые кровью глаза, рыхлое тело, руки, похожие на жуткие волосатые лапы, – все это внушало ей отвращение. Неужели уже следующей ночью ей придется отдать ему свою юность? Неужели год за годом он будет единственным мужчиной, которого она познает, и так до самой его смерти? Или до ее смерти? Когда она стояла перед гостями праздника, ей понадобилась вся ее сила воли, чтобы не выказать своего омерзения. Даже тот мужчина из Ульстера, с горечью подумала Дейрдре, и то был бы не настолько плох. Он не вызывал в ней неприязни. Наверное, со временем она даже научилась бы любить его.

А как же Конал? Что он собирался сказать ей утром? Может, после долгих раздумий, он наконец решил жениться на ней? Эта мысль причинила ей такую боль, что она едва сдержалась. Слишком поздно.

Ей показалось, что впереди, в беспросветной темноте, проступили очертания их повозки. Осторожно продвигаясь вперед, девушка наконец добралась до места. Да, это их повозка. Дейрдре уже слышала сонное посапывание братьев. И когда она начала поднимать кожаную завесу, кто-то вдруг схватил ее за руку.

– Вышла прогуляться? – раздался в темноте свистящий шепот.

От неожиданности Дейрдре задохнулась и попыталась освободиться, но хватка была крепкой.

– А я тебя жду. – Теперь голос больше напоминал звериное рычание.

Дейрдре все еще не понимала, кто так ловко ее поймал. И только следующие слова помогли ей наконец сообразить.

– Вздумала соперничать со мной?

Это была королева.

– Нет, – с трудом выговорила Дейрдре. В своем горе и страхе она совсем забыла о королеве. – Это не мой выбор, – хрипло сказала она.

– Дурочка! – (Дейрдре ощущала на своей щеке дыхание королевы. От него несло элем и затхлостью.) – Думаешь, я позволю тебе жить? Говори тише. Так ты думаешь?

– Я... – От растерянности Дейрдре никак не могла подобрать слов.

– Яд, утопление, какой-нибудь несчастный случай... – продолжал жуткий шепот. – Это все легко устроить. Если ты выйдешь за короля, юная леди, я могу тебе обещать, что ты и месяца не проживешь. Тебе понятно?

Королева уже с такой силой сжимала руку Дейрдре, что девушка поневоле вскрикнула.

– Что же мне делать? – почти простонала она.

– Я тебе скажу. – Королева прижала губы к самому уху девушки. – Беги, юная Дейрдре. Беги ради собственной жизни. Беги от Уснеха. Беги из Дуб-Линна. Беги туда, где тебя никто не найдет. Беги прямо сейчас и не останавливайся. Потому что, если король тебя найдет, он вернет тебя обратно. А если он это сделает, я изведу тебя. Беги!

Внезапно хватка ослабела. Рядом послышался шорох, и королева исчезла.

Дейрдре едва дышала. Ее била крупная дрожь. Хотелось тотчас убежать – куда угодно, лишь бы оказаться в безопасности. Но что будет с ее братьями и безмятежно спящим отцом? Торопливо, то и дело спотыкаясь, девушка сорвалась с места. Она почти бежала, хотя и не знала куда, пока в темноте случайно не наткнулась на тропу, которая вела куда-то вверх. В воздухе разливался свежий запах высокой травы. И вдруг в вышине она увидела россыпь звезд, которые прорвались сквозь облака, и поняла, что поднимается на холм Усних.

Конал сидел на вершине холма, прислонившись спиной к большому пятиугольному камню, и смотрел в темноту, разлитую внизу. Настроение у него было таким же черным, как ночь.

Сначала это принародное объявление о набеге. Явный умысел, скрытый за поступком короля, взбесил юношу. Вместо того чтобы сначала поговорить с ним, как было обещано Ларине, король сообщил о предстоящем набеге публично, поставив тем самым Конала в безвыходное положение. Теперь любые возражения выглядели бы как неповиновение верховному королю. Дядя намеренно хотел обмануть его, просто использовал с бесстыдным самодовольством. Конал ненавидел его за это.

Однако потрясение от второй новости короля не шло ни в какое сравнение с этими переживаниями. Дейрдре потеряна для него навсегда. После долгих месяцев тяжких раздумий, сердечной боли все его надежды в одночасье обратились в прах. Отныне она принадлежит верховному королю и более недостижима для него. Даже если сама не хочет становиться женой его дяди. А это он понял сразу, едва взглянув на ее лицо.

Когда принц осознал, что девушка никогда не будет принадлежать ему, он испытал донныне незнакомое, очень сильное чувство. Сейчас он был уверен, что любил ее всегда, с первой их встречи. Он просто не мог отвести от нее глаз. Весь остаток вечера, пока девушка находилась в зале, он ловил себя на том, что невольно следит за каждым ее движением. Дейрдре же так и не посмотрела на него. Да и могла ли она? Хотя один раз ему показалось, что она все-таки бросила взгляд в его сторону. Захочет ли она теперь встретиться с ним на рассвете?

Наверное, нет. Что они могут сказать друг другу? Он не знал. Но, даже уйдя с пира, он ощущал ее присутствие, словно она была рядом.

Неожиданно с другой стороны камня донесся слабый шорох, в темноте промелькнула чья-то тень и тут же скрылась. Кто-то сел рядом с ним, он был так близко, что Конал мог протянуть руку и коснуться его. А потом принц услышал тихий плач и сдавленные рыдания:

– Она меня убьет...

Тотчас узнав голос и боясь напугать девушку, Конал прошептал:

– Дейрдре...

Уже через мгновение он держал ее в объятиях, и она рассказала ему о встрече с королевой.

– Что мне делать, Конал?! – воскликнула девушка. – Куда бежать? Ведь король везде найдет меня, а я одна в целом свете. – И добавила сквозь рыдания: – Думаешь, она правда хочет меня убить? Скажи, что это не так!

Но Конал молчал. Он слишком хорошо знал королеву.

Так они и сидели, обнявшись, возле камня. Дейрдре чуть вздрагивала в его объятиях, а он, тревожась за нее, думал об их судьбах. Пока наконец не принял решение. И едва это произошло, он сразу же почувствовал, как сердце захлестнула огромная теплая волна, и восторженная радость словно наполнила светом все его существо. Наконец-то к нему пришла долгожданная уверенность, теперь он точно знал, что нужно делать.

– Мы убежим вместе, – сказал он. – Хоть на край света, если понадобится.

Фергус все медлил. Финбар с тревогой ждал.

– Ну? – Верховный король немигающим взглядом смотрел на вождя из Дуб-Линна.

Ответить на первый вопрос короля, знал ли Фергус о желании его дочери сбежать, было нетрудно. Он ничего не знал. Его неподдельный ужас видели все. Но знал ли он, что Конал добивался расположения Дейрдре? Здесь Фергус рассудил, что лучше уж горькая правда.

– Для меня это было приятной новостью, – признался он. – Только намерения его так и остались непонятны. Он ведь ни разу не навестил ее, – пояснил он королю.

Теперь все повернулись к Финбару: король, королева, два вождя, вызванные этим утром в пиршественный зал. И Финбар поступил единственно разумным образом. Он рассказал, что знал о чувствах Конала и сам устроил так, чтобы Дейрдре подавала принцу эль и еду на празднике. Почтительно склонив голову перед королем и стараясь не смотреть на королеву, он добавил:

– Я ведь тогда не знал, что ты сам ею интересуешься.

К счастью, такое объяснение короля вполне устроило, и, коротко кивнув, он сказал:

– Так и есть, девушка сбежала с Коналом.

Все молчали. Король был задумчив и спокоен. Финбар поневоле восхитился его выдержкой – все-таки такой удар по королевской гордости и авторитету.

– Любопытно, – тихо произнес верховный король, – не было ли какой-нибудь другой причины, которая заставила их бежать?

Все переглянулись. Никто этого не знал. Лицо королевы ничего не выражало. Потом она вдруг спросила:

– Как насчет быка?

– Ах, да... бык. – Король посмотрел по сторонам. – Его приведет Финбар. – Он холодно глянул на юношу и добавил: – Ты уж постарайся.

Финбар снова склонил голову. Намек был понятен. Король решил не обвинять его напрямую, даже давал возможность оправдаться. Но если Финбар не сможет добыть для короля то, чего тот желал, со всеми привилегиями ему придется распроститься.

– А как быть с беглецами? – спросил один из вождей.

– Возьмите полсотни человек и найдите их, – сухо произнес король. – Девушку приведите обратно.

– А Конала?

Король с удивлением посмотрел на вождя:

– Убейте его!

Тара

I

Первая ночь была к ним добра. Они выбрали двух хороших, быстрых лошадей и двух выючных. Собирались в спешке. Конал не стал брать ни меч, ни копье, прихватил только охотничий нож, а еще взял с собой небольшой слиток серебра, спрятав его за поясом. Стояла глубокая ночь, когда они выбрались из спящего лагеря. Беглецы очень надеялись, что их отсутствие обнаружат еще нескоро. И даже если преследователи будут мчаться во весь опор, откуда им знать, в какую сторону направилась молодая пара.

Но куда им бежать? В глушь Коннахта? Или в Ульстер, где они смогут сесть на корабль до Албы? Но ведь там, решил Конал, король станет искать их в первую очередь, уже через несколько дней в каждой гавани будут его шпионы. Если они хотят сбежать морем, им лучше выждать. Так где же спастись от длинной руки верховного короля?

– Наша единственная надежда – Манстер, – сказал он девушке. – Мы отправимся на юг.

Огромное живописное побережье на юго-западе, с его бесчисленными холмами, узкими заливами и островками, давало много возможностей для укрытия, тем более что власть верховного короля там была не так сильна, как в любой другой части острова.

Всю первую ночь они продвигались на юг. Дорога пролегла через равнины, леса часто прерывались открытыми пастбищами и лугами. Рассвет застал их посреди пустынных болот, еще какое-то время они осторожно шли вперед, а потом, перейдя вброд маленькую речушку, нашли наконец сухой клочок земли, где и остановились отдохнуть. Солнце поднялось уже довольно высоко, когда Дейрдре проснулась и увидела стоявшего рядом Конала.

– Посмотрел, что там впереди, – сказал он. – Нужно двигаться дальше.

Весь день они ехали с большой осторожностью. Главные островные дороги обычно подерживались в хорошем состоянии и редко бывали пустыми. А растущий вдоль них подлесок зачастую становился таким густым, что пробраться сквозь него не было никакой возможности. Поэтому в таких случаях все-таки приходилось выезжать на дорогу, а значит, всегда оставался риск встретить кого-нибудь, даже в самых малонаселенных местах. Однажды, проезжая по холмистой вересковой пустоши, они наткнулись на пустую пастушью хижину. Позже, заведя издали крестьянский двор, сделали большой круг, чтобы остаться незамеченными, но густые заросли и ветки, то и дело хлеставшие по лицу, сильно замедляли движение, заставляя терять драгоценное время. Уже давно миновал полдень, когда они перебрались через какой-то хребет, где Конал вдруг остановил коня.

– Смотри! – Он показал на юг.

Дейрдре только теперь заметила длинную, густо поросшую лесом гряду холмов, возвышавшихся над равниной.

– Это горы Слив-Блум, – пояснил Конал. – Если завтра мы доберемся до них незамеченными, нас уже вряд ли найдут.

Они продолжили путь. С наступлением ночи они улеглись спать под звездами, завернувшись в плащи, и горы были уже совсем близко. Однако Дейрдре долго еще не могла заснуть, а когда наконец задремала, сон ее был неспокоен и чуток. Дважды в течение ночи ей казалось, что она слышит отдаленный вой волков.

Проснулась она при первых проблесках зари, вздрагивая от холода. Дул ледяной сырой ветер. Конал уже поднялся.

– Скоро пойдет дождь, – кивнул он девушке. – Нам это на руку, ведь придется пересекать открытую местность.

Дождь был не сильный, но моросил все утро, прикрывая беглецов, пока они торопливо ехали через открытую равнину и вересковую пустошь. Только ближе к полудню дорога начала подниматься к пологому склону. По обе стороны уже появлялись деревья, дорога стала петлять, и Дейрдре с облегчением поняла, что они добрались до надежного укрытия гор. Вскоре дождь пошел на убыль, и с вершин скальных выступов, которые они время от времени проезжали, открывались чудесные виды лежащей внизу долины. Когда беглецы наконец остановились, Дейрдре поняла, что очень голодна. Из припасов, что они взяли с собой, еще оставалось немного хлеба и мяса. Усевшись возле маленького горного ручейка, молодые люди доели остатки солонины и запили еду сладковатой водой из ручья.

– Отсюда, – сказал Конал, – по лесным тропам мы сможем дойти до Манстера.

– Скажи, пожалуйста, а что мы будем есть? – спросила Дейрдре.

– Я видел зайца... – Конал грустно улыбнулся. – Можно набрать орехов. В реках есть рыба, в лесах – олени. Я могу спуститься вниз, зайти на чью-нибудь усадьбу и попросить хлеба, сказавшись бедным путником.

– Тогда тебе придется сначала снять плащ, – засмеялась Дейрдре. – А еще лучше вообще спрятать его, – уже более серьезно добавила она. – Это плащ принца.

Конал посмотрел на дорожную ткань плаща и его меховую оторочку и понял, что Дейрдре права.

– Какой же я глупец! – воскликнул юноша. – Бежать в такой одежде через всю страну...

Покачав головой, он подошел к одной из вьючных лошадей и достал из мешка легкий топорик. Потом сгреб в сторону листья под деревом и начал копать неглубокую ямку. Вырыть небольшое углубление, чтобы туда поместился плащ, труда не составляло, и уже вскоре работа была завершена. Довольный результатом, принц снова забросал это место палой листвой и, убрав топор, с улыбкой вернулся к Дейрдре.

– Значит, ты закопал свою прекрасную одежду? – Девушка улыбнулась в ответ.

– Да.

Внезапно улыбка на его лице растаяла, принц стал задумчив и печален.

– Что с тобой? – спросила Дейрдре.

– Ничего, – ответил он. – Все хорошо. Ну, едем дальше?

И только тогда Дейрдре вспомнила о трех гейсах, о которых ей рассказывал отец.

Конал не умрет, пока:
не положит свою одежду в землю;
не пересечет море на рассвете, когда солнце будет светить ему в спину;
не прибудет в Тару сквозь черный туман.

Конал только что нарушил первый гейс.

Она хотела что-то сказать, но замешкалась, а Конал уже скакал впереди.

Одно удивляло Дейрдре: Конал ни разу не попытался сблизиться с ней. Конечно, их спешное бегство и опасность погони едва ли располагали к нежным проявлениям чувств. Но он даже не прикасался к ней. Наверное, просто еще не время, решила она. Ведь она и сама не знала, как вести себя с ним. Она пыталась брать его за руку, становилась совсем близко, ожидая, что он обнимет ее. Или поворачивалась к нему лицом, надеясь на поцелуй. Но в ответ получала лишь улыбку.

Однажды мать сказала ей:

– Чтобы завоевать мужчину, нужно лишь немного терпения и хорошая еда.

Вот почему надежды ее снова ожили, когда, проезжая по извилистым дорогам гор Слив-Блум, Конал неожиданно объявил:

– Завтра отправлюсь на поиски еды.

Следующим утром, оставив Дейрдре последний кусок хлеба, он уехал еще чуть свет, пообещав к вечеру вернуться. День прошел спокойно. Наслаждаясь чудесной погодой, девушка смотрела на изумительный пейзаж, видимый в просветах между деревьями. Тишину нарушало лишь птичье щебетанье. Вокруг не было ни души. Солнце уже клонилось к горизонту, когда появился Конал. Он привез полную торбу хлеба, оладий и прочей провизии. И выглядел очень довольным собой.

– Раздобыл у крестьян, – объяснил Конал. – Сказал им, что я гонец, везу послание королю Ленстера.

Вечером они устроили настоящий пир. Потом Конал развел небольшой костер. Когда он разгорелся, Дейрдре легла на спину и стала смотреть на огонь. Она знала, что отблески пламени играют на ее лице. И улыбнулась Коналу. Но Конал лишь улыбнулся в ответ, зевнул, сказал, что день был длинным, и, завернувшись в шерстяное одеяло, повернулся на бок и заснул.

Он ничего не сказал ей о письме, которое ему удалось отправить.

Ему очень повезло, когда он встретил того путника. Конечно, как и во всем мире, путники не были редкостью на острове. Торговцы, гонцы, праведники, бродячие актеры... Последнее особенно часто пускались в странствия в кельтском мире. Музыканты, танцоры, барды. Такова уж их натура, думал он. Иногда они останавливались на ночь в чьей-нибудь усадьбе и развлекали приютивших их хозяев лишь за еду и ночлег. А вот при дворах больших вождей вознаграждение было уже более щедрым.

Конал заметил того человека еще издали. Легкой размеренной походкой он шагал по лесной дороге. Спрятав лошадь за деревьями, принц пошел ему навстречу.

Путник оказался бардом. Они разговорились, и Конал проявил такое знание поэзии, что незнакомец и его самого принял за барда. Насколько мог судить Конал, этот человек был настоящим мастером своего дела. Очень скоро бард поведал ему, что идет из Манстера, который вынужден был покинуть, дабы избежать кое-каких неприятностей. Поэтому, когда Конал вызвался помочь ему найти место при дворе верховного короля, глаза мужчины вспыхнули радостью.

– Тебе надо пойти к Уснеху, пока король еще там, – сказал Конал. – У меня есть друг, его зовут Ларине, он друид. Отыщи его и скажи, что тебя прислал я, и он наверняка поможет. Но у меня тоже есть враги, поэтому ты больше никому не должен говорить, кто тебя прислал. Только Ларине.

– Но как он узнает, кто меня прислал? – спросил бард.

– Я дам тебе для него условный знак.

Сломав ветку ближайшего дерева, он острогал ее ножом, тщательно вырезал несколько слов на огаме и протянул барду:

– Покажи ему это и скажи, что я просил тебе помочь.

– Непременно, – кивнул мужчина, и они разошлись в разные стороны.

В своем послании Конал просто просил Ларине о встрече. Он хотел, чтобы друг передал его слова королю.

Они ехали все дальше, иногда двигаясь на юг, иногда на запад, но день ото дня все медленнее. Иногда им приходилось спускаться и искать безопасные тропы между разбросанными тут и там крестьянскими дворами, пока не появлялась возможность снова подняться вверх, под спасительную сень деревьев. К тому же очень замедляла движение их новая тактика.

Эта мысль пришла к Коналу после встречи с бардом. Каждый день он сначала уезжал вперед один и, если место казалось ему безопасным, отвозил туда Дейрдре. Потом он снова уезжал и ехал до тех пор, пока ему не попадалась чья-нибудь усадьба. За эти дни у Конала отросла борода, рубаха покрылась дорожной пылью. Еще он нарочно слегка сутулился, чтобы казаться старше. Поэтому когда он, всегда пешком, подходил к усадьбе, то с легкостью выдавал себя за странствующего барда и получал еду и ночлег. Утром он просил еще немного еды на дорогу и приносил ее Дейрдре. Это не только решало проблему пропитания, но и позволяло Коналу узнавать все местные новости. Ни о его побеге, ни о посланной за ним погоне молва пока не сообщала. Такой способ путешествия имел для Конала и еще одно преимущество: он часто ночевал вдали от Дейрдре.

Когда мужчина намеренно удерживает себя от близости с женщиной (то же самое касается и женщины, только по отношению к мужчине), самое главное – правильно все организовать. Новый способ передвижения, который избрал Конал, был настолько разумным, что у Дейрдре не могло возникнуть никаких подозрений. А в те ночи, когда они все-таки оставались вдвоем, он всегда жаловался на усталость, и Дейрдре, хотя и не переставала удивляться, в конце концов рассудила, что Конал просто решил отложить эти проявления любви до лучших времен, когда они окажутся в безопасности, а пока ей нужно запастись терпением.

Конал написал Ларине, что ждет его через пятнадцать дней. Чтобы найти друида, его посланцу могло понадобиться три, а то и пять дней, и еще три пройдет, прежде чем Ларине доберется до условленного места встречи. Поэтому срок в пятнадцать дней, с учетом непредвиденных обстоятельств, казался вполне сообразным. Место для встречи он выбирал с большой осторожностью. Оно находилось на открытой равнине, где каждый проходящий или проезжающий был замечен издали. Чтобы добраться туда с севера, друиду нужно было пройти по извилистой тропе через болото. Конал просил, чтобы друг пришел один, но даже если кто-нибудь вздумает следить за Ларине, он сможет это заметить и сбежать до того, как преследователи подберутся ближе. Не знал он лишь одного: что делать с Дейрдре, когда он отправится на встречу. Можно было, конечно, оставить ее на чьей-нибудь усадьбе, но это казалось ему слишком рискованным. Лучше все-таки, решил он, подыскать ей укрытие в лесу и оставить девушку там, с провизией на несколько дней. А до этого Конал не хотел слишком удаляться от места назначенной встречи. Поэтому они ехали, скорее, по большой дуге на запад, чем напрямиком на юг, в Манстер.

Понятно, почему он выбрал именно Ларине. Друид был единственным человеком, которому принц мог доверять и к которому прислушался бы король. Именно Ларине мог передать королю самое важное: то, что они сбежали из-за угроз королевы, и то, что Конал не прикасался к девушке.

В тот день, когда они впервые увидели вдали горы Слив-Блум, он понял, почему его решение отказаться от близости с Дейрдре так важно. С первой же ночи, когда они только решили бежать, он знал, что обязан объяснить королю свой поступок, как только уведет девушку подальше от грозящей ей опасности.

Дядя должен узнать об угрозах королевы. Конал искренне полагал, что король поверит ему. Он увел Дейрдре только для того, чтобы спасти ей жизнь. Потому что, если королева вознамерилась убить девушку, рано или поздно она найдет способ сделать это; наверняка король этого не хочет. Может быть, благодаря Ларине они смогут понять друг друга. Кто знает, может, потом дядя даже позволит ему уехать за море и обо всем забудет?

Все утро Конал думал об этом, и постепенно ему на ум пришли уже не такие радужные мысли. Что, если дядя отправит девушку в надежное укрытие, но потребует возвращения самого Конала? Или разведется с королевой и пошлет за Дейрдре. Оба исхода были маловероятны, но возможны. Конечно, напомнил себе Конал, он всегда может отказаться. В конце концов, он сам любил Дейрдре и знал, что короля она просто не выносит.

И все же когда еще в самом начале пути он смотрел на темнеющие вдаль горы, то со всей ясностью осознал всю сложность своего положения. Чтобы не потерять даже малейшей надежды на успех в переговорах с королем, он не должен прикасаться к ней. До этого она все еще остается женщиной короля, и бегство принца с ней вызвано лишь желанием ее спасти. Если он не сможет поклясться Ларине самой торжественной из клятв друидов, что девушка осталась нетронутой, все его объяснения не будут стоить ничего.

Вот почему он до сих пор запрещал себе близость с женщиной, которую любил. И не мог объяснить ей причин своей холодности.

Ларине прочел послание на обломке ветки. Оно было кратким: имя, место, день и слово «один». Потом он повернулся к человеку, который принес весть от принца. Помочь ему не составит труда. Сейчас в Уснехе гостили трое из четырех великих вождей, и они, конечно, не откажут Ларине в просьбе испытать барда и хотя бы немного ему заплатить. Если он действительно хорош, весть об этом разлетится достаточно быстро.

– Я могу тебе помочь, – сказал Ларине барду.

А вот письмо Конала его по-настоящему озадачило. Празднества еще продолжались, но в воздухе витала какая-то необъяснимая тревога. Внешне верховный король казался совершенно спокойным, однако те, кто так же хорошо, как Ларине, знал его, сказали бы, что никогда не видели его таким разъяренным. И значит, опасным.

Разумеется, будучи друидом, он мог чувствовать себя защищенным, но осмелится ли он зайти так далеко, чтобы встретиться с опальным принцем? А если Конал просто хочет посоветоваться? Но ведь друг может попросить его передать послание для своего дяди. Готов ли он прийти к королю и объявить, что втайне от него виделся с принцем? Стоила ли того его дружба с Коналом?

Ларине мучительно размышлял об этом весь день и наконец решил ехать. Он был храбрым человеком.

Прошло уже три дня, как они оставались здесь, возле этой укромной заводи. Небольшое озерцо притаилось в тихом месте на склоне горы, питалось оно от маленького ручья, а с дальнего берега, где рос высокий ясень, его кристальная вода тонкой лентой струилась через каменистый гребень и устремлялась в извилистое ущелье внизу. Окрестные склоны густо заросли лесом. Никто сюда не забредал. Конал соорудил шалаш. Они ловили в озере форель, некрупную, но очень вкусную. В первый же день Конал ушел и вернулся только на следующее утро с немалыми припасами и дровами для костра. Дейрдре тем временем постирала в ручье их одежду.

Погода стояла прекрасная, и ничто не предвещало, что в ближайшие дни она переменится. Небо было безоблачным, легкий утренний ветерок почти стих. Конал выстругивал из палки копье для ловли рыбы, когда Дейрдре небрежно поинтересовалась, собирается ли он и этим вечером спуститься в долину.

– Нет, – тихо ответил он, – еды у нас достаточно. Но завтра, – добавил он, – я уйду на несколько дней.

Вскоре он зашел в воду и приготовил копье, выжидая, когда появится рыба.

Теперь она знала, что делать. И почему-то была уверена, что сделать это нужно непременно сегодня.

Сразу после полудня они сели есть. Дейрдре зажарила на костре двух пойманных Коналом форелей и к ним запекла бобы и чечевицу. Накануне принц принес еще и большую флягу эля, и они немного выпили из нее. На сладкое были даже лепешки с медом. Когда принц с довольным видом улегся на траву, Дейрдре негромко сказала:

– Конал, мне очень повезло, что нам удалось бежать. Ты спас мне жизнь.

– Да, наверное, так и есть, – согласился принц, глядя в небо. – Королева – ужасная женщина.

– Даже если бы не ее угрозы, я ни за что не вернулась бы к королю. Кроме тебя, мне никто не нужен.

– И все же, – принц повернул голову, чтобы посмотреть на девушку, – если люди короля нас поймают, они могут меня убить. А тебя отвезут обратно, ты же знаешь. – Он улыбнулся. – Король ведь может развестись с женой и отослать ее. Тогда ты будешь в безопасности.

Но Дейрдре лишь отрицательно помотала головой:

– Я никогда не буду принадлежать королю, Конал. Лучше я покончу с собой. – Это прозвучало так просто и естественно, что он сразу поверил ей.

– Ох! – выдохнул он и снова уставился в небо.

Они снова замолчали. Воздух был совершенно неподвижен. Дым от костра не рассеивался, а сизыми столбиками поднимался вверх, медленно растворяясь в синеве неба. Озеро окутывала тишина. Неподалеку на длинной ветке дерева Дейрдре заметила птицу, ее перья сверкали на солнце, словно были из чистого золота. Едва начав свою песню, пичужка вдруг смолкла, и девушке показалось, что само время внезапно остановилось в этом безграничном покое.

Она тихо встала и, словно повинаясь чьей-то воле, прошла к озеру. Там она сбросила платье и белье, быстро окунулась в холодную воду и поплыла к середине.

Слыша плеск воды, но не догадываясь, что девушка обнажена, Конал взглянул на озеро и вскоре сел, чтобы посмотреть на нее. Дейрдре перестала плыть и повернулась, она не предлагала ему присоединиться к ней – лишь спокойно улыбалась, а он все любовался, как золотистый свет играет на легкой ряби волн, окружавших ее. Несколько секунд они, замерев, неотрывно смотрели друг на друга.

Потом она в несколько взмахов доплыла до мелкого места, медленно выпрямилась и пошла к нему навстречу. Капли воды, вспыхивая на солнце, стекали с ее волос и груди.

И тогда Конал, судорожно вздохнув, вскочил и сжал ее в объятиях.

Три дня Ларине ждал в условленном месте. Но компанию ему составляли лишь птицы, с опаской пролетавшие в вышине. Конал так и не пришел. И, прождав на всякий случай еще два дня, друид с грустью вернулся обратно.

Хотя Финбар и был опечален бегством друга, он не мог сдержать ликования, когда в сопровождении верного Кухулина подъезжал к холму Уснх.

Он добыл черного быка, и это, без сомнения, было самое поразительное животное из всех, какие ему довелось видеть. Лишь немногие быки такой породы достигали в высоту груди человека, плечи же этого гиганта были вровень с плечами самого Финбара. Налитые кровью глаза злобно таращились на юношу. Подняв руки, Финбар с трудом доставал до кончиков его рогов. Шкура быка была угольно-черной, а спутанный пучок шерсти на лбу напоминал человеческие волосы.

Налет был тщательно подготовлен. Два дня Финбар и его помощники тайно наблюдали за одним из пастухов, пока не убедились окончательно, что он регулярно исчезает в лесу, где, скорее всего, и скрывали быка. На третий день они последовали за пастухом и нашли огромное животное, спрятанное в тесном загоне. Пастух как раз наполнял кормушку.

– Ты погонишь быка, – сказал ему Финбар.

– А если я откажусь? – спросил пастух.

– Тогда я отрежу тебе голову, – вежливо сообщил Финбар.

Довод оказался убедительным.

Окольными дорогами они довели быка до Коннахта, а когда уже направлялись к Уснеху, Финбар отправил к хозяину быка одного из своих людей с таким посланием:

«Верховный король сожалеет, что тебя не было дома, когда к тебе приезжали за данью, но благодарит тебя за прекрасного быка, которого ты посылаешь ему взамен».

Встретили их с огромным воодушевлением. Многие вожди еще не разъехались и оставались при короле и его свите. Целая толпа, включая друидов, выстроилась вдоль дороги, когда отряд подъезжал к лагерю верховного короля. Но первой к ним вышла королева.

– Это мой бык! – расплываясь в улыбке, воскликнула она. И, подойдя ближе, повторила уже спокойнее: – Это мой бык. – Было видно, как она довольна.

А вот король встретил их не столь радостно. Финбар удостоился лишь холодного кивка и невнятного бормотания, которое должно было означать, что задание признано выполненным, но у правителя есть заботы и поважнее.

– Конала и Дейрдре видели, – сообщил Финбару Ларине.

О своем бесплодном путешествии друид ничего не сказал, и никто об этом не догадывался. Вернувшись, он был изумлен и даже втайне обижен, когда узнал, что Конала и девушку заметили на пути в Манстер в то самое время, пока он ждал его.

– Их до сих пор ищут, – сказал он Финбару, – но пока никаких вестей.

Перед закатом король наконец послал за Финбаром. Юноша нашел короля сидящим возле дерева на покрытой ковром скамье. Король задумчиво посмотрел на него из-под густых бровей.

– Ты хорошо справился со своим заданием. – Король подождал, пока Финбар вежливо склонит голову. – Теперь я дам тебе еще одно. Но сначала ответь: ты знаешь, где Конал?

– Нет, не знаю.

– Найди его. И приведи назад. – Король помолчал, а потом неожиданно взорвался: – Он сын моей сестры, Финбар! Ничего, кроме добра, он от меня не видел. По-твоему, он вправе так поступать со мной? – В ответ Финбар лишь еще ниже наклонил голову, ведь король говорил чистую правду. – Он должен вернуться, Финбар, а уж потом он сможет мне объяснить, почему это сделал. Но если он откажется, ты вернешься с его головой или не вернешься вовсе! Я отправлю с тобой двух вождей. Они получают от меня свои указания.

Присмотреть за мной, подумал Финбар.

– А Дейрдре? – сказал он вслух.

– Ни один волос не должен упасть с ее головы. – Король вздохнул. – Но теперь я, конечно, не смогу взять ее в жены. Ей придется вернуться в Дуб-Линн. Так ей и скажешь.

– Может, мы их и не найдем.

– Твоя семья бедна, Финбар. Сделай это, и я тебе обещаю: они не будут ни в чем нуждаться. Если же нет, то станут еще беднее.

– Значит, выбора у меня нет, – с горечью пробормотал Финбар и ушел.

Верховный король проводил юношу взглядом, в его глазах не было гнева. На месте Финбара он и сам чувствовал бы то же самое. Но короли не могут позволить себе всегда быть добрыми. Как и правдивыми.

А правда заключалась вот в чем. Если Конал согласится поехать с Финбаром, двоим вождям было велено убить Конала по дороге. Что до девушки, то ее действительно отвезут обратно в Дуб-Линн. Только прежде чем она попадет туда, ее передадут новому хозяину. Потому что король уже продал ее в наложницы кузнецу Гоибниу.

Да и могло ли быть по-другому?

Теперь они двигались медленно и осторожно и при дневном свете не выезжали на открытую местность.

Все после того злополучного дня, когда их заметили и спастись помогло лишь чудо. Когда они пересекали вересковую пустошь, на нее вдруг выехали два королевских всадника и, увидев беглецов, пустились в погоню. Оставалось только спастись бегством. Им удалось доскакать до леса и там ускользнуть от людей короля, но этот случай напугал их. Теперь король знал, что они направляются в Манстер. Конечно, среди бесчисленных холмов, ручьев и островов найти их будет нелегко, но король не отступит...

План возник в голове Дейрдре.

От холмов Манстера повернуть на восток и, пробираясь глухими лесными тропами, добраться до следующей цепи холмов, которые тянулись до восточного побережья и там завершались величественным хребтом гор Уиклоу.

– Пока они будут обшаривать каждый холм и каждую долину на юго-западе, мы сможем пройти там, – показала рукой Дейрдре.

Замысел был весьма остроумным. Вряд ли их преследователи ждут, что они вернутся в те самые места, откуда бежали.

– Лошадей нам лучше оставить и дальше идти пешком, – добавила девушка.

Это предложение поначалу удивило Конала, но уже очень скоро он понял, насколько оно разумно. Никто не станет искать принца Конала среди пеших путников. А Дейрдре тем временем не переставала его удивлять. Она придумала еще кое-что.

И вот в один из июньских дней в сумерках высокий друид с посохом в руке и следом за ним мальчик-слуга медленно спустились с гор Уиклоу и направились в сторону Аха-Клиах возле Дуб-Линна. Как сказала принцу Дейрдре, отец с братьями должны были сейчас пасти скот на дальних пастбищах. Но как бы то ни было, стояла уже глубокая ночь, когда они, обогнув поместье Фергуса, чтобы не потревожить собак, прошли по Плетеной переправе в мелком устье реки Лиффи. По дороге Дейрдре заметила, что сгнившие доски так и не заменили. Миновав брод, они вышли к широкой Долине Птичьих Стай.

Пока ее план работал прекрасно. Когда Конал по предложению девушки выбрил на голове тонзуру друида, она чуть заметно улыбнулась, подумав, что теперь он куда больше похож на самого себя, чем прежде. А когда настал ее черед обрить голову, чтобы выдать себя за мальчика-раба, принц чуть не лопнул со смеху. Сначала девушка очень переживала, что вместе с роскошными волосами потеряет всю свою привлекательность и Конал больше не захочет заниматься с ней любовью, что происходило теперь весьма часто после того дня у озера. Однако все ее опасения оказались напрасны, в чем она и убедилась, едва завершив свое преображение.

Но почему Дейрдре предложила искать убежище так близко от родного дома? Хотелось ли ей в такую трудную пору вновь ощутить то чувство защищенности, которое испытывает ребенок в своей семье? Возможно. Когда под покровом ночи они с Коналом проходили мимо дома ее отца, Дейрдре вдруг ужасно захотелось войти туда, ощутить знакомый запах очага, увидеть бледные очертания черепа-кубка на столике. Если бы только этот гордый, велеречивый старик был сейчас там, они бы бросились друг другу в объятия. Но отца не было дома, а Дейрдре не могла туда войти, поэтому она лишь всматривалась в смутные силуэты в темноте, проходя мимо. И все же место для укрытия было выбрано правильно. Никто не станет искать их здесь.

В первый день Конал оставил девушку в так хорошо знакомом ей тайном укрытии из высоких камней на вершине мыса. Сам он отправился вдоль берега, однако в тот раз ему не повезло. Второй день оказался более удачным. Принц вернулся со счастливой улыбкой и рассказал, что встретил старую вдову, которая после смерти мужа жила совсем одна в домике на берегу. Назвавшись друидом, юноша сказал ей, что ищет уединения, и попросил о помощи. Добрая женщина с радостью согласилась дать ему все, о чем он просил: немного еды и разрешение воспользоваться маленькой лодкой, которая принадлежала ее мужу-рыбаку.

Позже той же ночью Конал и Дейрдре незаметно прошли вдоль берега, сели в лодку и поплыли за мыс, к маленькому островку с расщепленной скалой, который Дейрдре так любила. Она верила, что там их никто не найдет.

II

Поиски продолжались уже год. Шпионы верховного короля дежурили в каждой гавани и время от времени тайно навещали поместье Фергуса, на случай если он вздумает спрятать свою дочь. Но всякий раз возвращались с одним и тем же известием: «Никаких следов».

И весь этот год Финбар находился в пути.

День за днем проходили одинаково: Финбар, в сопровождении мчавшегося рядом Кухулина, скакал впереди, за ним следовали оба вождя. Иногда они блуждали по глухим извилистым тропам, иногда выбирались на одну из пяти главных островных дорог. Проезжали через широкие нагорные пастбища, болотистые луга, лесные заросли, и не было такой земли, которая могла бы остановить трех всадников в их неутомимых поисках. Каждого крестьянина, каждого рыбака на реке они расспрашивали о беглецах. Даже на огромных незаселенных территориях внутренней части острова человеку трудно было пройти по землям разных племен и остаться незамеченным. Кто-то непременно должен был видеть принца и девушку. Но после того случая, когда их заметили люди короля недалеко от Манстера, они словно в воду канули.

Это было мрачное время. Прошлогодний неурожай давал о себе знать, хотя, к счастью, никто не голодал – обычно вожди не допускали такого. У людей было мясо и молоко, овощи и ягоды. И когда они отправлялись на общие пастбища со своими животными, то знали, что, несмотря на недостаток зерна в амбарах, все-таки могут жить так же, как жили их далекие предки в те времена, когда выращивание зерна еще не стало главным занятием племен.

И все же трудностей хватало. Почти закончились овсяная мука, хлеб, а также эль из-за гибели ячменя. Финбар заметил, что вождям даже приходилось забирать часть зерна у крестьян для посева. Хорошо еще, думал он, что земля на острове плодородная, а у вождей достаточно власти. Но если люди прислушивались к своим вождям, а вожди – к королям, то главным средоточием всех надежд был, конечно, верховный король и благосклонность к нему богов. И теперь намного больше, чем прежде.

Сразу после праздника Лугнасад зарядили дожди. Не те обычные дожди, которых можно ожидать в теплом прибрежном Манстере, а настоящие ливни с неистовым, бешено воющим ветром, не утихающие по несколько дней. Вскоре стало ясно, что и в этом году урожая не будет. Видя эти ужасные свидетельства божьего гнева, Финбар, хотя и любил своего друга, поневоле все чаще задумывался, не стал ли дерзкий поступок Конала причиной их несчастий.

И в ясную погоду, и в ненастье они продолжали свои поиски. Они объездили уже все побережье и холмы Манстера, обшарили Ленстер, поднялись до Ульстера. Иногда они останавливались на ночлег в крестьянских усадьбах, иногда спали под открытым небом, прислушиваясь к волчьему вою. Они пересекали сочные пастбища, где высокие земляные стены и глубокие канавы разделяли владения разных племен, пробирались через глухие болота, где люди жили в деревнях, построенных на деревянных помостах прямо на воде. Везде они задавали одни и те же вопросы, и везде слышали один и тот же ответ: «Нет, здесь мы таких не видали».

Однажды, всего лишь однажды, Финбару почудилось, что беглецы могут быть где-то рядом. Это случилось на восточном побережье, над заливом возле устья Лиффи. Там, на пустынном песчаном берегу, Финбар встретил одну старую женщину и спросил, не видела ли она здесь чужаков.

- Только друида, – ответила она. – Он теперь живет вон там.
- Один или с кем-то? – тут же спросил Финбар.
- Нет. Больше никого. Он живет один.

Возможно, чутье все же заставило бы Финбара дойти до того места, но его спутники проявили нетерпение.

– Финбар, идем! Нет его здесь.

И они уехали.

Наконец они добрались до Коннахта, с его горами, озерами и диким побережьем. Этот край называли землей друидов, и Финбар решил, что Конал, который всегда любил уединение, вполне мог забрести сюда. Поэтому отряд провел здесь не один месяц, но поиски вновь оказались бесплодными. И вот однажды, когда они стояли на отвесных утесах Мохер и смотрели на беспокойный океан, в котором, как гласила молва, лежали Острова блаженных, где души великих воинов обретали вечный покой, Финбар вдруг подумал: быть может, Конала давно нет в живых и его дух блуждает где-то там.

– Пора возвращаться, Финбар, – прервал его раздумья один из вождей.

– Не могу, – ответил он. – Я его не нашел.

– Идем с нами, – сказал второй вождь. – Ты сделал все, что мог.

И только теперь Финбар по-настоящему осознал, что с начала поисков прошел целый год.

Порой Коналу казалось, что раньше он и не был никогда счастлив. Их любовь стала откровением для обоих. Дейдрре оказалась прекрасной ученицей и уже скоро в смелости фантазий даже превзошла своего учителя. Она часто играла ведущую роль в их любовном дуэте, и ей нравилось находить все новые способы доставлять ему удовольствие. И неудивительно, что Конал, который так долго жил в тисках бесконечных сомнений и душевных разладов, в ее объятиях обрел наконец долгожданное счастье.

Их жизнь на острове сложилась на удивление хорошо. Дожди конца лета хлопот не доставили. Расщелина в утесе не только защищала их, но и укрывала от непогоды. А к предстоящей зиме Конал построил над крошечной бухточкой небольшую хижину из глины и веток. Вдова с радостью снабжала Конала незатейливой едой, к тому же время от времени он садился в лодку и навещался в дальние деревни, где как странствующий друид всегда без труда мог попросить то, что ему нужно. На острове он ловил рыбу и даже посадил бобы и горох. Для сбора питьевой воды Конал нашел несколько мест, где дождевые струи стекали со скалы, и там выкопал три большие ямы, хорошенько их укрепив. Такую же яму, только поменьше, он соорудил для варки овощей или мяса, которые ему иногда удавалось раздобыть. Сначала он наполнял ее водой, потом бросал туда камни, докрасна раскаленные на костре, и вода закипала. Такие варочные ямы часто использовались на острове и при всей своей простоте прекрасно служили.

Никто к беглецам не заглядывал. Ближайшие земли были пустынными, а на берегу напротив их острова жила только вдова. Чуть подальше, в небольшой бухте, находился еще один остров, покрупнее. Он тоже был необитаем, лишь изредка на него выходили рыбаки, что ловили рыбу в заливе.

На случай если бы кто-нибудь все же решил забрести в их сторону, Конал заранее постарался внушить старой вдове, что желает быть один, а уж она, без сомнения, сообщила об этом рыбакам. Друиды часто жили отшельниками, и только самые безрассудные рискнули бы навлечь на себя проклятие, потревожив жреца, если ему хочется тишины и покоя.

Единственное, что со временем стало беспокоить Конала, так это то, что их остров такой маленький. Кроме песчаного пляжа, поросшего травой мыса да нескольких деревьев, здесь ничего не было. Не заскучает ли Дейдрре? Но, к его удивлению, девушка вовсе не скучала. И казалась вполне довольной. И все же иногда, в лунные ночи, он сажал ее в лодку, и они плыли к берегу, где поднимались на вершину холма и смотрели оттуда не только на север, где находилось их маленькое убежище, но и на юг – на широкий залив возле Дуб-Линна и устья Лиффи, на южный мыс вдалеке и молчаливые очертания гор Уиклоу, которые тянулись вдоль побережья, окутанные серебристым светом луны.

– Жаль, что ты не можешь их навестить, – сказал Конал однажды, показывая в сторону родного дома Дейрдре, смутно различимого за устьем реки.

– Это не важно, – ответила она. – У меня есть ты.

Коналу очень хотелось верить, что это правда.

Казалось, большего счастья, чем он познал с Дейрдре, быть просто не может. Но шли месяцы, и принц вдруг сделал удивительное открытие. Раньше он всегда думал, что жизнь с женщиной может помешать тем глубоким раздумьям, что вечно занимали его разум, но оказалось, что это не так. И даже совсем наоборот. Отчасти к вдумчивому созерцанию располагала тишина этих мест, но и Дейрдре всегда тонко чувствовала, когда Коналу необходимо остаться наедине со своими мыслями. Но самое главное – именно здесь принц наконец освободился от всего, что так мешало ему, и стал совершенно другим человеком, хотя пока и сам до конца не осознавал этого. Что бы ни было причиной, но только здесь он наконец обрел покой и только здесь почувствовал себя по-настоящему обновленным. Его новое обличье, выбранное поначалу лишь для маскировки, стало его сущностью, и теперь он действительно был друидом. День ото дня он мысленно просматривал те обширные знания, которыми уже обладал. Каждое утро и каждый вечер он наблюдал за морем и вслушивался в гул волн. А порой, полностью утратив чувство отдельной личности, он мог войти в транс и, вслед за Амергином, тихо повторять:

– Я – ветер на море, я – волна в океане...

Так прошла осень, и мягкая зима сменилась весной. А в конце весны Дейрдре сообщила Коналу, что беременна.

К середине лета, после возвращения Финбара, появились надежды на хороший урожай. На маленьких крестьянских наделах по всему острову зрело зерно. Погода стояла прекрасная. Сразу после праздника Лугнасад верховный король отправился в поездку по Ленстеру. Он разбил лагерь рядом с горами Слив-Блум – и тут пала великая тьма.

Ларине навсегда запомнил, как это началось. Еще на закате он заметил, что вдоль горизонта появилась длинная гряда облаков, но, лишь проснувшись посреди ночи, увидел, как гаснут звезды. Когда наступило утро, тьма осталась.

– На рассвете не рассвело, – говорили потом люди.

Все утро небо оставалось не серым, а черным. Потом стало коричневым. А потом хлынул дождь.

Это был настоящий ливень, вода лилась с небес сплошным потоком. И продолжалось это семь дней. Каждый ручей превратился в реку, каждый берег реки – в озеро. Лебеди плавали по лугам, поля превратились в болота, из которого торчали поломанные колосья. Верховный король направился на север, в Ульстер.

В начале сентября он послал за Ларине. Друид нашел короля в подавленном настроении.

– Три урожая потеряны, Ларине... – Он покачал головой. – И все винят меня. – Король погрузился в молчание.

– Чего же ты хочешь?

– Когда Конал меня опозорил... – начал было король, потом вздохнул. – Говорят, Дагда наказывает королей, над которыми посмеялись. Это правда?

– Я не знаю.

– Ларине, я должен его найти. Но это нелегко. Пока никому не удалось. Даже Финбару. Никто из друидов или филидов не может мне сказать, где он.

К великому облегчению Ларине, король не убил Финбара за его неудачу, как обещал. После возвращения отряда друид постарался как следует расспросить всех, кто искал принца, особенно Финбара, о том, куда они ездили, какие места проверяли, но, как ни пытался, так и не смог понять, где скрывается его друг.

Верховный король холодно смотрел на друида из-под нависших бровей:

– Ты можешь мне сказать, Ларине?

– Я попытаюсь, – пообещал друид и ушел, чтобы подготовиться.

Ему пришлось выждать день-другой, ведь для ритуалов такого рода дни календаря друидов четко помечались как счастливые и несчастливые. Но как только настал благоприятный час, Ларине был готов.

Кельтские жрецы знали разные способы для того, чтобы заглянуть в будущее. Они называли это «имбас» – «озарение». Считалось, что лосось способен наделять мудростью и даром пророчества. Вороны тоже могли говорить, если ты знал нужные заклинания и умел слушать. Даже обычные люди иногда слышали голоса моря. Однако самые посвященные обычно предпочитали обряд жевания. Некоторые друиды достигали дара предвидения, просто держа во рту собственный большой палец, но это была лишь быстрая замена одного из древних обрядов, известных человечеству, – обряда вкушения жертвенной пищи.

В тот день Ларине встал, тщательно умылся и надел плащ друида, сшитый из перьев. Потом некоторое время он провел за молитвой, стараясь очистить ум от всего того, что могло помешать ему получить послание богов, если те снизойдут до него. После молитвы друид отправился в маленькую хижину, где прошлой ночью подготовил все необходимое. Двое друидов охраняли вход, чтобы никто не мог помешать священному ритуалу.

В хижине было почти пусто – только небольшой стол и три подставки. На первой стояла маленькая фигурка солнечного бога Дагды, на второй – фигурка богини Медб, покровительницы королевской Тары, а на третьей – Нуады Серебряная Рука. На столе в серебряном блюде лежали три полоски мяса. Разрешалось использовать мясо свиньи, собаки или другого животного, но Ларине выбрал собаку. По его знаку охранявшие его друиды закрыли дверь, и Ларине, постояв несколько мгновений в молчаливой молитве, подошел к блюду. Взяв первую полоску мяса, он тщательно ее разжевал, показал одному из богов и положил у двери. Повторив это еще дважды и выразив тем самым почтение каждому богу, друид прочел еще одну молитву. Потом он лег на пол, прижал ладони к щекам и закрыл глаза, готовясь принять послание.

Способов существовало множество, но цель и у друидов на западе, и у шаманов на востоке была одна: войти в транс, чтобы связаться с богами. Ларине лежал неподвижно. Тишины ничто не нарушало. Он полностью освободил свой разум. Неизвестно, сколько прошло времени, когда он вдруг почувствовал, что летит. Оторвался ли он от земли на самом деле, он не знал. Да это и не имело значения. Само его тело больше не имело значения. Он превратился в дым костра, в облако. Он парил.

Выйдя из транса, он подошел к двери и трижды легонько стукнул в нее. Двое друидов открыли дверь, и Ларине вышел. А потом отправился к королю.

– Я видел то место, – сообщил он. – Они там. – И он описал маленький островок с расщепленной скалой. – Но где это, на северном берегу или на южном, на западном или восточном, я не видел.

– Что-то еще можешь сказать?

– Я видел Фергуса, которого вел Нуада Серебряная Рука; он шел через море в лунном свете, чтобы поговорить с Дейдре, пока та спала.

– Так он знает, где она?

– Это мне неизвестно. Возможно.

– Я отправлю к нему Финбара, – решил верховный король.

Лишь к вечеру Финбар добрался до Дуб-Линна. С ним были только возничий и верный пес Кухулин.

В дом он вошел решительно, хотя и с грустью в сердце. Провожая его, верховный король выразился предельно ясно:

– Финбар, ты уже потерпел неудачу, но я тебя пощадил. На этот раз наказания не избежать.

Они оба знали, почему король вдруг проявил такую милость. Когда их небольшой отряд вернулся после долгих поисков, вожди с таким жаром рассказывали об усилиях Финбара разыскать принца, что его наказание сочли бы королевским капризом и слабостью. Но на этот раз он не мог рассчитывать на поблажки. Он был один, а уважаемый друид весьма подробно описал место, где скрывается Конал. После того что случилось с урожаем, король больше не мог допустить неудачи.

По правде говоря, Финбар и сам после всех скитаний и тягот, что им пришлось перенести, уже начинал чувствовать раздражение при мысли о Конале.

Фергус приветствовал его очень радушно. Едва они вошли в дом, Финбар, даже не позволив старому хозяину предложить ему что-нибудь, сразу сказал – тихо, но твердо:

– Фергус, нам известно, что ты знаешь, где Дейрдре.

Однако, внимательно наблюдая за Фергусом, он мог бы поклясться, что вождь был искренен, когда печально посмотрел на него и ответил:

– Хотелось бы мне это знать.

Поэтому Финбар рассказал ему о видении друида и описал остров, который рассмотрел Ларине. И тогда Фергус понял, где его дочь.

– Я не знаю, где это, – сказал он.

– Значит, я останусь здесь до тех пор, пока ты не узнаешь, – заявил Финбар.

Фергус колебался, не зная, как поступить.

– Возможно, неподалеку есть похожий остров, – наконец сказал он. – Завтра можем поискать его.

Он велел принести еды и вина, и уставший после долгого пути Финбар сразу с наступлением темноты заснул. А когда все в поместье тоже погрузилось в сон, Фергус тихо встал и вышел из дому. Закинув за спину небольшую, обтянутую воловьей шкурой лодку из ивняка, он быстро зашагал к переправе через Лиффи. Лошадь Фергус брать не стал, чтобы ненароком не разбудить гостей. Он направлялся к тому мысу, который так любила Дейрдре. Времени в запасе было немного, поэтому старый вождь торопился, даже иногда принимался бежать, хотя ему и мешал тяжелый груз за спиной.

На берег Фергус вышел поздней ночью. Высоко в небе висела убывающая луна, море было спокойным. Фергус бросил лодку в воду и добрался до островка, где и нашел Конала и Дейрдре, спавших в объятиях друг друга. Когда он разбудил их, Дейрдре радостно бросилась к нему на грудь. А Фергус, увидев, как живут беглецы и что его дочь ожидает ребенка, разрыдался.

Немного успокоившись, он быстро рассказал им о том, что случилось.

– Времени у вас только до утра, потом он вас найдет.

Но что же им делать?

– Вы должны уйти отсюда сейчас же, – сказал Фергус, но, взглянув на дочь, смущенно добавил: – Когда ты ждешь, Дейрдре? Бежать сможешь?

Конал думал об этом все лето. Ребенок должен был появиться не раньше середины зимы; Дейрдре чувствовала себя хорошо. Принц очень надеялся, что к тому времени они смогут перебраться за море, но его тайные вылазки вдоль побережья оказались бесплодными. За каждой гаванью продолжали зорко следить. Не однажды Конал думал, что Дейрдре следует вернуться домой. В конце концов, даже если ее обнаружат, не станет же король вредить беспомощной матери и младенцу? Но Дейрдре вернуться наотрез отказалась и вскоре нашла остроумное решение.

– Когда придет срок, отвези меня на берег. Я скажу старой вдове, что я падшая женщина. Она мне поможет. – Дейрдре улыбнулась. – А одинокий друид с острова, возможно, навестит меня.

– А потом?

– Потом, со временем, ты придумаешь, как нам убежать.

Конал находил этот план вполне осуществимым, но все же сомневался, и с каждым днем его сомнения росли. И вот теперь, не успев даже подумать, он словно со стороны услышал собственный голос:

– Если мне удастся увести Финбара, Дейрдре может остаться у тебя.

Какое-то время Фергус молчал. Глядя на бледное, встревоженное лицо дочери, он напряженно думал. Что будет с ним и его сыновьями, если обнаружится, что он скрывает Дейрдре? Хотел ли он на самом деле, чтобы любимая дочь вернулась? И вдруг, осознав, как мало он сделал для нее, Фергус устыдился.

– Дуб-Линн – ее дом, – сказал он. – И всегда им будет. – Потом добавил, взяв Конала за руку: – Ты должен увезти ее с острова к рассвету. Потому что утром мне придется повести Финбара вдоль берега. Когда он уедет, приведи ее в рат, ночью, и я найду способ ее спрятать.

Он заторопился в обратный путь, чтобы его отсутствия не заметили, сел в лодку и отплыл от острова.

Луна еще не добралась до горизонта, когда лодка подошла к берегу. Ступив на землю, Фергус быстро зашагал в сторону дома. Слева вздымался высокий темный горб мыса; ускоряя шаг, вождь вскоре добрался до подножия пологого холма, с которого уже виднелось широкое пространство залива. Остановившись лишь на несколько секунд, чтобы выровнять дыхание, старый вождь начал подниматься. Тропа была натопанной, шагалось легко. Очертания холма четко выделялись на фоне звездного неба. Позади остались редкие кустарники и деревья.

Он уже подбирался к вершине, когда услышал впереди позвякивание сбруи и конский всхрап. Вождь остановился и вгляделся в растущие впереди кусты, из-за которых доносились звуки. И вдруг из темноты проступил чей-то большой силуэт.

Это была колесница. Она катила вниз по склону навстречу ему, а из колесницы раздался голос Финбара:

– Спасибо, Фергус, что показал мне дорогу.

Наконец она была готова. Небо еще сияло звездами, но на востоке уже появились проблиски зари, и Дейрдре понимала, что медлить больше нельзя.

Она и так тянула сколько могла. Остров был ее святилищем, она чувствовала, что никогда уже не будет в безопасности, если покинет его. Конал говорил, что когда-нибудь они смогут вернуться сюда, но сбудется ли это? Она бросила на него взгляд. Конал стоял спиной к ней и молча смотрел на берег за проливом.

Их план был прост: перебраться на берег, уйти вглубь суши и спрятаться в лесу. Если Финбар явится проверить остров, он найдет лишь их маленькую хижину. Старая вдова скажет ему, что не видела там никого, кроме странствующего друида. И тогда он, никого не найдя, откажется от поисков и уедет. А что потом? Быть может, они действительно смогут вернуться в свое убежище. Или Дейрдре останется у отца. Или им все-таки удастся сбежать за море. Кто знает?

Она встала и подошла к Коналу. Он не шевельнулся. Она коснулась его руки.

– Я готова, – прошептала она.

Но Конал лишь покачал головой.

– Слишком поздно, – ответил он и показал на берег.

Дейрдре всмотрелась в темноту и увидела силуэт колесницы Финбара.

– Ох, Конал, я не могу туда вернуться! Лучше умереть! – воскликнула она.

Так они стояли и смотрели вдаль. Свет дня разгорался, море из черного стало серым, а темные очертания колесницы теперь четко проступали на фоне песка.

Наконец Конал сказал:

– Я должен пойти к нему.

Дейрдре как могла пыталась удержать его, и все же, когда свет на горизонте стал еще ярче, Конал сел в лодку и поплыл к берегу.

Он уже почти добрался до суши, когда Дейрдре увидела, как огненный край солнца поднялся над горизонтом, и вдруг поняла, что Конал нарушил второй гейс: он пересек море, когда солнце светило ему в спину.

– Конал! – закричала она. – Солнце!

Но если Конал даже и слышал ее, то не обернулся.

Финбар не двигался. Словно окаменев, он уже много часов стоял в колеснице. Так его и застал рассвет. И все это время его не покидала одна мысль: осталось ли в нем хоть что-нибудь от его прежней любви к принцу Коналу. Чувствует он печаль или в его сердце лишь разочарование? Ответа он не находил. Но он точно знал, что должен сделать, поэтому, возможно страшась своих чувств, намеренно ожесточился. И все же теперь, глядя, как лодка Конала приближается к берегу, он вдруг совершенно неожиданно испытал совсем другие чувства. Это удивило его.

Он сказал себе, что должен был догадаться обо всем еще в тот день, когда та старушка говорила ему, как сильно человек с острова похож на друида. Но то, что он увидел, поразило его в самое сердце. Когда Конал вышел из лодки и направился ему навстречу, Финбар не поверил собственным глазам. Он смотрел на выбритую голову Конала, на его простую одежду, и ему казалось, что он видит не принца, а саму его душу. Если бы Конал умер, а теперь вернулся с Островов блаженных, то наверняка выглядел бы именно так. Глядя на печальное лицо Конала, Финбар словно видел перед собой саму сущность того человека, которого он так любил. В нескольких шагах от колесницы Конал остановился и сдержанно кивнул.

– Конал, ты знаешь, зачем я здесь, – сказал Финбар внезапно охрипшим голосом.

– Напрасно ты приехал, Финбар. Добра от этого не будет.

И это все, что друг мог сказать ему?

– Уже больше года я ищу тебя, – взорвался Финбар.

– Что тебе приказал верховный король? – негромко спросил Конал.

– Доставить вас обоих обратно.

– Дейрдре не поедет, а я ее не оставляю.

– Это все, что для тебя важно – ты и Дейрдре?

– Похоже, что так.

– Значит, тебя не беспокоит то, – Финбар не сумел скрыть горечи, – что уже три года подряд урожай гибнет, что несчастные люди не умирают с голоду лишь благодаря помощи вождей и что все это – твоя вина, потому что ты опозорил верховного короля, своего дядю?

– Кто так говорит? – Конал как будто слегка удивился.

– Друиды, Конал, и филиды, и барды. – Финбар глубоко вздохнул. – И я тоже так думаю.

Конал задумчиво помолчал, прежде чем ответить, а когда заговорил, его голос звучал печально.

– Я не могу поехать с тобой, Финбар.

– Выбора нет, Конал. – Финбар показал на колесницу. – Ты ведь видишь, что я вооружен.

– Тогда тебе придется меня убить.

Это не было вызовом. Спокойно глядя на него, принц стоял неподвижно, словно ожидал смертельного удара.

Прошло несколько долгих мгновений. Финбар смотрел на своего друга. Потом, наклонившись, взял из колесницы три предмета и бросил их к ногам принца.

Это были копье Конала, его щит и сверкающий меч.

– Защищайся, – сказал Финбар.

– Не могу, – спокойно возразил Конал, даже не протянув руку к оружию.

И тут Финбар окончательно потерял терпение.

– Ты что, боишься сражаться? – закричал он. – Тогда мы вот что сделаем, Конал. Я буду тебя ждать у Плетеной переправы. Ты можешь прийти и сразиться со мной, как мужчина... и если победишь, уйдешь куда пожелаешь. Или ты можешь сбежать вместе со своей женщиной, а я вернусь к твоему дяде-королю и скажу ему, что позволил трусу удрать. Решай сам. – С этими словами он развернул колесницу.

Постояв еще какое-то время и не видя выхода, Конал подобрал свое оружие и грустно пошел вслед за Финбаром.

Место для схватки выбрали на травянистой полоске берега, недалеко от брода.

Перед битвой каждый кельтский воин совершал определенный ритуал. Прежде всего он снимал всю одежду; иногда, правда, рисовал на теле свой портрет синей краской. Однако гораздо важнее внешних приготовлений считалось подготовить к сражению свой боевой дух. Воины не шли в бой с холодным сердцем. Они разжигали себя с помощью грозных воинственных песен и устрашающих боевых кличей. Друиды кричали на врагов, обещая им поражение, воины осыпали их насмешками и оскорблениями, даже иногда швырялись грязью, а то и человеческими экскрементами, чтобы обескуражить их. Но самое главное – каждый воин должен был привести себя в особое состояние, что позволяло ему расширить границы владения собственным телом и придать ему такую ловкость и мощь, которую не могут обеспечить обычные кости и мускулы. Входя в такое состояние, он черпал силы не только от своих предков, но и от самих богов. Это было великое вдохновение воина, его боевая ярость, бешенство героя, прославленное поэтами.

Чтобы достичь этого, кельтский воин должен был выполнить определенные ритуальные движения, стоя на одной ноге, изгибая тело и искажая лицо, пока оно словно не превращалось в ожившую маску войны.

Финбар готовился по всем правилам. Согнув правую ногу в колене, он медленно изогнул тело, как будто оно было луком. Потом закрыл левый глаз, немного наклонил голову и, широко открыв второй глаз, устремил его на противника, словно хотел проткнуть того взглядом. Конал стоял совершенно спокойно, но Финбару показалось, что принц общается с богами.

– Несдобровать тебе, Конал! – выкрикнул Финбар. – Напрасно ты пришел сюда! Я – кабан, я растопчу тебя, Конал! Дикий кабан!

Конал молчал.

Они подняли с земли копья и щиты, и Финбар с огромной силой метнул свое копье в Конала. Бросок был безупречен. Именно таким броском он однажды пробил щит врага и пришил его к земле. Однако Конал отступил в сторону так стремительно, что Финбар почти не заметил его движения, и копье лишь скользнуло по щиту. А уже через мгновение в него самого полетело копье Конала. Оно мчалось прямо к сердцу Финбара. Будь на месте принца другой воин, Финбар оценил бы бросок как вполне сносный. Но он хорошо знал, на что способен Конал, если сражается в полную силу, и мысленно выругался, когда копье принца в треском вонзилось в его щит. И тут же, выхватив меч, Финбар ринулся на Конала.

Очень немногие могли сравниться с Финбаром в искусстве боя на мечах. Он был отважен, стремителен и силен. Когда Конал отступил под его натиском, он не мог сказать, сделал ли это принц намеренно или просто потому, что долго не брал в руки оружие. В воздухе раздавался лязг металла, летели искры. Противники дошли до края отмели. Конал продолжал отступать,

скоро он стоял уже по лодыжки в воде. Неожиданно Финбар осознал, что ни на одном из них пока нет ни капли крови.

Чем сильнее он напирал, тем более таинственным образом Конал ускользал от него. Испустив боевой клич и бешено размахивая мечом, Финбар ринулся через воду. Он использовал все известные ему приемы. Но, как ни странно, его меч либо без всякого толка ударялся о меч или щит Конала, либо вовсе рубил пустоту.

Один раз, когда Конал опустил щит, а его меч взлетел в воздух, Финбар сделал стремительный как молния выпад – и снова ударил в пустоту. Как будто Конал на мгновение превратился в туман. «Я сражаюсь не с воином, – подумал вдруг Финбар. – Я сражаюсь с друидом».

Странная схватка продолжалась еще какое-то время, и кто знает, чем бы все могло закончиться, если бы волею судеб Конал не поскользнулся, наступив на камень. Финбар мгновенно нанес ему удар в предплечье. Конал упал и закрылся щитом, и Финбар полоснул его по ноге. Уже через мгновение Конал вскочил и отразил несколько следующих ударов, но теперь он прихрамывал. В воде рядом с ним расплывалась кровь. Он снова отступил, но Финбар понимал, что виной тому только его ранение. Сделав ложный выпад, Финбар снова застал Конала врасплох и ранил его в плечо. Они продолжали биться, нанося удар за ударом, но как ни искусен был Конал, Финбар чувствовал, что его противник теряет силы.

Он одолел Конала. Теперь он это знал. Окончательная победа лишь вопрос времени. Они обменялись еще парой десятков ударов, Финбар все напирал, плеща ногами в воде, покрасневшей от крови Конала. Принц начал промахиваться. Казалось, он вот-вот упадет.

И тогда у Финбара, уже готового торжествовать, вырвался крик.

– Только не думай, что я убью тебя, Конал! – Все разочарование прошедшего года, долгие годы зависти, которую он даже не осознавал, выплеснулись в этом крике. – Тебя свяжут, и ты пойдешь за моей колесницей вместе с Дейрдре, чтобы предстать перед королем! – С этими словами Финбар высоко занес меч и прыгнул вперед.

Он не видел, как мелькнул клинок. Меч Конала двигался так быстро, что охваченный яростью Финбар в первую секунду даже не почувствовал удара. Лезвие пронзило его грудь прямо над сердцем. Он нахмурился и словно в недоумении посмотрел на рану. А потом вдруг ощутил нестерпимую, саднящую боль. Горло и рот его наполнились кровью, он понял, что задыхается, и когда он рухнул в воду, все вокруг начало стремительно удаляться от него, словно бурная река. Он еще почувствовал, как его переворачивают, увидел лицо Конала, который смотрел на него с бесконечной печалью. Почему он так печален? Лицо Конала стало расплываться.

– Ох, Финбар... я не хотел тебя убивать.

Почему Конал так говорит? Он что, убит?

Финбар попытался что-то сказать смутному очертанию:

– Конал...

А потом глаза его широко открылись, и свет вдруг стал ослепительно ярким.

Конал и возница перенесли его в колесницу, чтобы отвезти к королю. Только теперь Конал заметил, что пес Кухулин привязан к колеснице и ждет своего хозяина. Бросив последний грустный взгляд на устье Лиффи, Конал, хромая, пошел назад, к Дейрдре и их острову.

Единственный глаз Гоибниу внимательно оглядывал каждого: верховного короля, королеву, вождей и друидов. Кузнец слушал, но сам молчал.

После тяжелой двухдневной дороги измученный возница наконец довез тело Финбара до королевского лагеря. Женщины начали готовиться к похоронам. А в большом зале с плетеными стенами разгорелись жаркие споры.

Не меньше двадцати молодых воинов изъявили желание найти Конала. И это понятно. Убить героя, который убил доблестного Финбара, – какая прекрасная возможность для жаж-

душих славы молодых людей. Большинство друидов думали точно так же. Ларине тоже был в зале; он выглядел печальным и больше отмалчивался. А вот королева не молчала. Гоибни казалось, что раньше она никогда не горела желанием поймать Конала, но теперь была непреклонна в своем решении. Конал и Дейдрре должны быть убиты.

– Пусть ее отец похоронит свою дочь в Дуб-Линне! – кричала королева. – А мне принесите голову Конала! – Она окинула взглядом вождей и молодых воинов. – Тот, кто принесет голову Конала, получит двести сорок коров!

Было совершенно ясно: королева не желает возвращения принца. Но кузнеца больше удивило поведение короля, который до сих пор не произнес ни слова и продолжал в мрачной задумчивости сидеть на высокой, застеленной ковром скамье. Неужели он думал то же, что и Гоибни? Неужели искал более скрытые причины?

Как часто случалось с Гоибни, когда он долго вслушивался в чужие разговоры, постепенно ему стало казаться, что все сказанные слова пусты и ничего не значат. В чем была главная беда короля? Неурожай. А что привело к нему? Была ли в этом действительно вина короля? И что изменит смерть Конала? Этого Гоибни не знал, но сомнения не оставляли его. Не знали этого и остальные, как он думал. Но они верили. Только это и имело значение: их вера. Убийство Конала должно было стать возмездием за насмешку над королем. Но что, если даже после гибели принца следующий урожай тоже погибнет? Станут ли друиды по-прежнему винить короля? Конечно. Наверняка.

Гоибни вдруг заметил, что король смотрит прямо на него:

– Ну, Гоибни, что скажешь?

Кузнец немного помолчал, тщательно обдумывая свои слова.

– Мне кажется, – негромко заговорил он, – есть и другой путь. Могу я поговорить с тобой наедине?

За эти дни ей даже однажды приснилось, что они наконец стали свободными.

Самым страшным было первое утро, когда она с замиранием сердца смотрела на берег, не зная, что там увидит: колесницу Финбара или стройную фигуру Конала, который придет за ней. Когда на дальней полоске песка показался едва волочивший ноги окровавленный человек, Дейдрре даже не сразу узнала любимого, он был похож на смертельно раненного зверя. Наконец лодка причалила к острову, и принц выбрался на галечный берег. При виде ужасных ран девушка едва сдержалась, чтобы не закричать.

Она не отходила от него ни на шаг. Конал был слаб и несколько раз терял сознание, но успел сказать ей, что убил своего друга. Дейдрре понимала: спрашивать теперь о том, что будет с ними дальше, не стоит. Позже в тот же день приехал ее отец.

– Они придут за ним. Возничий Финбара покажет место. Но на это понадобится несколько дней, Дейдрре. У нас есть время все обдумать. – Они немного поспорили насчет того, нужно ли перевозить Конала в Дуб-Линн, но Фергус решил: – Пусть пока побудет здесь, Дейдрре. На острове ему будет ничуть не хуже, чем в другом месте.

Вечером он уехал. Ночью у Конала началась лихорадка, но к утру ему стало лучше, и Дейдрре накормила его бульоном и медом, которые привез отец.

К полудню Фергус появился снова. Осмотрев Конала, он убедился, что самое страшное позади, и обратился к ним обоим:

– Вам нельзя больше оставаться здесь. Как это ни опасно, вы должны перебраться через море. – Он посмотрел на волны. – По крайней мере, можете поблагодарить богов за хорошую погоду. – Он улыбнулся Коналу. – Через два дня я вернусь с лодкой.

– Но, отец, – воскликнула Дейдрре, – даже если ты найдешь лодку, как я смогу управлять ею в одиночку, в моем-то положении, Конал ведь даже весло поднять не сможет!

– У вас будет команда, – ответил Фергус и ушел.

Следующий день был полон тревоги. Едва ли не каждая волна, набегавшая на берег, заставляла ее оглядываться и искать взглядом посланников короля. Но никто так и не появился, и Дейрдре была благодарна богам. Конал чувствовал себя лучше. Он даже обошел их маленький островок, и, к ее радости, его раны после этой короткой прогулки не открылись. Но вот душевное состояние Конала беспокоило ее по-настоящему. Она уже привыкла к сменам его настроения и, когда во второй половине дня он уселся на галечном берегу и стал смотреть на море, поначалу не увидела в этом ничего особенного, но через некоторое время на его лице появилась такая скорбь, что Дейрдре не выдержала. Она подошла к нему и встала рядом.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– О Финбаре, – после долгого молчания ответил Конал. – Он был моим другом.

Дейрдре хотелось обнять любимого, но он казался таким отчужденным, что она не осмелилась. Она лишь коснулась его плеча и сразу отвела руку.

– Он знал, на что идет, – прошептала девушка. – Твоей вины в этом нет.

Конал не ответил, и они снова замолчали.

– Друиды считают, что это я виноват в постоянных неурожаях, – тихо произнес Конал. – Так сказал Финбар. Все из-за того, что я унизил верховного короля.

– Тогда это и моя вина тоже.

– Нет. – Конал нахмурился. – Только моя.

– Это глупость.

– Возможно.

Конал снова умолк, Дейрдре с тревогой смотрела на него.

– Ты не должен так думать! – не выдержала она.

– Я не могу не думать, – пробормотал Конал, касаясь ее руки.

Он ни разу не взглянул на нее. Постояв еще немного, Дейрдре ушла, а Конал так и сидел у воды и смотрел на воду, пока не зашло солнце.

На следующее утро приехал Фергус. Над морем еще висел туман, когда из-за мыса показалась лодка. Это было небольшое суденышко, с кожаными бортами и единственным квадратным парусом, благодаря которому она и бежала по воле ветра, хотя и не слишком уверенно. Вряд ли эта лодка сильно отличалась от куррахов, на которых далекие предки Дейрдре впервые добрались до западного острова. Фергус купил ее у какого-то рыбака в южной оконечности залива. И привел сюда сам вместе с двумя сыновьями. Все трое вышли на берег, явно довольные собой.

– Вот ваша лодка, – сказал Дейрдре ее отец. – Ветер дует с запада, но он слабый, и море спокойное. Доберетесь легко.

– А где же твоя обещанная команда? – спросила Дейрдре.

– Она перед тобой, – ответил Фергус таким тоном, словно по-другому и быть не могло. – Доверься своему отцу, Дейрдре, а я доверюсь Мананнану Мак Лиру. Морской бог защитит тебя. Как тебе такой план?

– Может, хватит тебя одного? – предположила Дейрдре, с сомнением глядя на братьев. – Лодка такая маленькая.

– Ты хочешь, чтобы я оставил твоих братьев одних? – с улыбкой спросил Фергус. – Одних в целом мире?

И тут Дейрдре поняла.

– Ты не собираешься возвращаться?

– Чтобы предстать перед королем, после того как помог вам бежать? Нет, Дейрдре, мы отправимся все вместе. Я всегда хотел пуститься в такое путешествие. Просто немного запоздал.

– Но как же твое поместье, твои земли, скот...

– В Дуб-Линне? – Фергус пожал плечами. – Не ахти какое место, скажу я тебе. Слишком болотистое. Нет, Дейрдре, пришло время двигаться дальше.

И Дейрдре, заглянув в небольшое суденышко, увидела, что там лежит запас провизии, небольшой мешок с серебром и любимый кубок отца, сделанный из древнего черепа. Поэтому она просто поцеловала Фергуса и не добавила больше ни слова.

Было только одно препятствие: Конал отказывался покидать остров.

Он ничего не стал объяснять. Подавленность, охватившая его прошлым вечером, казалось, исчезла, но появилось нечто другое. Конал был печален, возможно, чуть рассеян, но спокоен. И непреклонен.

– Ради всех богов, парень! – воскликнул Фергус. – Что с тобой происходит? Неужели ты не понимаешь, что мы делаем это ради тебя? – Это тоже не помогло, и Фергус заговорил иначе: – Нам что, тащить тебя в лодку силой?

Но, натолкнувшись на твердый взгляд принца, старый вождь сразу понял, что делать этого не стоит.

– Ты можешь хотя бы сказать почему? – отчаявшись, спросил Фергус.

Несколько долгих мгновений Конал молчал, и уже казалось, ответа так и не последует, но наконец он тихо произнес:

– Боги не хотят этого.

– Да откуда тебе знать?! – потеряв терпение, воскликнул Фергус.

– Я принесу вам несчастье, если отправлюсь за море с вами.

Пока отец Дейрдре тихо ругался себе под нос, ее братья с тревогой переглядывались. Неужели боги прокляли мужчину их сестры? Конал выглядел как друид, значит он точно знает, решили они.

– Отец, давай не будем рисковать, – сказал один из мальчиков.

– Хочешь, чтобы мы увезли Дейрдре, а тебя оставили здесь? – Фергус почти кричал.

Конал ничего не ответил, но Дейрдре схватила отца за руку.

– Я без него не уеду, отец, – тихо сказала она. Фергус нетерпеливо возвел глаза к небу, но девушка отвела его в сторону и добавила: – Давай подождем еще денек. Может, завтра он передумает.

И поскольку ничего другого не оставалось, Фергус только пожал плечами и вздохнул. Но, прежде чем уйти, предостерег:

– Времени у тебя почти не осталось. И ты должен подумать о Дейрдре и ребенке!

Когда отец с братьями уехали, Дейрдре какое-то время молчала. На галечный берег прилетела стая чаек. Несколько раз они взмывали в воздух и снова опускались на берег, оглашая синее сентябрьское небо громкими криками, а Конал просто сидел и смотрел на них невидящим взглядом. Наконец птицы улетели, и тогда Дейрдре заговорила:

– Что с нами будет, Конал?

– Не знаю.

– Почему ты не хочешь ехать? – (Он не ответил.) – Может, ночью ты видел какой-то сон? – Он опять промолчал, но Дейрдре уже чувствовала, что угадала. – Ты говорил с богами? Скажи мне правду, Конал! Что тебе известно?

– Что я должен ждать здесь, Дейрдре. Вот и все.

Дейрдре посмотрела на его бледное лицо.

– Тогда я останусь с тобой, – просто сказала она.

Он протянул руку и сжал ее пальцы, чтобы она знала, как он любит ее, а она втайне надеялась, что к утру он все-таки передумает.

Когда она проснулась, небо было ясным, но над землей еще висела тонкая полоса тумана. Она посмотрела через пролив на пустынный берег. Все было спокойно. Да и вряд ли люди

короля могли так скоро добраться сюда – слишком мало времени прошло. Внезапно ее взгляд привлекло какое-то движение.

Сначала вдали проступил чей-то неясный силуэт, и ей показалось, что над мгlistой равниной, высоко взмахивая крыльями, летит птица. Все обширное пространство Долины Птичьих Стай укрывал туман, он то парил над землей рваной пеленой, то собирался в клубки, похожие на призраки, и его снежная белизна заливала все побережье и прибрежную полосу моря, так что невозможно было понять, что под ним – вода или суша. Дейрдре не знала, кого она издали приняла за птицу, и могла лишь гадать. Это мог быть человек в развевающемся плаще в быстрой колеснице, либо один из богов, либо же их посланец, принявший облик ворона, или лебедя, или еще какого-нибудь крылатого создания.

Вскоре призрачное существо повернуло в сторону, где должен был находиться берег, и остановилось. На этот раз Дейрдре, которая всматривалась вперед изо всех сил, могла поклясться, что там стоит грациозный олень. Но уже через несколько мгновений видение исчезло в тумане, а потом появилось снова, как будто могло менять обличье по собственной воле, и теперь очень медленно плыло к их маленькому острову, серое и неподвижное, словно стоячий камень.

Дейрдре оглянулась, надеясь увидеть лодку отца, vyplывающую из-за мыса. Но вместо этого увидела Конала. Он с мрачным видом стоял за ее спиной.

– Это Ларине, – сказал он.

– Мне показалось, что он менял обличье, пока приближался.

– Он ведь друид, – заметил Конал. – Он мог бы раствориться в воздухе, если бы захотел.

Теперь Дейрдре видела, что это действительно Ларине, который плыл в маленьком куррахе, на веслах сидел его возничий.

– Идем, Конал, – тихо сказал друид, сойдя на берег. – Нам нужно поговорить.

И Дейрдре, испуганно обернувшись к Коналу, с удивлением увидела облегчение на лице принца.

Их долго не было, и Дейрдре издали смотрела на две застывшие тени в клубах тумана, нависавшего над краем воды, а как только взошло солнце, они вернулись, и девушка увидела, как изменилось лицо Конала. Вся его печаль исчезла, он нежно улыбнулся ей и взял ее за руку:

– Все хорошо. Мы с моим дядей больше не враги.

III

Самайн – древний Хеллоуин, когда духи мертвых всего на одну ночь появляются в мире живых. Самайн – начало нового отсчета, когда год переходит на свою темную половину. Самайн – время забивать скот. Самайн зловещий. Самайн великий. И все же на западном острове, с его мягким климатом, месяц, что предшествует этому самому важному из древних праздников, обычно был довольно приятной порой.

Дейрдре всегда нравилось это время. Иногда небо было затянуто дымкой, а иногда его чистая синева повисала так низко, что казалось, стоит только протянуть руку – и дотронешься. Она любила осенний лес, хруст палых листьев под ногами, яркие наряды деревьев. А когда в воздухе разливалась прохлада, она чувствовала какое-то особое волнение, словно в такие дни даже кровь начинала бежать быстрее.

Ларине пробыл с ними на острове три дня. Он привез травы для лечения Конала. Мужчины долгие часы проводили вместе в беседах и молитвах, и Дейрдре, даже если и чувствовала себя немного оттесненной, не могла не радоваться тому, что Конал исцеляется и телом и духом. Перед отъездом Ларине сказал ей:

– Дейрдре, пройдет еще какое-то время, прежде чем Конал окончательно поправится. Оставайтесь здесь или поезжайте к твоему отцу. Никто вас не побеспокоит. Верховный король

пожелал отпраздновать примирение на Самайн, так что к тому времени вы должны к нему приехать. – И, угадав ее мысли, друид добавил с улыбкой: – Тебе больше не нужно бояться королевы. Теперь она не тронет тебя.

На следующий день Фергус перевез их в дом.

Тот месяц, что они провели в Дуб-Линне, был по-настоящему счастливым. И если сначала у Дейрдре еще оставались опасения, вынесет ли Конал ее родных, то очень скоро они развеялись. Каждый вечер он слушал истории ее отца без малейших признаков скуки, играл в хёрлинг с ее братьями и терпел их насмешки во время игры, не стремясь их прибить. Он даже убедил Фергуса заменить сгнившие доски на переправе и сам помог ему в этом. Дейрдре видела, что раны Конала не только зажили – от них почти не осталось следа. Когда ночью она смотрела на его обнаженное тело, оно снова казалось ей таким же безупречным, как и раньше. Что до нее самой, то она уже чувствовала, как внутри ее растет дитя и какое оно сильное.

– Он родится в середине зимы, – говорила она со счастливой улыбкой. – Как обещание весны.

– Ты говоришь «он», – заметил как-то Конал.

– Это будет мальчик, Конал, – ответила она. – Я чувствую.

Они вместе гуляли вдоль устья Лиффи, где росли плакучие ивы, ходили в дубовые рощи или на песчаный берег. Каждый день они навещали один из трех маленьких святых источников, и Конал осторожно смачивал водой растущий живот Дейрдре, нежно проводя по нему ладонями. Пасмурные дни сменялись солнечными, но ветер в том месяце всегда был легким, и лишь немногие листья падали с деревьев, все еще богато украшенных пышными золотыми и бронзовыми нарядами осени. Только стаи перелетных птиц напоминали о том, что неминуемо близится зима. До Самайна оставалось всего два дня, когда вороны, внезапно сорвавшись с деревьев возле Дуб-Линна, громкими криками возвестили о прибытии гостей. Приехали сразу три колесницы.

Дейрдре видела, как доволен отец, ведь он никогда не путешествовал с такой роскошью. Три колесницы, каждая с возничим, были воистину великолепны. Фергус с сыновьями сел в одну, Дейрдре во вторую, третья колесница, самая красивая, предназначалась для Конала. В нее были запряжены две быстрые лошади.

Стоял погожий день. Солнце отражалось в широких мелких водах устья Лиффи, когда они ехали через переправу. Их путь лежал на северо-запад. Весь день колесницы быстро и легко мчались по холмистым лугам и лесистым склонам. Ранним вечером они добрались до чудесной дубовой рощи и решили остановиться там на ночлег. Наутро погода испортилась. Небо затянуло облаками, хотя дождя не было. Свет стал свинцово-серым; косые лучи солнца, что иногда прорывались сквозь тучи, казались Дейрдре мрачными и зловещими. Но все остальные пребывали в прекрасном настроении, когда они продолжили путь дальше на северо-запад, к долине Бойна.

– К полудню доберемся до королевской Тары, – сказал Дейрдре ее возничий.

И тут же раздался веселый крик Фергуса:

– Ты помнишь, Дейрдре? Помнишь Тару?

Конечно, она помнила. Разве могла она забыть? Да, прошло много лет, ее младшему брату тогда только исполнилось восемь. В один из летних дней отец повез их всех на Тару. Это была чудесная поездка. Священный центр острова восхитил Дейрдре своей величественностью. Длинный широкий холм с пологими склонами возвышался над долиной Бойна всего в половине дня пути от древних гробниц с их особыми коридорами, в которые проникало солнце в дни зимнего равноденствия, тех самых, где жил бог Дагда.

Если не считать стражи, в то лето народу там было немного. Верховные короли приезжали на Тару лишь для восшествия на престол и на праздник Самайн. Фергус горделиво водил

свое маленькое семейство, словно был здесь хозяином, и показывал детям все самое главное: большие земляные круги, на которых на время праздника сооружались алтари и пиршественные залы. А еще рассказал, почему это место такое особенное.

– Вот здесь друиды выбирают нового верховного короля, – объяснил он возле небольшой насыпи. – Один из них пьет кровь быка, а потом боги посылают ему видение. – Он показал два камня, стоящих близко друг от друга. – Новый король должен проехать между ними на своей колеснице. Если колесница застрянет – значит это неправильный король.

Но больше всего Дейрдре поразил древний камень у самой вершины холма – Камень Фаль, или Камень судьбы.

– Когда его касается колесница истинного короля, – торжественно сообщил Фергус, – друиды слышат, как камень кричит.

– А разве потом, – спросил один из братьев, – король не должен спариться с белой кобылицей?

– Обязательно, – с гордостью подтвердил Фергус.

Если братьев больше занимали именно эти подробности возведения на престол нового короля, то Дейрдре покорило само место. С восторгом и трепетом она любовалась прекрасными пейзажами, и не только при свете дня. Закаты и рассветы здесь завораживали своей чарующей красотой, а когда в окрестные долины опускался туман, холм Тары словно превращался в остров, плывущий в мире богов.

Наверное, Дейрдре следовало радоваться, что они едут именно туда.

После полудня вдали показалась Тара. Три колесницы мчались по широкой дороге, возницы вели их треугольником, первой ехала та, что везла Конала, колесница Дейрдре держалась чуть позади слева, а колесница ее отца с братьями – справа. Было тепло, хотя небо по-прежнему закрывали свинцовые облака, и лишь изредка на сером вспыхивали серебристые пятнышки света. Впереди, выстроившись по обе стороны дороги, стояли люди, многие держали в руках корзины. Завидев их, Конал неожиданно сбросил плащ и теперь был похож на обнаженного воина, готового к битве. Все в том же порядке, напоминавшем острие стрелы, три колесницы неслись вперед. Когда они приблизились к людям у дороги, те достали из корзин охапки полевых осенних цветов и стали бросать их в колесницу Конала. И хотя Конал был племянником самого верховного короля, Дейрдре удивилась, что его приветствуют как героя.

Холм был совсем рядом. Дейрдре уже видела толпы людей на длинной земляной стене, окружавшей вершину. В центре стены стояли жрецы, они держали длинные бронзовые трубы и огромные бычьи рога – знаки королевского величия. Позади жрецов высились плетеные стены сооружений, возведенных для праздника. В воздух поднимались тонкие струйки дыма от костров.

Они доехали почти до подножия холма, где на узкой, поросшей травой полосе земли росло несколько деревьев. Отсюда дорога уходила вверх к пологому склону. Жрецы подняли свои трубы. И зазвучал громкий, низкий, пульсирующий гул, перешедший в пугающий рев.

А потом возник черный туман.

Это было так неожиданно и страшно, что Дейрдре закричала. Впереди, оглушительно хлопая крыльями, неожиданно взметнулась ввысь огромная стая скворцов. Тысячи птиц окружили колесницы бурлящим черным облаком. Они носились с бешеной скоростью, и путники словно оказались в центре безумного черного водоворота. Исступленное кружение все продолжалось, мириады крыльев хлопали так громко, что Дейрдре не слышала собственного крика. Темное облако, окружавшее их со всех сторон, то вздымалось, то опадало, то поднималось вновь и вдруг умчалось прочь, чтобы с диким гвалтом опуститься на ближайшие деревья.

Дейрдре оглянулась по сторонам. Ее отец и братья смеялись. Лица Конала она не видела. Но, взглянув на толпы людей на вершине холма, с ужасом поняла, что видели они.

Приближаясь к Таре, Конал только что проехал сквозь черный туман.

Теперь он нарушил третий, последний гейс.

Но думать об этом было некогда: они начали подниматься вверх по склону. Вдоль всей дороги, до самой вершины холма, горели факелы. Когда колесницы почти добрались до верха, двое возникших остановили лошадей, чтобы дальше Конал ехал один по короткому церемониальному проходу с земляными стенами, в конце которого в окружении вождей его ждал верховный король.

Дейдрре видела, как Конал сошел с колесницы и направился к королю, как король обнажил грудь перед племянником для поцелуя и сам повторил ритуал примирения. А потом Конал опустился на колени перед своим дядей, и тот положил ладонь на голову молодого человека, благословляя его.

Казалось, ей бы радоваться при виде этих знаков любви и прощения, но после нападения безумной птичьей стаи Дейдрре никак не могла унять дрожь, да и чувство тревоги не оставляло ее. Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, думала она. И почему верховный король и его свита после всех приветствий вдруг отошли в сторону, словно оказывая честь Коналу, когда тот пошел мимо них к друидам, которые, как теперь увидела Дейдрре, ждали его поодаль? Почему беглый принц вдруг превратился в героя?

– Теперь ты должна пойти со мной.

Дейдрре повернула голову и с удивлением увидела стоявшего рядом с колесницей Ларине.

– Тебе приготовили место для отдыха. Ты будешь в надежных руках. – Видя сомнение в ее взгляде, Ларине добавил: – Ты ведь носишь ребенка Конала. Тебе окажут самые высокие почести. Идем со мной.

Шагая впереди, друид повел ее к небольшому домику. Когда они почти пришли, Дейдрре вдруг заметила Гоибниу. Кузнец стоял один, в стороне от толпы, и наблюдал за ней. Дейдрре не приветствовала его, да и он не сделал такой попытки. Он просто смотрел на нее. Она не понимала, чего он хочет. Когда они подошли к дому, она спросила Ларине:

– Где Конал?

– Скоро я приведу его к тебе, – пообещал друид.

В домике оказалась девушка-рабыня, которая сразу подала Дейдрре легкую еду и питье, чтобы подкрепить ее силы. Дейдрре решила, что отца и братьев разместят в каком-то другом месте. Она вышла на порог. Вокруг проходило множество людей, но никто не подошел к ней. У нее возникло странное чувство, как будто ее вежливо не замечают и намеренно обходят стороной.

Потом наконец пришел Конал. Его сопровождал Ларине, но держался в нескольких шагах сзади.

Дейдрре поразил невероятный покой, который исходил от Конала. Принц был серьезен, немного печален, но удивительно спокоен. Дейдрре решила, что мир в его душе наступил после встречи с дядей. А с какой нежностью и любовью он смотрел на нее...

– Я поговорил с друидами, Дейдрре, – мягко начал он. – Должно кое-что произойти... – Он помолчал. – Мне будет оказана великая честь.

– Это хорошо, Конал, – кивнула Дейдрре, ничего не понимая.

– Дейдрре, я собираюсь отправиться в путешествие, которое может совершить только принц. И если на то будет воля богов, они даруют нам хорошие урожаи. – Он снова замолчал и задумчиво посмотрел на Дейдрре. – Если бы мне понадобилось пересечь море, чтобы добраться до Островов блаженных и поговорить с богами, стала бы ты мешать моему отъезду?

– Я бы ждала твоего возвращения. Но ведь Острова блаженных очень далеко, – взволнованно добавила она, – в западном море.

– Да, верно. А если бы корабль потерпел крушение, ты ведь стала бы оплакивать меня, но гордилась бы мной, разве не так? Ты бы сказала моему сыну, что он должен гордиться отцом?

– Разве может твой сын не гордиться своим отцом?

– Мой отец с честью погиб в сражении. И мы с матерью не горевали о нем, потому что знали: он ушел к богам.

– Почему ты это говоришь, Конал? – растерянно спросила Дейдрдре.

Конал подал знак Ларине, подзывая друида поближе.

– Дейдрдре, – начал принц, – ты единственная любовь моей жизни, и ты носишь под сердцем моего сына. Если ты любишь меня так, как я люблю тебя, то не горюй, когда я отправлюсь в дальний путь. И если ты любишь меня, то помни еще одно: Финбар, которого я убил, был моим лучшим другом. Однако Ларине для меня больше чем друг. Я должен покинуть тебя, потому что такова воля богов. Но позволь Ларине всегда быть твоим другом и защитником, и с тобой никогда ничего не случится.

С этими словами Конал поцеловал Дейдрдре, повернулся и ушел, оставив ее с друидом.

И тогда Ларине объяснил ей, что должно произойти.

Приближался рассвет. Боялся ли он? Наверное, нет.

В детстве канун Самайна всегда казался ему магическим, но опасным временем. Люди оставляли еду для пришедших из другого мира духов, однако предусмотрительно разжигали костры, чтобы мрачные гости не слишком задержались. Когда Конал был маленьким, его мать в эту ночь всегда укладывала его рядом с собой. А после длинной ночи начинали отбирать скот: коров, свиней и овец, предназначенных для зимнего забоя. Коналу всегда было немного грустно слышать мычание коров, которых вели к загону, где их ждали скотники с ножами. Другие мальчишки с веселым восторгом глазели, как валили и связывали свиней и как те визжали и выворачивались, когда веревки стягивались на их ногах. Потом мужчины подвешивали свиней за задние ноги на деревьях и перерезали горло, визг становился еще громче, и алая кровь расплескивалась вокруг. Коналу никогда не нравилась эта резня, пусть она и была необходима, и его утешало лишь то, что все это происходило с благословения друидов.

Став постарше, в канун Самайна Конал ускользал из дому и сидел где-нибудь в одиночестве. Всю ночь он наблюдал за смутными тенями и прислушивался к тихим шагам посетивших их духов, когда они проникали в дома или шелестели осенней листвой на деревьях. Одного духа он особенно ждал. В детстве Конал твердо верил, что его героический отец обязательно придет навестить его. Снова и снова он рисовал себе образ отца, о котором рассказывала мать. Высокого, голубоглазого, с длинными усами. Он непременно придет к нему. Но отец так и не появился. Однажды, когда Коналу было четырнадцать, перед самым наступлением Самайна он вдруг ощутил рядом странное тепло, словно кто-то стоял совсем близко. И Конал не сомневался, что то и был отец, ведь мальчику так хотелось в это поверить.

Однако нынешняя ночь была совсем иной. Хорошо, что Ларине остался с ним. Конал просил, чтобы именно Ларине провел его через испытание, и ему было даровано такое разрешение. Они сидели рядом, разговаривали, немного молились, начитывали священные тексты. Потом, ближе к полуночи, Ларине ненадолго оставил принца одного.

Пытаясь сосредоточиться на том, что ему предстояло, Конал совсем забыл о духах, которые в эту ночь выходят за границы своего мира. Он сидел один в доме друида в темноте и не знал, приснилось ему это или случилось наяву, только глубокой ночью он вдруг увидел, как кто-то вошел в хижину. Удивительно, но вошедший был отчетливо виден в крошечной темноте, и Конал сразу понял, кто это. Прямо перед ним стоял его отец с печальной, доброй улыбкой на лице.

– Я так долго ждал тебя, отец, – сказал Конал.

– Скоро мы будем вместе, Конал, – ответил отец. – Мы будем вместе всегда, на островах яркого утра. Я столько всего тебе покажу.

Он снова исчез, а Конала охватило чувство величайшего покоя. Теперь он знал, что отправится к отцу с благословения богов.

Много лет прошло с тех пор, как на Таре совершалось человеческое жертвоприношение. Не меньше трех поколений. Это делало ритуал еще более торжественным и важным. Если и можно было снять проклятие, очевидно павшее на верховного короля и все его владения, то только так. И только так Конал мог избавиться от снедавшей его тоски и искупить свою вину за побег с Дейрдре и убийство Финбара. Но все же сейчас, когда он готовился к переходу в другой мир, он не чувствовал себя жертвой. Печаль или радость тоже едва ли наполняли его сердце. Печаль была излишня, а радость недостаточна. Нет, Конал всей душой чувствовал, что исполняется его предназначение. И дело было не только в пророчестве, обещавшем ему смерть после нарушения трех гейсов. То, что ожидало его, словно становилось безупречным выражением всех его сущностей: принца, воина, друида. Его ждала благороднейшая смерть, лучшая из возможных. Именно для этого он был рожден. Стать равным богам: это было сродни возвращению домой. И Конал оставался спокоен, пока вместе с первыми проблесками рассвета на востоке не вернулся Ларине.

Он дал принцу немного черствого хлеба и дробленых лесных орехов, ведь орешник был священным деревом. Потом Конал выпил три глотка воды, а когда закончил, разделся донага. Тщательно омыв тело принца, Ларине разрисовал его красной и синей краской. После того как краска высохла, друид повязал на левую руку Конала полосу лисьего меха. Оставалось еще немного времени. Снаружи уже занимался рассвет. Наконец Ларине с улыбкой произнес:

– Идем.

Людей собралось не меньше тысячи. На насыпи, где все могли их видеть, выстроились в круг друиды. На другом возвышении стоял верховный король. Когда показался Конал, толпа стихла.

Верховный король задумчиво смотрел поверх голов. Так нужно, думал он. Пусть происходящее ему не по душе, но сделать это необходимо. Он заметил Гоибниу. Да, кузнец и правда умен. Возвращение раскаявшегося принца и его добровольное принесение себя в жертву, без сомнения, мастерский ход, который не только восстанавливал утраченное влияние короля, ведь они отдавали богам принца крови, но и ставил друидов в трудное положение. Это была и их жертва тоже, притом самая важная из тех, что они могли принести. Если остров еще раз пострадает от неурожая, им трудно будет винить во всем одного лишь короля. Король это знал, и друиды это знали. На кону стояло доверие к ним самим.

Королева находилась рядом с ним. Она тоже молчала. С того дня, как Ларине нашел Конала на острове, король знал о ее угрозах бедной девушке, хотя и раньше подозревал что-то подобное. Он ни словом не дал жене понять, что ему все известно, но королева догадалась сама. Так что теперь она надолго забудет о своих кознях. Что до девушки, королю было искренне ее жаль. Ей позволят вернуться к отцу и родить ребенка Конала. Даже Гоибниу согласился с таким решением. А потом, возможно, он что-нибудь сделает для младенца. Ведь не знаешь заранее, когда может пригодиться дитя дальних родственников.

Толпа расступилась, и Конал, Ларине и еще два жреца медленно пошли вперед. Король боялся, что Конал повернется к нему, но принц смотрел прямо перед собой, лицо его было спокойно и торжественно. Король мысленно возблагодарил богов за то, что ему не пришлось встречаться с племянником взглядом. Процессия дошла до насыпи, где стояли друиды, и поднялась на нее. Друиды в плащах из перьев собрались в одном конце, Конал – в другом. Он был виден всем. Верховный король бросил взгляд на восток. Небо на горизонте было чистым. Хорошо. Они увидят, как взойдет солнце.

Горизонт начал светиться. До восхода оставалось совсем немного.

Трое друидов подошли к Коналу. Одним из них был Ларине. По слову старшего жреца Конал опустился на колени. Подошедший сзади друид наложил удавку на шею принца, но не затянул ее. Второй жрец поднял вверх изогнутый бронзовый нож. Ларине поднял дубину.

По кельтской традиции жертвоприношение предполагало три смерти ради трех основных стихий: земли, воды и неба. Поэтому одни подношения, предназначенные для того, чтобы умиловить богов, сжигали, другие закапывали в землю, а третьи топили в реках. Так и Коналу предстояло пройти три ритуальные смерти. Но сам процесс был милосердным. Ларине предстояло оглушить Конала ударом дубины, после этого старший друид должен был затянуть смертельную удавку на его шее. А потом изогнутый нож перерезал бы горло уже бездыханного принца, чтобы кровь его пролилась на землю.

Верховный король посмотрел на горизонт. Солнце приближалось. Остались считанные мгновения. На холме друидов началось движение; остальные жрецы подошли ближе и окружили жертву. Теперь собравшиеся могли видеть только спины друидов и в центре круга – высоко занесенную дубину в руке Ларине.

И вот король увидел, как сверкающий луч метнулся к Таре, и быстро повернулся. В ту же секунду дубина упала вниз и с треском исчезла за яркими плащами жрецов. А потом наступило долгое молчание, которое нарушалось лишь шуршанием перьев из круга друидов.

Король думал о мальчишке и юноше, которого знал, о своей сестре – матери Конала. Он не хотел этого, но Гоибниу был прав. Это необходимо было сделать. Никакая жизнь не обходится без жертв.

Наконец все было кончено. Друиды, кроме первых трех, отступили назад. Ларине держал в руках большую серебряную чашу. Тело Конала лежало без движения, голова его была повернута под странным углом. Старший друид оттянул назад голову принца, открывая шею, жрец с кривым ножом в руке быстро наклонился и перерезал горло, а Ларине подставил серебряную чашу и наполнил ее кровью своего друга.

Верховный король наблюдал. Кровь, как на то и надеялись, разбрызгалась по земле, и это должно было обеспечить хороший урожай. Потом король посмотрел на толпу, и ему показалось, что люди довольны. Это тоже было хорошо. И тут он случайно заметил ту девушку, Дейдре, она стояла рядом со своим отцом.

Еще до полудня Дейдре заявила, что не останется на королевский пир и хочет вернуться домой в Дуб-Линн.

К ее удивлению, никто возражать не стал. Верховный король, которому Фергус сообщил о желании дочери, послал ей свое благословение и золотое кольцо. Вскоре после этого пришел Ларине и сказал, что скоро навестит ее в Дуб-Линне и что две колесницы уже в ее распоряжении. Дейдре понимала, что братьям хочется остаться на пир, но отец быстро приструнил их. Она знала, что должна уехать немедленно. Остаться в этом жутком месте она просто больше не могла.

Странно, но когда убивали Конала, Дейдре не испытывала ни скорби, ни ужаса. Она хорошо знала, как происходит заклинание жертвы, ведь ей столько раз приходилось видеть, как убивают животных на Самайн. Нет, совсем другое чувство захлестнуло ее.

Это был гнев.

Гнев начал обуревать ее почти сразу после того, как накануне приходил Ларине. Она осталась одна. Конал ушел и должен был находиться с друидами до самого начала церемонии. Дейдре понимала и силу друидов, и власть короля, и ужасную волю богов. И все же сердце упорно твердило ей одно: Конал бросил ее и не важно, чем можно оправдать его уход. Всю ночь она снова и снова думала об этом. Ведь все то время, что они жили на острове, и даже после приезда Ларине Конал еще мог сбежать. Да, конечно, он дал слово. Король и сами боги потребовали этого. Но он мог скрыться. Однако Конал никогда даже не помышлял о побеге.

Отец убеждал ее плыть без него, но ведь они могли бежать вместе. У него была такая возможность, только он ею не воспользовался. Он выбрал богов. Он предпочел ей смерть. Это все, что она знала. И мысленно проклинала и Конала, и друидов, и даже самих богов. Поэтому за его смертью Дейрдре наблюдала с горечью и гневом. На какое-то время это защитило ее от боли.

В день их отъезда ее ждала неожиданная встреча.

Дейрдре стояла одна возле колесниц, когда увидела, что в ее сторону идет королева. Встретаться с ней девушка не хотела и начала оглядываться по сторонам в поисках укрытия, однако королева ее заметила и теперь направлялась прямо к ней. Поэтому Дейрдре взяла себя в руки и понадеялась на лучшее. К ее удивлению, королева, подойдя ближе, кивнула ей вполне дружелюбно:

– Сегодня у тебя печальный день, Дейрдре дочь Фергуса. Мне жаль.

В ее глазах не было и тени злорадства. Дейрдре не знала, что ответить. Все-таки это была королева, и ей следовало выразить уважение. Но Дейрдре не могла заставить себя сделать это.

– Я не нуждаюсь в твоём сочувствии, – с горечью сказала она.

Не подобало так говорить с королевой, но Дейрдре больше не волновали приличия. Терять ей было нечего.

– Все еще гневаешься на меня, – спокойно заметила королева.

Дейрдре не верила собственным ушам.

– Разве не ты обещала меня убить?! – выпалила она.

– Да, правда, – согласилась королева и добавила: – Но это было давно.

– Видят боги, – Дейрдре почти кричала, – ты странная женщина!

Лицо королевы осталось невозмутимым.

– Он принял благородную смерть, – сказала она. – Ты можешь им гордиться.

Дейрдре уже готова была склонить голову и пробормотать что-нибудь вежливое, но гнев все-таки взял над ней верх, и она не смогла сдержаться.

– Гордиться мертвецом?! – воскликнула она. – Какой мне от этого толк, когда я буду сидеть одна в Дуб-Линне!

– Ты ведь знаешь, у него не было выбора.

– Был! – яростно огрызнулась Дейрдре. – И он его сделал. Только выбрал он не меня и не своего ребенка, так что мне все равно.

На этот раз она зашла слишком далеко и сама это понимала. Она оскорбляла королевский сан, друидов, саму Тару. И отчасти с вызовом, отчасти со страхом Дейрдре ждала гнева королевы.

Но королева молчала. Чуть наклонив голову, она словно думала о чем-то. А когда заговорила, глаза ее не смотрели на девушку.

– Разве ты не знаешь мужчин, Дейрдре? Они всегда нас покидают.

С этими словами она повернулась и ушла.

IV

В день зимнего солнцестояния в рате своего отца в Дуб-Линне Дейрдре, как и ожидала, родила сына. Мальчик был вылитый Конал. Только Дейрдре не знала, рада она этому или нет.

Весна выдалась прекрасная, как и наступившее следом лето. Урожай, хотя и не был особенно богат, не погиб. Люди говорили, что все это благодаря Коналу сыну Морны, племяннику верховного короля, который умилиствовал богов.

Патрик

450 год

Его первый приезд оказался неудачным, и те, кто отослал его назад, решили, что на этом далеком западном острове он ничего не добьется. И все же после его появления все изменилось.

Он оставил записи о своей жизни, но записи эти содержали в основном исповедальные мысли о его служении, а вот о самой жизни говорили очень мало. Рассказов о нем существовало множество, но почти все выдуманные. Доподлинно не известно ни время его миссии, ни имена правителей Ирландии, с которыми он встречался, ни даже место, где он обосновался. Есть лишь догадки и домыслы.

Но святой Патрик существовал. В том нет никаких сомнений. Он родился в семье мелкого британского аристократа. Еще мальчиком недалеко от родного дома, где-то в западной части Британии, его похитили ирландские разбойники. Несколько лет его продержали на острове в рабстве, там он в основном ухаживал за скотом. Потом ему удалось бежать и перебраться за море, к своим родителям. Однако к той поре он уже избрал религиозный путь. Какое-то время он учился в Галлии, смог даже побывать в Риме. Он пишет, что некоторые служители Церкви считали его обучение недостаточным просто потому, что он прерывал учебу. Но в таких утверждениях, пожалуй, есть некоторая ирония, потому что его записи выдают и литературные, и политические знания. На западный остров его отправили по его собственной просьбе. И вот он вернулся, уже будучи епископом, туда, где когда-то был рабом.

Почему ему так хотелось вернуться туда? В своих записях он утверждает, что видел некий сон и во сне слышал голоса зывавших к нему островитян, которые умоляли его привести их к истинной вере. В подлинности этих записей сомневаться не приходится: в раннем христианстве есть много свидетельств о сверхъестественных видениях и голосах, и даже до сих пор такое случается. Для Патрика это переживание оказалось решающим. Он умолял дать ему возможность отправиться с опасной миссией.

Дата, которая традиционно считается датой его прибытия в Ирландию, – 432 год от Рождества Христова – всего лишь предположительная. Но именно в течение тех десятилетий, что последовали за крушением Римской империи на западе, епископ Патрик начал свою деятельность. Он не был первым миссионером, добравшимся до ирландских берегов: в Манстере и Ленстере в то время уже существовали христианские общины. Но он, пожалуй, был первым миссионером на севере, если действительно обосновался неподалеку от Армы в Ульстере, где король, вытесненный с большинства своих земель могучим кланом Ниялла, полюбил епископа настолько, что взял его под свою защиту.

О подлинных проповедях святого Патрика достоверных сведений не сохранилось. Его знаменитая проповедь, в которой он объяснял тайну Святой Троицы, сравнивая ее с трилистником, всего лишь красивая легенда, однако истинных свидетельств того, что он говорил нечто подобное, не существует. Но ведь нет и свидетельств того, что он этого не говорил. О личности же самого святого Патрика и его манере проповедовать можно сказать уже больше. Будучи человеком скромным, как и все, кто живет духовной жизнью, он тем не менее требовал уважения к своему сану епископа Святой Церкви и получал это уважение, сравнимое лишь с тем, которого удостоивались кельтские принцы.

Из своей миссии в Ульстере он отправился на запад и основал вторую миссию, в Коннахте. С христианами, живущими на юге острова, он тоже наверняка время от времени встречался.

И разве не мог он в своих странствиях по древним дорогам однажды пересечь устье Лиффи по Плетеной переправе и оказаться в маленьком рате рядом с Дуб-Линном?

История об этом умалчивает.

Теперь это могло случиться в любой день. Все знали: Фергус умирал. Падали осенние листья, и вождь был готов уйти.

И вот он созвал всех своих родных. Что он хотел сказать им?

Фергус правил в здешних местах так долго, что большинство жителей и не знали других вождей. С возрастом его проницательность и мудрость лишь возрастали. Со всей Долины Лиффи люди приходили к нему за правосудием, а территория вокруг Аха-Клиах для всего Ленстера всегда была известна как Земля Фергуса. Дейрдре все двадцать лет после смерти Конала преданно вела хозяйство в доме отца. И в этот последний томительный год она заботливо ухаживала за ним, с грустью глядя, как постепенно слабеет его некогда могучее тело. Даже теперь, когда он стал совсем беспомощным и дни его были сочтены, она старательно делала все, чтобы немощь не унижала его, и Фергус был трогательно благодарен ей за это.

– Если я достиг столь преклонного возраста, Дейрдре, то лишь благодаря тебе, – часто говорил он дочери в присутствии ее братьев.

Но она считала, что сама должна быть благодарна отцу за тот покой, что он подарил ей. Двадцать лет покоя рядом с Лиффи. Двадцать лет прогулок вдоль ее вод, к открытому песчаному берегу залива и мысу, который она так любила. Двадцать лет для того, чтобы вырастить ее сына Морну под надежной и нежной защитой гор Уиклоу.

Морна сын Конала. Тот, кого все любили. Тот, кого все защищали. Тот, кого все прятали. Морна: ее будущее. Все, что у нее было.

После смерти Конала мужчин у нее не было. И не потому, что она не чувствовала такой потребности – иной раз она готова была кричать от отчаяния. Дело было в самих мужчинах. Поначалу Дейрдре казалось, что она может найти кого-нибудь на одном из больших праздников.

– Ты не найдешь другого Конала, – предупреждал ее отец.

Однако она не теряла надежды, что какой-нибудь молодой вождь увлечется ею. По крайней мере, за то время, что Дейрдре была с Коналом, она приобрела уверенность в обращении с мужчинами. И высоко держала голову. Она видела, что все еще способна нравиться. Но хотя люди были с ней вежливы – все-таки сам король когда-то выбрал ее в невесты, – держались они с осторожностью. Принц, который принес себя в жертву, вызывал благоговение, но вот его женщина, причина всех бед, пугала их.

– Думаешь, я приношу несчастье? – со смехом спросила она одного молодого вельможу. – Ты меня боишься?

– Я никого не боюсь! – с негодованием ответил тот.

И все же избегал ее.

Через год-другой Дейрдре перестала ездить на праздники.

И что ей оставалось? Несколько храбрых душ в Дуб-Линне и его окрестностях. Парочка крепких крестьян, овдовевший рыбак с тремя лодками – все они ее не привлекали. Как-то раз Фергус привел в дом торговца из Британии, тот продал вождю нескольких рабов. Этот был поинтереснее. Но тогда Дейрдре пришлось бы уехать с ним и жить за морем. Дейрдре тронула готовность отца отпустить ее, ведь она знала, как он в ней нуждается и как любит маленького внука. Когда она отказалась ехать, Фергус не слишком огорчился.

Ребенка они решили назвать Морной, в честь отца Конала. Первые два года были самыми трудными для Дейрдре. Возможно, не будь мальчик так похож на Конала, ей не было бы так тяжело. От матери ему достались только удивительные зеленые глаза, в остальном он был вылитый отец. И с этим она ничего не могла поделать. Каждый раз, когда она смотрела на маленькое личико сына, то не могла отделаться от мысли, что он повторит судьбу отца. По ночам ее мучали страшные сны, ей снилась Тара и кровь. Друиды теперь вызывали у нее ужас, она отча-

янно боялась, что они отнимут у нее малыша и убьют его. Через год после рождения Морны приехал Ларине, как и обещал. Дейрдре знала, что друид хочет ей добра, но смотреть на него не могла, поэтому попросила отца как можно скорее проводить гостя. Фергус боялся, что Ларине обидится и они навлекут на себя проклятие друидов, однако Ларине, казалось, все понял правильно. Больше Дейрдре его не видела.

Морна был веселым ребенком. Он любил играть, ездить на охоту с Фергусом. Фергус души в нем не чаял. К ее радости, сын не проявлял склонности к уединению и задумчивости. Он был жизнерадостным и очень открытым. Ему нравилось рыбачить, искать птичьи гнезда, плавать в Лиффи или в море. Когда ему исполнилось четыре, Дейрдре стала брать его на свою любимую прогулку к мысу, с которого был виден маленький остров, и вдоль берега, где громко кричали морские птицы. Ее братья тоже любили мальчика. Когда он был еще маленьким, они могли играть с ним часами напролет. Учили его рыбачить и пасти скот. Он смеялся над их шутками. В десять лет Морна уже с удовольствием перегонял с ними скот на дальние пастбища; иногда они уходили из дому больше чем на месяц.

Но образование мальчика в основном занимался, конечно, Фергус. Когда однажды Дейрдре начала благодарить отца, тот резко оборвал ее.

– Он мой единственный внук, – проворчал Фергус. – Чем мне еще заниматься?

И действительно, с появлением внука Фергус словно обрел новую жизнь. Благодаря заботе о мальчике он перестал испытывать приступы уныния. Почти прекратил пить. Он словно наполнился силой молодости. Но Дейрдре знала: есть еще кое-что. Фергус чувствовал в этом ребенке нечто особенное. Все это чувствовали. То, как быстро Морна всему учится, восхищало Фергуса. К шести годам мальчик знал уже все предания о Кухулине, о легендарных королях острова и древних богах. Он мог пересказать историю семьи своей матери, знал, кто и когда победил Эрка Воина. Фергус всегда охотно позволял Морне подержать в руках древний кубок-череп, когда рассказывал внуку эту историю. Он учил мальчика обращаться с мечом и метать дротики. И конечно же, Морна пожелал узнать, был ли и его отец таким же великим воином.

Дейрдре не знала, что сказать сыну, но Фергус решил вопрос без труда.

– Твой отец участвовал во многих битвах, – говорил он уклончиво. – Но самой важной была его схватка с Финбаром. Ужасный был человек. Твой отец убил его неподалеку отсюда, на берегу возле Долины Птичьих Стай.

Морна никогда не выпрашивал подробности того сражения, хотя дед для красочности прибавил к истории еще и победу над страшным морским чудовищем. Не стоит удивляться, что после таких рассказов Морна тоже захотел стать великим воином и героем. Но Фергус отлично справлялся и с этим.

– Знаешь, в детстве я тоже этого хотел, – поделился он. – Вот только почти все воины отправляются за море, чтобы отбирать богатство у других, а ты посмотри, сколько у нас здесь скота! Надо защищать свои земли.

И если Морна, подрастая, иногда и продолжал мечтать о воинской славе, то уже об этом не говорил.

Однако, как бы то ни было, вовсе не задатки великого воина изумляли Фергуса в мальчике, а его поразительный ум. Он проявлялся во всем, что делал Морна. Едва ему минуло десять, как Фергус начал сажать его рядом с собой, когда люди приходили к вождю с просьбой рассудить их. Через несколько лет Морна знал о древних законах острова почти столько же, сколько его учитель. Фергус приходил в восторг от того, как мальчик вникал в самую суть вопроса. Если человек продал свою единственную корову, а через месяц она произвела на свет теленка, кому принадлежит теленок: прежнему или новому владельцу? Если человек построил водяную мельницу на ручье, который стекает с земель другого крестьянина, имеет ли последний право пользоваться этой мельницей бесплатно? И кто из близнецов старше – тот,

кто появился на свет первым, или тот, кто родился вторым? Везде в Европе старшим считался тот, кто родился первым, но на западном острове это не всегда бывало так.

– Если он рождается следом за другим, – рассуждал Морна, – значит он должен был первым попасть в утробу матери. А значит, второй старше.

Фергус точно знал: его сыновья никогда бы до такого не додумались. Их занимало только то, что касалось их самих, а не какие-то отвлеченные рассуждения.

А еще было в Морне что-то такое, чему трудно дать определение. Это проявлялось и в его любви к музыке – он прекрасно играл на арфе, – и в его внешности, но дело было вовсе не в его загадочной красоте. Даже в юности Морна уже обладал достоинством старого Фергуса, но тут крылось и нечто большее, некое магическое свойство, что притягивало к нему людей. В нем текла кровь королей.

Они долго сомневались, стоит ли рассказывать Морне о его королевских предках. Дейрдре вообще не хотела ничего говорить.

– Ничего хорошего он от них не получил, – твердила она, – кроме своего отца.

Королевскую кровь она считала скорее проклятием, чем благословением. Но Фергус не соглашался с дочерью.

– Мы должны ему сказать, – возражал он.

Морне было десять, когда его дед наконец заговорил на эту тему.

– В твоём отце текла королевская кровь, по материнской линии, – сообщил он однажды мальчику. – Но добра ему это не принесло. Верховный король невзлюбил его. Именно король послал Финбара убить твоего отца.

– А меня верховный король тоже возненавидит? – спросил мальчик.

– Да он, наверное, давно и забыл о твоём существовании, – ответил Фергус. – Если так, тем лучше для тебя. Здесь, в Дуб-Линне, ты в безопасности, – добавил он, и когда мальчик кивнул, старый вождь решил, что Морна все понял правильно.

Что же касалось роли его матери в ссоре с королем и смерти Конала, Фергус строго-настрого запретил и сыновьям, и всем в округе упоминать об этом в присутствии мальчика. Впрочем, никто особо и не пытался. О принце, принесенном в жертву, говорили редко, да и то шепотом. Многие ощущали при этом странную неловкость. Кто-то открыто заявлял, что друиды совершили ошибку. По общему согласию решено было, что об этом лучше забыть. Поэтому в здешних краях все предпочитали хранить осторожное молчание. Если же изредка кто-нибудь из путников спрашивал, что случилось с женщиной Конала, то казалось, что никто ничего о ней и не слышал.

Шли годы, никто их не тревожил, и Дейрдре обрела долгожданный покой. Ее положение в семье всеми было признано главным, потому что братья так и не женились, а отец полагался на нее полностью. Люди в округе относились к ней с уважением. А когда в то лето пришла весть о кончине верховного короля, Дейрдре наконец почувствовала себя свободной: прошлое можно было забыть, Морне больше ничто не грозило. Морна – будущее.

Дейрдре не знала, зачем отец созвал их всех. Однако ее братья послушно вернулись с пастбища, Морна пришел с берега реки, и теперь все они вошли в дом и ждали, что он скажет.

Гордо выпрямив спину, старый вождь сидел у огня, закутавшись в плащ. Его запавшие глаза на бледном, худом лице смотрели по-прежнему зорко. Он жестом велел Морне встать справа от него, Дейрдре слева; сыновья стояли прямо перед ним. Что бы Фергус ни намеревался сказать, он не спешил и задумчиво всматривался в сыновей, словно собираясь с силами. Дейрдре тоже смотрела на братьев.

Ронан и Риан. Оба высокие и худые. Ронан чуть выше младшего брата, и волосы у него черные, а у Риана – темно-русые. В лице Ронана отчасти повторились горделивые черты отца,

но не было ничего от его могучей силы, и еще ее брат частенько сутулился, что придавало ему слегка испуганный вид. Риан был само благодушие.

Как могло получиться, что за все эти годы ни один из них так и не нашел себе жену? По крайней мере один мог бы давно жениться. Но пытались ли они? Нельзя сказать, что они не проявляли интереса к женщинам. Взять хотя бы ту британскую рабыню. Ронан определенно какое-то время спал с ней. Дейрдре подозревала, что они оба с ней спали. У нее даже ребенок родился, только он скоро умер. А потом девушка стала чахнуть, и в конце концов Дейрдре продала ее. Она предлагала купить кого-нибудь еще, но дела пошли хуже, и они так никого и не купили. Дейрдре слышала, что братья находили женщин, когда отправлялись на дальние пастбища со скотом или на праздниках. Но жену никто из них в дом так и не привел.

– Слишком много хлопот, – объясняли они ей. А то и вовсе заявляли с довольным видом: – Все равно никто не сможет управлять домом лучше тебя.

И Дейрдре думала, что в некотором смысле ей следует быть благодарной за то, что у нее нет соперниц в ее маленьких владениях.

Так шли годы, братья казались вполне счастливыми, занимая все свое время тем, что охотились и ухаживали за скотиной, и, надо отметить, делали это хорошо, ведь стадо Фергуса все прибывало.

Был ли ее отец огорчен тем, что сыновья не подарили ему внуков? Наверное, но он никогда не упоминал об этом, и в конце концов она поняла, что, если за все эти годы он так и не заставил их жениться, значит просто махнул на них рукой.

Наконец Фергус заговорил:

– Мой конец близок. Мне осталось совсем немного. Пришло время назначить нового вождя Уи Фергуса.

Уи Фергуса – род Фергуса. На острове традиционно выбирали вождя внутри семьи – обычно из числа наследников мужского пола, вплоть до троюродных братьев, происходивших от одного прапрадеда. В случае небольшого клана, который правил Дуб-Линном, кроме братьев Дейрдре, других живых наследников мужского пола ни у отца Фергуса, ни даже у его деда, от которого им достался древний кубок-череп, не было. Поэтому после братьев Дейрдре, если только они не произведут на свет сыновей, клан мог столкнуться с большими трудностями. Впрочем, правило это иногда нарушалось. Вопрос выживания рода был превыше всего.

– Хотя я и стар, – продолжил Фергус, – но за все эти годы так и не назначил таниста.

Танист был признанный всеми наследник вождя. Его имя называлось еще во время правления вождя и даже иногда сразу после его избрания.

– Ронан и Риан, если предположить, что один из вас займет мое место, других преемников, кроме сына Дейрдре, после вас нет.

– Да, это должен быть Морна, – согласились братья. – Морна станет вождем после нас.

– Будет ли он хорошим вождем? – спросил Фергус.

– Самым лучшим! Нет сомнений, – в один голос ответили оба.

– Тогда вот мое предложение. – Фергус спокойно посмотрел на сыновей. – Пусть Морна станет вождем вместо вас. – Он немного помолчал. – Подумайте об этом. Если вы сами его выберете, никто не посмеет оспаривать его право. Вы оба любите его как сына, и он отвечает вам сыновьей любовью. Встаньте за спиной Морны, и клан Фергуса не потеряет своей силы. – Он снова помолчал, всматриваясь то в одного, то в другого сына. – Это мое предсмертное желание.

Дейрдре наблюдала за всеми. Ей и в голову не приходило, что отец собирается предложить такое. Она считала, что Морна станет наследником ее братьев, но в свое время, пусть даже он и не был прямым продолжателем мужской линии. Однако она понимала, почему отец так решил, и соглашалась с ним. Ни один из ее братьев просто не годился на роль вождя, и они сами, возможно неосознанно, чувствовали это. Но принуждать их по доброй воле отдать свои

права на власть сыну сестры, да еще такому юному? Трудное решение. Последовало долгое молчание. Дейдрре находилась в полном смятении. Хотела ли она этого так скоро? Не пробудит ли такой поворот дурные чувства по отношению к ее сыну, не навлечет ли на него опасность? Пока она раздумывала, не попросить ли отца изменить свою волю, заговорил ее брат Ронан.

– Он слишком молод, – решительно произнес он. – Но будь я вождем, я бы сразу назвал его своим танистом. С этим никто бы спорить не стал.

Дейдрре во все глаза смотрела на брата. Он был очень бледен. Риан явно чувствовал себя неловко. Морна взглянул на мать, в его глазах она прочла неуверенность и беспокойство.

– Я бы предпочел подождать, – с уважением обратился он к деду. – А предложение Ронана для меня настоящее счастье.

Однако старый вождь, хотя и улыбнулся внуку, отрицательно качнул головой:

– Нет, так будет лучше. Я уже все как следует обдумал и окончательно все решил.

– Ты все решил?! – с горечью воскликнул Ронан. – А какое это имеет значение? Разве не мы должны решать, когда тебя не станет?

Дейдрре никогда не слышала, чтобы ее брат так непочтительно говорил с отцом, но Фергус воспринял это спокойно.

– Ты гневаешься, – тихо произнес он.

– Ронан, пусть это будет Морна, – наконец высказался Риан, и в его голосе слышалась легкая мольба. – Подумай, разве мы с тобой годимся в вожди?

И тут Дейдрре вдруг пришло в голову, что Риан предпочел бы на месте вождя Морну, лишь бы не оказаться под властью брата. Внимательно посмотрев на них обоих, она только теперь поняла, как ловко ее отец все придумал. Потому что Ронан не только стал бы плохим вождем, но и люди в Дуб-Линне, узнав, что старый Фергус назначил на свое место Морну, не стали бы почитать ее брата как вождя.

После долгого молчания Ронан, должно быть, и сам это понял.

– Ладно, пусть вождем станет мальчишка, раз на то твоя воля, – сказал он со вздохом и улыбнулся племяннику. – Ты будешь хорошим вождем, Морна. С этим я не спорю. Но под небольшим руководством, – добавил он, чтобы не ударить в грязь лицом.

– Именно это я и надеялся услышать, – кивнул Фергус. – Ты проявил мудрость, Ронан, я того и ждал.

После этого старый вождь медленно встал, опираясь на руку Морны. С тех пор как он перестал ходить без посторонней помощи, Дейдрре уже почти месяц могла лишь догадываться, каких усилий ему это стоило, поэтому первым порывом ее было броситься к отцу, но она вовремя поняла, что не этого ему сейчас хочется. Закутанный в плащ, Фергус стоял неподвижно, как статуя, и его худоба лишь добавляла ему достоинства.

– Принеси кубок, – тихо велел он дочери.

Когда Дейдрре протянула ему кубок, Фергус положил на него руку и кивком приказал Морне и своим сыновьям сделать то же самое.

– Клянитесь! – велел он. – Клянитесь, что вождем станет Морна!

И они поклялись. А потом все трое обняли друг друга и порадовались тому, какое хорошее дело только что сделали. После этого Фергус должен был отдохнуть. А Дейдрре, не зная, радоваться ей или нет, думала только об одном. Да, Ронан достойно уступил дорогу Морне, вот только сдержит ли он свое слово?

На следующий день к рату подъехала колесница. Ее несла пара превосходных лошадей, да и сама колесница поражала роскошью. Морна и его дяди были на дальнем пастбище. Фергус, чувствуя слабость после событий предыдущего дня, отдыхал в доме. А вот Дейдрре – она как раз сидела во дворе и чинила рубашку – с любопытством наблюдала за ее приближением. Знат-

ные люди редко проезжали этой дорогой. Позади возничего стоял молодой человек в дорогом зеленом плаще. Свысока взглянув на Дейрдре, он спросил, не здесь ли дом Фергуса.

– Да, но Фергус нездоров. Зачем он тебе?

– Думаю, тебя это не касается. – Молодой воин явно принял ее за служанку. – Мне нужен Морна сын Конала.

– Морна?

Она сразу почуяла недоброе, а пока думала, что ответить, из дома донесся тихий голос отца:

– Кто это, Дейрдре?

– Просто путник, отец, – откликнулась она. – Проезжает мимо.

– Пригласи его в дом, – чуть слышно потребовал вождь и тут же закашлялся.

Слышно было, как Фергус тяжело дышит, и это помогло Дейрдре решительно ответить молодому человеку:

– Я Дейрдре дочь Фергуса. Как ты сам слышишь, мой отец очень болен. Вообще-то, – она понизила голос, – едва ли ему осталось долго жить. Так что можешь передать свое послание мне.

Воин слегка растерялся, но спорить не стал:

– Послание от верховного короля, я лишь доставляю его. Скоро в Таре состоится коронация, и король приглашает твоего сына Морну поучаствовать.

– В Таре? – Дейрдре с испугом посмотрела на молодого вельможу. – Но почему туда должен ехать Морна, а не Фергус?

Тут уж удивился посланец:

– Странно было бы, если бы он не приехал, ведь он двоюродный брат верховного короля.

Коронация верховного короля, на которой тот должен был спариться с белой кобылицей, могла состояться не раньше Самайна. Значит, время еще есть, сказала себе Дейрдре. Но с чего вдруг новый король проявил столь внезапный интерес к Морне? Был ли это жест доброй воли по отношению к родственнику, которого не замечал прежний король? Или за этим крылся некий умысел? Знать этого Дейрдре не могла. Но нужно было принимать решение.

И она почти удивилась, услышав собственный спокойный голос.

– Какие прекрасные вести, – сказала она и добавила, одарив воина улыбкой: – Мой сын будет польщен. Мы все польщены. Вот только, к сожалению, есть одно препятствие.

– Какое же?

– Его здесь нет. Он в отъезде. – Дейрдре махнула рукой в сторону устья реки. – За море отправился. Но обещал вернуться до зимы. – Она вздохнула. – Если бы я знала, где он, то могла бы послать за ним. Он будет просто в отчаянии, если пропустит такое великое событие.

– Но ты думаешь, он все-таки вернется вовремя?

– Он знает: его деду недолго осталось жить. И мы надеемся, что он вернется до того, как его дед нас покинет. Но все в руках богов.

Дейрдре предложила гонцу питья и еды, но дала понять, что лучше бы ему не заходить в ту комнату, где лежал ее отец.

Посланец задержался ненадолго. И увез с собой уверения в преданности старого вождя и твердое убеждение, что юный Морна непременно поспешит на праздник, если вернется на остров к сроку. Потом Дейрдре говорила себе, что притворялась она отлично. Только одно мешало ей радоваться.

Она только что солгала верховному королю.

Почему она это сделала? Дейрдре и сама толком не знала. Но Морна не должен был туда ехать. В этом она не сомневалась. Даже в те недолгие часы, что посланец короля пробыл в их доме, ее не покидало отчаяние. А когда он наконец уехал, ей показалось, что вместе с ним ушло нечто темное и опасное. В ту ночь ей приснился кошмарный сон: они с Морной подъезжали к

Таре, а с земли снова черной тучей поднимались скворцы. Она проснулась в холодном поту. Нет, он не должен туда ехать.

На следующий день ее сын и братья вернулись. Дейрдре строго-настрого приказала рабам ничего не говорить о приезде гонца. Хотя никто из слуг и так не слышал, о чем они говорили. И никто – ни Морна, ни ее братья, ни сам вождь – не догадывались о том, что сделала Дейрдре.

Однако опасения все равно оставались. Если новый верховный король когда-нибудь узнает о ее лжи, то воспримет это как оскорбление. Но ведь это была только ее ложь. Король мог сделать с ней все, что ему вздумается. За себя Дейрдре не боялась. И все же крошечный червячок сомнения нет-нет да и беспокоил ее. Что, если она ошиблась и король хотел лишь проявить любезность или дружелюбие, а значит, и не было никакой опасности для Морны в этом приглашении. Что, если она боялась не столько за безопасность сына, сколько за то, что, обласканный милостью короля, Морна не захочет вернуться к ней в Дуб-Линн? Значит, она больше думала о себе, чем о сыне, когда повела себя так глупо? Нет, это не так. И она гнала от себя досадные мысли.

Три дня спустя Фергус начал угасать.

Это было тяжело. Она с горечью смотрела, как жизнь медленно покидает отца, как переживает Морна. Братья были подавлены. Риан несколько раз едва не разрыдался, а Ронан, даже если и чувствовал гнев за то, что его обошли, теперь как будто забыл о своей обиде. Дейрдре старательно ухаживала за отцом, стремясь сделать все для того, чтобы его уход был как можно более легким и достойным. Но существовала еще одна причина ее усердия, как ни печально было ей признавать это.

Если бы только ей удалось продлить Фергусу жизнь до Самайна. Коли уж пришла пора ему умирать, пусть бы это случилось после великого праздника. Тогда верховный король, даже если бы узнал о том, что Морна в Дуб-Линне, вряд ли прогневался бы, ведь молодой человек остался у постели умирающего деда. Живи, молила отца Дейрдре. Поживи для меня еще месяц.

– Пусть он еще поживет, – мысленно обращалась она к богам своего народа, – хотя бы до Самайна!

Но когда отец все же покинул их в самом начале октября, отчаяние и тревога еще больше обострили ее горе.

Вождю устроили пышные проводы. Никто не мог бы ни в чем упрекнуть родных Фергуса. Три дня гости пили и ели, вели разговоры и распевали песни. Пили так, как могут только друзья умершего. Главы семей, крестьяне, пастухи, рыбаки – все старались как следует напиться, чтобы вождь благополучно добрался до Иного Мира.

– Хорошие проводы, Дейрдре, – говорили они.

Его похоронили так, как он, возможно, и не мечтал: стоящим во весь рост, в полном боевом вооружении, с лицом, устремленным на переправу, словно в ожидании невидимых врагов. Место ему досталось красивое – живописный холм рядом с устьем реки. В тот же день Морну объявили новым вождем.

Когда все закончилось, Дуб-Линн вернулся к привычной тишине и осенним работам. Морна и его дяди пригнали скот с летних пастбищ. В лесах дикие свиньи разжирели от обилия желудей. Вдоль дороги, шедшей к горам, иногда раздавался рев оленей, у которых начался гон. А в их поместье все было тихо. Иногда за целое утро только и слышно было что негромкий плеск воды в темной заводии да шорох падающих листьев. Погода стояла замечательная, и все же дни становились короче, а в воздухе уже разливалась осенняя прохлада.

А вместе с ней росла и тревога в сердце Дейрдре. До Самайна оставалось совсем немного времени. Пока речная переправа была безлюдна, но уже скоро на ней начнут появляться путники, спешащие на юг, к Таре. И вдруг Дейрдре с ужасом поняла то, о чем раньше даже не помышляла. Ведь путники будут пересекать Плетеную переправу, и Морна как вождь навер-

няка окажет им гостеприимство и пригласит в дом. Такого красивого молодого вождя нельзя не запомнить. И кто-нибудь, добравшись до Тары, может упомянуть о преемнике старого Фергуса в Дуб-Линне. Эта весть наверняка рано или поздно дойдет до ушей короля, и если Дейрдре что-нибудь не придумает, ее ложь вскоре раскроется.

Но что можно сделать? Ничего не приходило в голову. Отослать его куда-нибудь? Но под каким предлогом? Здравый смысл говорил ей, что есть лишь один выход: она должна немедленно рассказать сыну о приглашении верховного короля, и пусть он сам решает. Осень угнетала ее. Вид осенних лесов, запахи, прохлады в воздухе – все как будто нарочно увлекало ее назад, в прошлое, в те дни, когда она так неохотно отправилась в ту страшную поездку с Коналом, в Тару. Дейрдре чувствовала себя ужасно одинокой. Очень не хватало отца, его мудрых советов, хотя она и догадывалась, что посоветовал бы ей старый вождь. Рассказать все Морне.

Так почему же она этого не делала? Просто не могла. Но как поступить – не знала. И чем ближе становился Самайн, тем больше ее терзали сомнения. Каждую ночь она давала себе обещание на следующий день все открыть сыну. Но, просыпаясь утром, решала отложить разговор до вечера в надежде, вдруг что-нибудь произойдет за день и все образуется само собой. Конечно же, к вечеру ничего не происходило, и она снова убеждала себя, что утром непременно поговорит с сыном.

Первым их заметил один из рабов. К тому времени, когда Дейрдре добежала до дома, группа всадников уже миновала середину переправы. Их было четверо. Тот, что ехал вторым, держал что-то вроде копья или трезубца и взмахивал им над головой первого всадника, отчего тот выглядел странно, словно у него росли рога, как у оленя. Дейрдре не сразу рассмотрела их лица, а когда они подъехали чуть ближе, вдруг с ужасом поняла, кто скачет первым, и ей показалось, что она видит наяву тот страшный сон.

Это был Ларине.

Наверняка он явился от верховного короля.

Ларине медленно повернул на тропу, ведущую к рату. Он не слишком изменился, вот только волосы поседели, но были так же тщательно выбриты на макушке. Выглядел Ларине превосходно, лицо было спокойным и задумчивым. Дейрдре с упавшим сердцем ждала его приближения. И когда он почти подъехал к дому, случилось что-то очень и очень странное. Британские рабы, а их собралось уже с полдюжины, внезапно бросились вперед и упали перед ним на колени. А он, проезжая мимо них, повернулся и провел рукой над их головами. Через мгновение он спешился и встал перед Дейрдре.

– Что тебе нужно, Ларине? – спросила она, стараясь не показывать страха.

– Только ты и твой сын, – негромко ответил он.

Значит, правда. Он приехал, чтобы отвезти их в Тару. Одно только удивило Дейрдре: счастливые улыбки на лицах рабов.

– Что с моими рабами? – резко спросила она. – Почему они встали перед тобой на колени?

– Потому что они британцы, Дейрдре. Они христиане.

– И с чего бы им падать на колени перед друидом?

– Ах, да... – Ларине улыбнулся. – Ты ведь не знаешь. Видишь ли, Дейрдре, я тоже христианин. – Он немного помолчал. – Вообще-то, я даже епископ.

Дейрдре в растерянности уставилась на него:

– Разве тебя прислал не верховный король?

Он посмотрел на нее с легким удивлением:

– Верховный король? Конечно нет. Я уже много лет не видел короля. – Ларине осторожно взял Дейрдре за руку. – Нужно объяснить все как следует. Может, поговорим в доме? – И жестом велел сопровождавшим его людям ждать снаружи, первым шагнул за порог.

Все еще ничего не понимая, Дейдрре вошла следом за ним. Длинная палка, которую она издали приняла за трезубец, оказалась крестом. Молодой человек, который с гордостью держал его в руках, вместе с двумя слугами остался во дворе. Неужели друид Ларине теперь христианин? Разве такое возможно? Что она вообще знает о христианах? Дейдрре попыталась вспомнить.

Христианами были римляне. Это знали все. Но, как и многие на западном острове, она считала, что с падением Рима о христианстве уже много лет никто и не вспоминал на их отдаленной от материка родине. А теперь оказалось, что это совсем не так.

Обычно все новости узнавал ее отец. Изредка в Дуб-Линн заходили торговые корабли, и купцы рассказывали вождю, что христианские церкви в Галлии и даже в Британии вовсе не собираются сдаваться, а, напротив, считают постоянные нападки испытанием для своей веры и всегда дают отпор. Еще Дейдрре знала, что христиане живут где-то в южной части острова. Бывало, отец, возвращаясь из поездок, рассказывал ей:

– Ты не поверишь, в Ленстере появилась еще одна община христиан! Их там всего несколько человек, но король Ленстера позволил им остаться. Это точно известно.

Но если поначалу христианские священники приходили лишь для того, чтобы помогать рабам, то с годами Фергус начал привозить и другие вести. О том, как какой-то вождь, а может, его жена обратились в новую веру. Однажды он узнал такое, что долго не мог прийти в себя.

– Эти христиане собираются устроить место поклонения рядом со святилищем друидов! Представляешь?!

К удивлению Дейдрре, Фергус воспринимал такие известия довольно мирно, хотя ей всегда казалось, что он должен быть страстным противником этих заморских притязаний. «Не слишком умно» – так он выразился об открытом оскорблении друидов, и это было самое сильное ругательство. Когда Дейдрре принялась допытываться, как король Ленстера допустил такое, Фергус задумчиво посмотрел на дочь и заметил:

– Да король, наверное, только рад, Дейдрре. Это хороший способ держать друидов в узде и ослабить их растущее влияние. Теперь он может пугать их христианскими священниками.

Дейдрре тогда поразил его цинизм.

Но даже ее старый отец наверняка изумился бы, увидев сейчас друида Ларине в образе христианского епископа. Они сели к столу. Ларине смотрел на нее дружелюбно и вместе с тем внимательно, принес свои соболезнования, отметил, что Дейдрре хорошо выглядит, а потом спокойно произнес:

– Ты меня боишься, Дейдрре.

– Ты приезжал, чтобы отнять у меня Конала, – напомнила она ему с тихой горечью.

– Он сам того пожелал.

Дейдрре горящими глазами смотрела на него. Да, перед ней сидел седовласый епископ, но она видела только того скромного друида, который называл себя другом Конала и убедил его бросить ее ради того, чтобы отдать свою жизнь жестоким богам. Осень всегда напоминала ей о том ужасном времени, но теперь, когда приехал Ларине, она как будто снова проживала страшный день жертвоприношения, видела обмазанное красной краской обнаженное тело Конала и его безжалостную свиту с дубинами, удавками и ножами, и воспоминания эти были такими яркими, что она содрогнулась.

– Это вы, друиды, убили его! – закричала она в гневе. – Пусть боги проклянут вас всех!

Ларине сидел неподвижно. Казалось, оскорбления ничуть не затронули его. Он лишь печально смотрел на нее и молчал.

– Это правда, Дейдрре, – наконец сказал он со вздохом. – Я помогал совершить жертвоприношение. Прости меня, если сможешь. – Он помолчал под ее гневным взглядом, потом продолжил: – Я никогда не забывал об этом. Я любил его, Дейдрре. Помни это. Я любил Конала и уважал его. Скажи мне, – тихо спросил он, – тебе снится тот день?

– Да.

– Мне тоже, Дейрдре. Уже много лет. – Он опустил глаза. – Знаешь, ведь друиды очень давно не совершали человеческих жертвоприношений. – Ларине снова посмотрел на нее. – А как ты вообще относишься к тому, что друиды приносят жертвы богам?

– Они всегда это делали, – пожалала Дейрдре плечами. – Только с животными.

– И с людьми тоже, в прошлом. – Ларине опять вздохнул. – Признаюсь тебе, Дейрдре, после смерти Конала я стал терять веру в силу жертвоприношений. Мне больше не хотелось этого делать.

– Ты не веришь в жертвоприношения?

– То, что произошло с Коналом, так ужасно, Дейрдре. Ужасно. Меня разрывает от горя и стыда каждый раз, когда я думаю об этом. Но тогда мы все считали, что поступаем правильно. Я так думал, Дейрдре, и, уверяю тебя, Конал тоже. – Ларине печально покачал головой. – Да, только так можно было умиловить старых богов. Всегда одни и те же страшные обряды с умерщвлением людей или животных, всегда кровь, чтобы задобрить богов, которые, по правде говоря, ничуть не лучше людей, что приносят им жертвы. – Дейрдре видела, что эта мысль по-настоящему угнетает его. Горестно встряхнув головой, Ларине продолжил: – Но поверь мне, Дейрдре, только здесь такое происходит до сих пор. В Британии, в Галлии и в Риме все давно обратились к истинному Богу. А наших старых богов презирают. И правильно делают. – Он бросил на Дейрдре горящий взгляд. – Ты сама подумай, мыслимо ли, чтобы солнце, небо, земля и звезды были созданы кем-то вроде Дагды с его котлом или другими богами, которые нередко ведут себя не как боги, а как глупые жестокие дети? Мог ли этот мир быть сотворен кем-то, кроме высшего существа, чье величие и могущество превосходит наше понимание?

Ждал ли он от нее ответа? Она не знала. Да и не смогла бы ничего сказать – настолько поразила ее речь Ларине.

– Когда я был друидом, – снова заговорил он, уже спокойнее, – то много раз чувствовал нечто такое. Я чувствовал присутствие вечного Бога, когда читал утренние и вечерние молитвы, и в великой тишине, когда оставался один, вот только я не понимал, что именно чувствую. – Ларине улыбнулся. – Но теперь понимаю. Все это исходит от одного, истинного Бога, которого познал весь христианский мир. И главное чудо в том, что больше не нужны никакие жертвы. Ты, наверное, знаешь, почему мы называемся христианами. – И Ларине вкратце рассказал Дейрдре о жизни Иисуса Христа. – Бог отдал своего единственного сына, чтобы Его принесли в жертву на кресте. – Ларине улыбнулся. – Только подумай, Дейрдре: больше не понадобятся никакие кровавые жертвоприношения, не нужно убивать людей или животных. Самая главная и последняя жертва уже принесена. Мы все свободны. – Он замолчал и выжидательно посмотрел на Дейрдре.

– Значит, вот что ты теперь проповедуешь? – через какое-то время произнесла она.

– Да. И это несет утешение. Потому что истинный Бог не жаден и не мстителен, Дейрдре. Это любящий Бог. Он хочет лишь того, чтобы все мы любили друг друга и жили в мире. Это самая прекрасная вера, и другой мне не надо. И я совершенно уверен, – добавил он, – что в ней истина.

– Ты единственный друид, ставший христианином?

– Вовсе нет. Конечно, многие служители древней веры яростно воспротивились новому учению, и это понятно. Однако некоторые из нас, наиболее образованные, давно уже заинтересовались им. Ведь всем образованием в римском мире ведал Христианская церковь.

Дейрдре нахмурилась, все еще не понимая, как ко всему этому относиться.

– Но тебе пришлось отказаться от всего, во что ты верил раньше?

– Не совсем. Просто для нас новая вера действительно стала тем, что мы искали всю жизнь. Но восприятие мира у меня осталось прежним, хотя я и христианский священник. А мир наш полон поэзии. Помнишь слова великой поэмы Амергина? «Я – ветер на море...»

Один из наших епископов сочинил гимн Творцу всего сущего – единому Богу, и там есть очень похожие строки. Вот послушай:

Восстану днесь
в силе небес:
свете луны,
величии огня,
быстроте молнии,
стремительности ветра,
глубине моря,
постоянстве земли,
твердости камня.

– Источник вдохновения один и тот же, но теперь мы узнали, откуда он. – Ларине с улыбкой показал на свою обритую голову. – Видишь? Я стал христианским священником, но оставил тонзуру друида.

– Ну да, конечно... – Дейдрре снова нахмурилась. – А кто тебя обратил?

– А... Хороший вопрос. Епископ Патрик. Это великий человек. Кстати, он и написал этот гимн.

Дейдрре продолжала слушать Ларине, но мозг ее лихорадочно работал. Возможно, для того, чтобы полностью осознать удивительное преобразование бывшего друида и его еще более неожиданную проповедь, ей понадобится немного больше времени, но кое-что стало ясно уже теперь. Наверняка он говорил искренне, и, несмотря на связанные с ним горькие воспоминания, ее тронули его очевидно добрые намерения. А вот сама проповедь убедила меньше. Что, если новое учение привлекло ее лишь потому, что она не слишком любила друидов с их жертвоприношениями и жестокими богами? Может быть. Но она уже думала о другом.

– Ты сказал, что приехал повидать меня и моего сына. Ты хочешь обратить нас в новую веру?

– Конечно. – Ларине улыбнулся. – Я обрел свет, Дейдрре, и он принес моей душе радость и покой. Естественно, я хочу поделиться своей радостью с другими. – Он помолчал. – Но это не все. После того что случилось, я в долгу перед Коналом. Я просто обязан донести слово Божие до тебя и твоего сына.

Дейдрре задумчиво кивнула. Что ж, рассудила она, возможно, это выход. Епископ, такой убедительный, к тому же старый друг его отца, мог оказаться как раз тем человеком, кто помог бы ей выпутаться из того сложного положения, в котором она оказалась, утаив от Морны правду. По крайней мере, решила она, попробовать стоило. И вот, в упор посмотрев на Ларине, она сообщила:

– Ты должен кое-что знать, Ларине. Морне никогда не рассказывали о том, как именно умер его отец. Это было выше моих сил. Мы все решили, что так будет лучше. Поэтому он ничего не знает.

– Да, понимаю... – Ларине казался озадаченным. – Ты хочешь сказать, что и я не должен ему ничего рассказывать?

– Нет, – покачала головой Дейдрре. – Нет, Ларине. Думаю, пришло время ему все узнать. И я хочу, чтобы именно ты ему рассказал. Сделаешь это?

– Если ты хочешь.

– Расскажи ему, что произошло на самом деле. Расскажи, как верховный король и друиды убили его отца. Расскажи ему об этом злодействе, – страстно продолжала она. – Расскажи и о своем новом Боге, если хочешь. Но самое главное: убеди его, что он должен избегать короля и его друидов. Сделаешь это для меня?

На мгновение Ларине смешался. Или ей это лишь показалось? Но почему? Разве он сам не хотел того же? Как было бы хорошо, если бы Ларине сумел по-настоящему увлечь Морну своими проповедями, ведь тогда ее сын не захотел бы иметь ничего общего с дикими ритуалами друидов. И если бы она наконец решилась рассказать ему о приглашении верховного короля, то сын, возможно, и сам отказался бы ехать на языческий праздник. А там, глядишь, верховный король и вовсе забыл бы о нем.

– Я сделаю все, что смогу, – осторожно ответил Ларине.

– Вот и хорошо, – улыбнулась она.

И пока она думала, не рассказать ли ему о королевском приглашении и не попросить ли совета, их разговор внезапно прервало появление самого Морны.

– Это кто у нас в гостях? – весело спросил он, ступив на порог.

Увидев его, Ларине едва не вскрикнул.

Как странно, думал Ларине, шагая следом за молодым человеком вниз по склону к воде. Он приехал в Дуб-Линн, отчасти надеясь, что болезненные воспоминания утихнут, но вместо этого прошлое с пугающей яркостью неожиданно ожило перед его глазами.

Потому что рядом с ним шел сам Конал. Морна был вылитый отец – те же темные волосы, тот же орлиный профиль, вот только глаза ему достались от матери – того же необыкновенного зеленого цвета. У Ларине появилось такое чувство, что его друг как будто восстал из мертвых. Даже голос у юноши был отцовский. А когда он улыбнулся, Ларине пронзила мучительная боль, словно кто-то вонзил в его сердце нож друидов.

Перевести разговор на нужную тему труда не составило. Как только Морна узнал, что Ларине был другом его отца, то сразу же захотел услышать все, что бывший друид сможет ему рассказать. Как зачарованный слушал юноша о любви принца к поэзии, о его духовных исканиях.

– А я думал, он был только воином, – произнес Морна.

– Он и был воином, – заверил его Ларине, – прекрасным воином. Но не только.

И он рассказал о заветной мечте Конала стать друидом, а после и о том, что случилось дальше. Морна был потрясен.

– И ты в этом участвовал?

– Я был друидом. И его другом. Это было его желание, Морна. Он принес себя в жертву ради живущих на острове людей. Самый благородный поступок, который только может совершить человек. Твой отец умер геройской смертью, и ты можешь гордиться им. А теперь, – продолжил он, видя, как взволнован юноша, – позволь рассказать тебе о другом человеке, который также принес себя в жертву. – С большим чувством он принялся рассказывать сыну своего друга о главных постулатах христианской веры и закончил такими словами: – Старые боги уступили место высшему Творцу. Ты только задумайся, Морна. Это не жертва ради спасения урожая. Спаситель отдал свою жизнь ради всех людей на земле, и не на время – на целую вечность.

Если Ларине и преподнес свою веру этому восторженному юноше, столь очевидно мечтавшему превзойти героического отца, несколько иначе, чем его матери, то старался он не напрасно. Цель была достигнута, он видел это.

– Ты думаешь, мой отец стал бы христианином, если бы остался жив? – спросил Морна.

– Не сомневаюсь, – ответил Ларине. – Мы приняли бы новую веру вместе. Как бы мне хотелось, – вздохнул он, – чтобы он был сейчас здесь и присоединился ко мне. Мы бы пошли этой дорогой вдвоем, – это он произнес с искренним чувством.

– Я могу занять его место! – пылко откликнулся Морна.

– Ты так на него похож... – сказал Ларине. – Да, это доставило бы мне огромную радость. – Он задумчиво кивнул. – Можно даже сказать, что круг замкнулся.

Они повернули к дому, покинув берег реки, где все это время стояли. Юноша не мог сдерживать волнения. Ларине искоса поглядывал на него. Чувствовал ли бывший друид, пусть на мгновение, укол вины за то, что делал? Он снова подумал о своем замысле. Не использует ли он сына Конала в своих собственных целях? Нет, сказал он себе. Он ведет семью Конала к свету. И если этот путь сопряжен с его главной миссией, что ж, тем лучше. Потому что нет ничего важнее этой миссии, и исполнить ее – его священный долг. А долг он ценил превыше всего.

Когда они зашли в дом, Дейрдре со слугами как раз накрывали на стол. Ронан и Риан тоже вернулись и теперь оживленно беседовали с молодым священником, который сопровождал Ларине. Это был достойный человек из Ульстера, несколько лет назад Ларине обратил его в христианство. Увидев епископа, братья смутились и с почтением приветствовали его. Как-никак бывший друид, а значит, сердить не стоит. Они поговорили какое-то время. Ларине рассказывал о самых обычных вещах: об Ульстере и о том, какой там выдался урожай, а потом, слово за слово, довольно плавно перешел к главной теме. Братья вежливо слушали, когда он вкратце излагал им суть учения Христа. Понять, что у них на уме, Ларине так и не смог, но ему показалось, что они, скорее всего, во многом следуют за Морной и Дейрдре. Вскоре их позвали ужинать.

Когда все уселись за большим столом, Ларине благословил пищу, а потом торжественно объявил:

– Друзья мои, я счастлив быть сегодня здесь вместе с вами и наслаждаться радушием этого дома. Но должен сказать вам, что завтра у вас будет гораздо более важный гость, чем я. Я всего лишь прокладываю путь для него, тогда как он придет проповедовать и крестить. – Ларине сделал выразительную паузу. – Я говорю о самом епископе Патрике.

Этот прием Ларине с успехом использовал и раньше. Он приходил в те места, где знали его как бывшего друида, но ничего не знали о епископе Патрике, чтобы объяснить людям все величие этого человека и подготовить их к его появлению. Так и здесь – он вкратце рассказал о проповеднике. Особо подчеркнул его происхождение, потому что на западном острове с его древними традициями родословная ценилась очень высоко, и его слушатели должны были знать, что Патрик родом из знатной семьи. Одно только это уже вызвало бы уважение к нему. Потом Ларине сообщил, как епископ попал в плен, как провел несколько лет на острове в рабстве и о его добровольном возвращении. Не забыл назвать имена нескольких принцев с севера, взявших Патрика под свое покровительство и также принявших христианство. Это тоже должно было произвести впечатление. Ну и завершил рассказ описанием некоторых черт характера этого великого человека.

– Он князь Церкви, для его последователей слово Патрика – закон, – пояснил Ларине. – Но, несмотря на это, он необычайно прост, как и все, кто достиг высот духовности. Он аскет. Он уважает всех женщин, однако хранит обет безбрачия. Он скромн. И он ничего не боится. Иногда ему угрожали за его проповеди, но напугать ни разу не смогли.

– Вот только нрав у него крутой, – добавил с некоторым удовольствием молодой священник.

– Он редко проявляется, – мягко поправил его Ларине. – Но это верно, взбучку он может задать хорошую. А теперь, – Ларине с улыбкой повернулся к Дейрдре, – давайте начнем пировать.

Ужин удался на славу, Дейрдре было чем гордиться. На столе стояло несколько мясных блюд, включая традиционную свинину для почетного гостя, зелень, печеные яблоки, сыр и, конечно, эль – лучший на всем острове. Когда Ларине сердечно поблагодарил ее за отменное угощение, а все остальные хором его поддержали, Дейрдре знала, что похвала вполне заслуженная.

Может, и казалось странным, что с ними за одним столом сидит христианский священник, а за его спиной в свете очага поблескивают бледные очертания черепа Эрка Воина, но, похоже, никто об этом не думал. Ларине запросто беседовал с мужчинами об обычных повседневных делах. Рассказал о событиях в Ульстере, с удовольствием выслушал несколько историй о старом Фергусе. Разговор лился легко и свободно. О религии он заговорил, только когда они закончили основную трапезу. Повернувшись к Дейдрре, он сказал:

– Возможно, сменится не одно поколение, но как только эта вера получит прочную основу, она неизбежно восторжествует на острове, как и в любых других краях, куда она приходит. Потому что она истинна. Да, пока еще общины в Манстере и Ленстере маленькие и разобщенные, но они начинают расти, и у них есть покровители. А теперь епископ Патрик делает большие успехи в Ульстере, в особенности в отношении принцев. – Ларине улыбнулся. – Ведь если уверуют принцы, люди пойдут за ними.

– А ты не боишься, что друиды вернут людей к старой вере, когда узнают о новой? – спросила Дейдрре.

– Не боюсь. По большому счету, наши языческие боги – всего лишь суеверие. Идолы. Они неизбежно падут перед высшим пониманием.

С последним утверждением Дейдрре бы поспорила. Как ей казалось, друиды и их боги так легко не сдадутся, но она промолчала. Дейдрре очень хотелось рассказать Ларине о приглашении ее сына в Тару и попросить у него совета, но она побоялась, что их услышат, и не стала ничего говорить. Однако вскоре после ужина, наблюдая за беседой епископа и Морны и видя восхищение на лице сына, она подумала, что Ларине не составит особого труда отговорить юношу от участия в языческих обрядах. Это успокоило ее, Дейдрре наконец отвлеклась от своих страхов и просто сидела, наслаждаясь покоем и рассеянно прислушиваясь к разговорам. Мысли ее унеслись далеко. Потом она вдруг заметила, как Ларине что-то сказал Морне и как тот удивился. Дейдрре тут же насторожилась. Что он там говорил?

Сначала она решила, что ослышалась.

– Коронация верховного короля, – повторил Ларине. – Когда ты едешь в Тару? Ты ведь должен принять участие.

– Я? Принять участие? – Морна даже слегка развеселился. – Хранители переправы всегда принимают у себя важных особ, когда те едут в Тару, – пояснил он, – но сам я и не помышлял ехать.

На этот раз растерялся Ларине.

– Но ты ведь не можешь ослушаться своего кровного родственника. Сам верховный король тебя пригласил, – сказал он.

– Верховный король пригласил меня?

Морна с недоумением уставился на Ларине.

Дейдрре похолодела. Ларине почему-то казался расстроенным. Однако никто пока не смотрел на нее. Да и откуда они могли знать? Но как, спрашивала себя Дейдрре, Ларине мог узнать о приглашении молодого вождя из Дуб-Линна в Тару? Ведь совсем недавно Ларине говорил ей, что не видится с верховным королем. Может быть, как и раньше, у него много других источников для получения новостей? А что же делать ей? Признаться во всем? Другого выхода, как видно, нет. И все-таки она решила еще немного повременить. К тому же кое-что ее настораживало.

– На коронации, – тихо напредила она, – церемонию будут проводить друиды.

– Конечно, – согласился Ларине.

– Жертвоприношения тоже будут.

– Да. Принесут в жертву животных.

– И король будет спариваться с белой кобылицей?

– Думаю, да.

– А ты сам примешь участие в таких языческих обрядах? – спросила она Ларине.

– Это было бы неправильно.

– Значит, если Морна станет христианином, он тоже должен будет избегать этих обрядов?

Ларине колебался лишь мгновение:

– Если верховный король сам позвал Морну, отказаться весьма затруднительно, я бы сказал. Я бы не советовал. К тому же... – Он запнулся и вдруг внимательно посмотрел на нее. – Скажи, Дейдрдре, а почему Морна не знает о приглашении верховного короля?

Теперь все повернулись к ней. Она молчала. Морна нахмурился:

– Матушка?

Братья тоже пристально смотрели на нее. Ничего хорошего это не предвещало. Нужно было во всем признаваться. И унижать себя перед всеми. Теперь она это понимала. Братья наверняка осудят ее, а Морна... как бы ни любил ее, тоже отругает. Весь ее безрассудный и обреченный на провал план теперь казался ей глупым и шатким. В отчаянии она повернулась к Ларине и вдруг увидела в его глазах предвкушение торжества. И тогда она все поняла.

– Так вот зачем ты сюда явился! – воскликнула она. – Вот для чего ты приехал! Ты приехал за Морной, потому что думал, что он собирается в Тару!

Она попала в точку. По лицу Ларине промелькнула легкая тень вины. Морна хотел вмешаться, но Дейдрдре его оборвала.

– Ты не понимаешь! – рявкнула она на сына. – Он тебя использует!

Теперь она видела все отчетливо. Пусть Ларине и стал священником, но остался все тем же. Просто он явился к ней под другой личиной, как делал и прежде. Воспоминания нахлынули на нее с новой силой: черная туча птиц, завывающие трубы, тело Конала, разрисованное красками...

– Ты просто еще одна жертва, – с горечью сказала она сыну.

Без сомнения, Ларине был умен. Как он там говорил? Сначала нужно обратить принцев. Таков его замысел. Если не можешь подступиться к принцу, найди подход к его семейному кругу. Наверняка Ларине прослышал, что новый король проявил интерес к юному Морне, вот он и решил привести юношу к своей вере. А потом с его помощью добраться и до самого верховного короля.

– Ну и что ты задумал? – резко спросила она Ларине. – Чтобы Морна на коронации заявил, что он христианин?

Не кто-нибудь, а Морна, точная копия своего отца, который был родственником верховного короля и отдал жизнь ради друидов и их языческих богов, должен объявить во всеуслышание, что он христианин? Да еще в самой Таре, священном месте пребывания королей? К тому же во время коронации. Да, это наделает много шума.

– Или ты предпочел бы, чтобы он скрывал свою веру, до того как подружится с верховным королем?

Пожалуй, это было бы даже лучше для Ларине. Если бы король и его семья полюбили красивого юношу, а это непременно произойдет, ведь как можно его не любить? А потом он объявит, что стал христианином.

Любой из этих ходов был блестящим, любой коварно подрывал устои древнего язычества.

А что станет с Морной? Вряд ли король простит, если на священной земле Тары юноша при всех признается в своих убеждениях, и тогда друиды тут же казнят его. А если он сначала завоюет дружбу короля и только потом откроет свою тайну, то навлечет на себя вечную ненависть жрецов.

– Они тебя уничтожат! – кричала Дейдрдре сыну. – Тебя убьют так же, как они убили твоего отца.

Ларине сокрушенно качал головой.

– Матушка, – возразил юноша, – Ларине наш друг!

– Ты его совсем не знаешь! – гневно ответила Дейрдре.

– Он наш гость!

– Больше не гость. – Дейрдре ударила по столу и встала. – Предатель! – Она ткнула пальцем в Ларине. – Ты можешь изменить облик, но ты никогда не изменишь свою сущность! Ты все тот же. Льстивая хитрая лиса – вот кто ты! Убирайся!

Ларине тоже поднялся. Он был бледен и дрожал от гнева. Священник, сопровождавший его, также вскочил.

– Так не обращаются с гостем в своем доме, Дейрдре, – сказал Ларине. – Особенно с мирным христианином.

– Ты убийца! – крикнула Дейрдре.

– Я епископ Святой Церкви.

– Мошенник.

– Мы не будем спать в этом доме, – с достоинством произнес Ларине.

– Спи со свиньями, – ответила Дейрдре.

Она смотрела, как епископ со своей свитой быстро вышли из дома в черноту ночи. Ее братья после небольшой паузы с недоумением взглянули на Дейрдре и ушли следом, видимо намереваясь устроить гостей на ночлег в одном из строений усадьбы. Она осталась наедине с Морной.

Сын молчал. А Дейрдре судорожно думала, что ему сказать. Она даже готова была извиниться, но побоялась.

– Я права, и ты это знаешь, – не выдержала она.

Морна не ответил.

Дейрдре начала сердито помогать слугам убирать со стола остатки еды. Морна присоединился к ним, но держался от нее поодаль. Оба продолжали молчать. Когда они закончили уборку, вернулся Ронан.

– Они в амбаре, – сообщил он, уже собираясь что-то добавить, но Дейрдре взглядом остановила его.

И тогда Морна наконец заговорил:

– Похоже, матушка, ты кое-что забыла.

– Что же? – Она вдруг почувствовала усталость.

– Не тебе решать, остаться нашим гостям или уйти. Вождь теперь я.

– Это для твоего же блага.

– Я как-нибудь сам решу. Не ты.

Краем глаза Дейрдре заметила, как Ронан усмехнулся.

– К тому же ты обманула меня, – тихо продолжил Морна. – Ведь это правда, что верховный король пригласил меня в Тару, так?

– Я собиралась тебе сказать... – Дейрдре помолчала. – Я боялась. После того как твой отец... – Она не знала, как объяснить ему все. – Ты не понимаешь всей опасности, – только и сказала она.

– Я должен поехать в Тару, матушка.

Она грустно кивнула. Да, видно, делать нечего – ехать придется.

– Только не говори, что ты христианин, Морна. Умоляю тебя. Хотя бы этого не делай!

– Я подумаю. – Слова сына повисли на ее шее тяжелым камнем, и она словно вмиг потеряла все свои силы. – А сейчас мне необходимо извиниться перед Ларине. И если он захочет вернуться в дом, ты будешь с ним учтива. Но, возможно, будет лучше, если ты сама переночуешь в амбаре. – С этими словами он вышел.

Ронан с любопытством наблюдал за сестрой. Что ж, подумала она, после стольких лет жизни под ее началом, после того унижения, которое он испытал, не получив места вождя, он может себе позволить немного позлорадствовать. Вскоре вернулся Морна.

Само собой, Ларине с ним не было.

На следующее утро лучше не стало. Христиане оставались снаружи, но заявили, что не уедут, пока не прибудет епископ Патрик. Без сомнения, они уже предвкушали, как проповедник с севера проявит свою знаменитую вспыльчивость. Дейрдре понимала, что ей следует извиниться, но не хотела этого делать при братьях, а те ни на шаг не отходили от гостей. Она велела слугам накормить христиан, и для них приготовили большой котелок каши. Морны тоже не было в доме, но к гостям он не пошел, а дипломатично решил заняться животными. Что было у него на уме, Дейрдре оставалось только гадать.

Утро подходило к концу. Ларине, похоже, постоянно молился. Его спутники разговаривали с братьями Дейрдре. В какой-то момент Ронан зашел в дом и сообщил:

– Знаешь, сестра, что говорят эти христиане? Они нам сказали, что ты будешь вечно гореть в аду.

И снова ушел.

Ближе к полудню один из слуг сообщил о приближении колесницы. Ларине тут же встал с колен, поспешил к воротам и, посмотрев на дорогу, вышел. Потом долго ничего не происходило. Очевидно, оба епископа совещались. Идя к воротам, Дейрдре уже решила, что епископ Патрик, должно быть, просто уедет.

Недалеко от въезда в поместье она увидела колесницу, большую крытую повозку и несколько всадников. Колесница стояла впереди и поражала своим великолепием, достойным самого короля. Из повозки вышли несколько священников – человек пять; всадники, молодые люди в богатых одеждах, украшенных золотом, явно сыновья принцев, – спрыгнули с коней. Все выстроились в процессию. Священники были в белом облачении. Потом Дейрдре увидела, как с колесницы спустился седовласый человек, также одетый в белое. Он был невысокого роста, но казался выше из-за горделивой осанки. Когда он занял свое место позади священников, Ларине встал за его спиной. Тот священник, что стоял чуть впереди остальных и возглавлял шествие, поднял вверх длинный посох. Это был не крест – его нес Ларине, – а обычный с виду посох с изогнутым крюком на конце, вроде тех, что носят пастухи, только отполированный до блеска. Когда священник поднял его высоко в воздух, посох сверкнул на солнце.

Процессия медленно двинулась к воротам. Дейрдре и ее родные молча наблюдали за их приближением. Она заметила, что все рабы выбежали к дороге и пали ниц. Процессия добралась до ворот и начала заходить внутрь. Но, когда дошла очередь епископа с севера, он остановился, опустился на колени и поцеловал землю. Потом, выпрямившись, прошел в ворота. Перед входом в дом шествие замерло. И теперь ей или ее домочадцам ничего не оставалось, как учтиво приветствовать гостей и оказать им обычное радушие. Как только все положенные слова были сказаны, человек из Ульстера тепло улыбнулся Дейрдре и отчетливо произнес:

– Gratias agamus.

Дейрдре поняла, что это латынь, но смысла слов не знала.

– Вознесем благодарность, – громко сказал Ларине.

Значит, подумала Дейрдре, это и есть епископ Патрик.

Да, в его власти нельзя было усомниться. Красивое, благородное лицо, умный, пронзительный взгляд... Но было в его облике еще что-то такое, что сразу привлекало к нему внимание. От него словно исходил дух святости, и Дейрдре не могла этого не почувствовать.

В сопровождении двух священников епископ устроил нечто вроде краткого осмотра. Сначала он подошел к двум рабыням, все еще стоявшим на коленях, глянул на их руки и зубы, кивнул, явно удовлетворенный, и перешел к братьям Дейрдре. На них он взглянул лишь мельком и пошел дальше. Подойдя к Морне, епископ долго и пристально смотрел на юношу, пока

тот не покраснел. Потом он что-то сказал Ларине на латыни. Дейдрре и не подозревала, что теперь друид знает латынь.

– Что он сказал? – резко спросила она.

– Что у твоего сына честное лицо.

А епископ Патрик уже направлялся к ней. Дейдрре догадывалась, что он с самого начала внимательно наблюдал за ней. Епископ почтительно склонил перед ней голову, и она увидела его редкие седые волосы.

Когда Патрик отошел, чтобы посмотреть на двух других рабов, Морна встал рядом с матерью. Она заметила, что епископ произвел на ее сына большое впечатление.

Наконец круг осмотра завершился. Епископ Патрик взглянул на Ларине, кивком головы веля тому оставаться на месте, и вернулся к Дейдрре и Морне:

– Прости, что причиняю тебе хлопоты, Дейдрре дочь Фергуса. – Теперь он говорил на ее родном языке. Его глаза, смотревшие из-под густых седых бровей, как будто видели все насквозь. – Я слышал, ты была хорошей дочерью.

– Так и есть.

Его слова тронули ее, пусть даже этот человек был ее врагом.

– И именно ты, судя по всему, – продолжил епископ Патрик, – поддерживаешь здесь порядок. Это так?

– Так, – с чувством кивнула Дейдрре.

– Поблагодари за это Господа. – Епископ ласково улыбнулся ей. – Ты боишься за своего сына? – (Дейдрре кивнула.) – Как и любая хорошая мать. – Он задумчиво помолчал. – Скажи мне, Дейдрре, кого ты боишься: Господа или друидов?

– Друидов.

– Ты не веришь, что Бог, сотворивший все, может защитить твоего сына?

Дейдрре промолчала, но епископ, похоже, не обиделся.

– Итак, молодой человек... – повернулся он к Морне и пристально посмотрел ему в глаза. – Ты и есть тот самый юноша, из-за которого весь шум. Родственник верховного короля. – Патрик отступил на шаг назад, словно хотел получше рассмотреть молодого вождя. – Ты получил от него приглашение, верно?

– Верно, – учтиво кивнул Морна.

Казалось, епископ погрузился в глубокие размышления. Глаза его полузакрылись, словно он сосредоточенно решал какую-то важную задачу. Дейдрре вдруг подумала, что не удивилась бы, окажись он в прошлом каким-нибудь высокородным друидом. Что же он скажет Морне? Похвалит или упрекнет? Она терялась в догадках.

– А тебе бы хотелось поехать на коронацию в Тару?

– Хотелось бы. – Морна не знал, правильно ли он отвечает, но это была правда.

– Было бы странно, если бы молодой человек, как ты, этого не хотел, – произнес епископ Патрик. – И ты поссорился со своей матерью?

– Ну, я... – Морна хотел объяснить, но епископ уже продолжал:

– Почитай свою мать, юноша. Она – все, что у тебя есть. Если Богу будет угодно направить тебя на тот или иной путь, Он вразумит и ее тоже, и она поверит в твою правоту. – Он немного помолчал. – Ты хочешь служить истинному Богу. Это так?

– Думаю, да.

– Думаешь, да... – Епископ Патрик снова помолчал. – Служение Богу – дело нелегкое, Морна. Те, кто выбирает христианский путь, должны стараться исполнить Божью волю, а не свою. Иногда нам приходится чем-то жертвовать.

Услышав это, Дейдрре вздрогнула, но епископ даже если и заметил, то виду не подал.

– Ты готов приносить жертвы во славу Господа, который отдал своего единственного сына ради спасения всего мира?

– Да, – ответил Морна тихо, но уверенно.

– От тех, кто идет за мной, Морна, я ожидаю беспрекословного послушания. Мои последователи должны доверять мне. Вот эти молодые люди, – он показал на принцев, стоявших поодаль, – повинуются моим приказам, а это порой трудно.

Морна взглянул на молодых аристократов. Безусловно, он почел бы за честь принадлежать к такому кругу. Впрочем, епископ, как видно, и не ждал от него никакого ответа. Он неожиданно повернулся и направился туда, где стоял священник с посохом. Забрав у него посох, Патрик крепко сжал его в руке и звонким голосом провозгласил:

– Этот посох дает мне силы, потому что это посох жизни, посох Иисуса, единственного сына Бога Отца, умершего за наши грехи. Иисуса, который пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы каждый из нас мог жить вечно. И я, Патрик, епископ, смиренный священник, раскаявшийся грешник... – торжественно продолжал он, – я, Патрик, пришел сюда не по собственному желанию, ибо нет их у меня, но по воле Бога Отца, переданной мне через Его Святого Духа, пришел, чтобы принести свидетельство о Его Сыне и хорошие вести о том, что и вы тоже, если верите в Него, можете обрести вечную жизнь в раю и не сгинуть в небытии или в пламени ада. Я не стараюсь ошеломить вас великим учением, потому что учение мое скромно. Я не стану убеждать вас красноречивыми словами, потому что не обладаю красноречием, если его не дарует мне Святой Дух. Но внимательно вслушайтесь в мои жалкие слова, потому что я пришел спасти ваши души.

Удивительно, но позже Дейрдре даже не могла как следует вспомнить, что именно он говорил. Что-то она уже слышала от Ларине, но в устах Патрика все звучало по-другому. Он рассказал им о Христе, о том, как Сын Божий принес себя в жертву. В красках живописал злобных богов острова и объяснил, почему они не настоящие. Их придумали нарочно, сказал он, чтобы развлекать или пугать детей. Как сказки. А истинный Бог, сотворивший целый мир, един и всемогущ.

Правда, одну часть его проповеди Дейрдре запомнила хорошо. Епископ особо подчеркнул, что, как и многие боги древности, Всевышний имеет три ипостаси: Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух, но он един в трех лицах. Удивляться этому не стоит, объяснял Патрик. Ведь вся природа наполнена триадами: корень, стебель и цветок растения; источник, русло и устье реки; даже листья могут состоять из трех частей, как, например, у кислицы или клевера, тем самым подтверждая закон триединства.

– Это, – говорил Патрик, – мы и называем Святой Троицей.

Но больше всего Дейрдре потрясла не сама проповедь, а то, как он говорил. В голосе епископа звучала такая страсть, такая уверенность, такое тепло. Слушая его, Дейрдре словно обретала покой. И даже если она не совсем поняла, почему этот любящий Бог, о котором рассказал Патрик, обязательно должен быть всемогущим, она неожиданно обнаружила, что ей хочется, чтобы Он был таким. Жестокие старые боги уносились прочь, как улетают за горизонт грозовые тучи. И счастливого им пути, думала Дейрдре. Тепло, исходившее от проповедника, обволакивало ее. Его уверенность убеждала Дейрдре в его правоте. Она украдкой посмотрела на сына. Глаза юноши сияли.

К тому времени, когда епископ закончил говорить, мысль о том, что следует выполнять все его повеления, уже не казалась такой странной. Когда он спросил, желают ли они присоединиться к нему и принять крещение, Дейрдре вдруг поняла, что не хочет с ним расставаться. Принятие новой веры показалось ей способом продлить исходящее от него ощущение тепла и покоя. Сердце ее рвалось к нему навстречу, и она уже готова была делать все, что он пожелает. Но ведь однажды она уже послушалась зова сердца, и Конал тоже... Это опасный путь. Опасный для Морны.

– Крести меня! – вдруг воскликнула она. – Крести всех нас! Только пощади Морну! – Последние слова вырвались помимо ее воли.

– Пощадить его? – свирепо зыркнул на нее Патрик.

– Пощади!

Она увидела, как в глазах проповедника вспыхнул гнев. Он сделал несколько шагов в ее сторону, и на мгновение Дейдрре показалось, что он вот-вот ударит ее или проклянет, как друид. Но, к ее удивлению, на полпути епископ остановился, сокрушенно покачал головой, видимо отвечая каким-то собственным мыслям, а потом совершенно неожиданно опустился перед ней на колени.

– Прости меня, Дейдрре, – сказал он. – Прости мой гнев.

– Но почему... – Она не знала, что сказать.

– Если я не сумел тронуть твое сердце, это моя вина – не твоя. Только мое собственное несовершенство заставило меня разгневаться.

– То, что ты говорил, было прекрасно! – возразила Дейдрре. – Просто...

Он уже поднялся на ноги и прервал ее взмахом руки.

– Ты не понимаешь, – проворчал он и повернулся к Морне. – Ведь теперь ты вождь Уи Фергуса, – сказал он торжественно. – Хочешь ли ты, чтобы твоя семья приняла крещение?

– Да, – кивнул Морна.

– И если ты примешь от меня крещение, подчинишься ли ты моей воле во всем, что касается веры, будешь ли следовать моим указаниям, как делают эти молодые принцы?

– Буду, – сказал Морна.

– Тогда идем, – приказал епископ, – и я скажу, что мы должны делать.

Обряд крещения должен был происходить в воде. Взглянув на мелководье Лиффи, епископ решил, что река не самое подходящее место. Три родника в округе, которые он быстро осмотрел и благословил, тоже не годились. А вот темная заводь Дуб-Линн подошла как нельзя лучше, и Патрик велел всем немедленно собраться возле нее.

И вот Дейдрре, двое ее братьев и Морна, в длинных полотняных рубахах и накинутых на плечи плащах, в сопровождении полудюжины рабов, отправились в этот ясный, чуть прохладный сентябрьский день к краю заводи Дуб-Линн, чтобы принять крещение. Один за другим ступили они в ее черные воды, где уже стоял епископ Патрик, и погрузились в нее с головой на одно холодное мгновение, чтобы тут же вернуться назад, к свету, и принять от руки Патрика крещение именем Христа.

Они быстро вытерлись и обсохли. Все, кроме Дейдрре, казались бодрыми и веселыми и уже собрались возвращаться домой, как вдруг Риан, младший брат Дейдрре, неожиданно спросил:

– А это правда, что только христиане попадут в хорошее место?

– Так и есть, – заверили его.

– А все остальные будут гореть?

И это так, услышал он подтверждение.

– А как же мой отец?! – с неподдельным ужасом воскликнул Риан. – Выходит, и он будет гореть?

Они с братом немного посоветовались и пришли к единому мнению. Может, доводы их были немного странными, зато убедительными. Отец ушел к семейным богам. Пусть гости и считали этих богов ненастоящими, однако они всегда были здесь и худо-бедно, но защищали их. Если же Дуб-Линн и все родные Фергуса перейдут в христианство, это будет означать, что семья отвернулась от них. Оскорбила их. И тогда Фергус, как говорится, останется на мели. Старые боги, скорее всего, уже не захотят ему покровительствовать, а христианский Бог отправит его в ад.

– Мы не можем такое допустить, – заявил Риан; его брат тоже казался взволнованным.

Дейдре совсем растерялась, но, взглянув на священников, заметила, что никто из них ничуть не удивился.

А все потому, что христианские миссионеры сталкивались с этим сплошь и рядом. Что будет с нашими досточтимыми предками, когда мы примем новую веру, спрашивали новообращенные. По-вашему, они нечестивцы? Обычно на такие вопросы отвечали, что Бог окажет свою милость тем, кто просто не мог принять истинную веру, даже если бы захотел. Те же, кто слышал послание Христа, но отверг его, не могут ждать спасения. Такое объяснение выглядело вполне разумным, вот только не всегда устраивало людей. И тогда великий проповедник с севера нашел собственный способ выхода из этого затруднительного положения.

– Когда он умер? – спросил Патрик.

– Пять дней назад, – последовал ответ.

– Тогда выкапывайте его, – приказал Патрик. – Я окрещу его прямо сейчас.

Так они и сделали.

С помощью рабов братья извлекли отца из-под могильной насыпи у берега Лиффи. Бледное тело Фергуса, даже в смерти не потерявшее величавости, положили на траву, и епископ Патрик обрызгал его водой, осенил крестным знаменем, приведя тем самым усопшего в христианский мир.

– Не могу обещать, что он доберется до рая, – сказал епископ братьям с мягкой улыбкой, – но теперь надежды намного больше.

Они снова похоронили старого вождя, и Ларине воткнул в землю две деревяшки, соединенные крестом.

Когда все вернулись в поместье и уже собирались войти в дом, чтобы сесть у очага, епископ Патрик вдруг остановился и повернулся к хозяевам:

– А теперь вы можете оказать мне небольшую услугу.

Его тут же спросили, что за услуга. Патрик улыбнулся:

– Возможно, вам это не понравится. Я говорю о ваших рабах.

Услышав это, слуги, стоявшие вокруг, с надеждой воззрились на епископа.

– Ваши рабы – британцы. – Патрик снова улыбнулся. – Мои соотечественники. И, как вы знаете, они христиане. То есть часть моей паствы. – Он повернулся к Дейдре. – Жизнь раба тяжела, Дейдре дочь Фергуса. Мне это хорошо известно, ведь я сам был рабом. Их насильно увозят из родного дома, разлучают с семьей, лишают их храма Господня. Я хочу, чтобы ты освободила своих британских рабов. – Он опять улыбнулся. – Не бойся, они не всегда уходят. Обращаешься ты с ними хорошо, я это заметил. Но они должны стать свободными и сами выбрать, вернуться им домой или остаться с вами. Торговля людьми – варварство, – с чувством добавил он.

Дейдре увидела, как Ларине и остальные священники согласно закивали. Очевидно, все это было для них не в диковинку. Но сама она просто не знала, что ответить, – так поразили ее слова епископа. Морна тоже казался изумленным.

– Значит, мы должны отпустить их бесплатно? – спросил Ронан.

Патрик повернулся к нему:

– Сколько у вас рабов?

– Шесть.

– После набегов привозят много рабов, едва ли они дорого вам обошлись.

Брат Дейдре немного подумал.

– Но трое из них – женщины, – уточнил он. – И они делают всю тяжелую работу.

– Сохрани нас Господь... – пробормотал епископ и возвел глаза к небесам.

Наступило молчание. Потом Патрик со вздохом кивнул Ларине, и тот, сняв с пояса небольшой кошель, достал из него римскую монету.

– Этого достаточно? – спросил он.

Вероятно, он уже не в первый раз совершал подобные сделки, чтобы помочь британским христианам.

– Две! – быстро проговорил Ронан.

Может, брат и глуповат, подумала Дейрдре, но в том, что касалось торговли скотом, он истинный сын своего отца.

Ларине посмотрел на епископа, и тот кивнул. Через мгновение британские рабы уже стояли перед Патриком на коленях и целовали ему руки.

– Благодарите Господа, дети мои, – ласково сказал он им, – не меня.

Интересно, подумала Дейрдре, сколько у него на это уходит в год.

Ни одно из событий этого удивительного дня так и не облегчило страданий Дейрдре.

Морна стал христианином. И собирался ехать в Тару. А этот проповедник с его ангельскими речами, пусть даже его послал сам Господь, намерен подвергнуть ее сына смертельной опасности, и она ничего не может изменить. От безысходности Дейрдре охватила невыносимая тоска.

Епископ Патрик объявил, что уедет на следующий день. До отъезда с ним и его свитой надлежало обращаться как с почетными гостями. Сам епископ отдыхал возле очага. Ларине ушел к устью реки, бродил там довольно долго, потом вернулся и сел у входа в дом в полном одиночестве. Дейрдре со слугами начали готовить угощение. Морна все это время был вместе с молодыми принцами из свиты епископа. Дейрдре слышала их веселый смех, доносящийся снаружи. Она сразу поняла, что новые знакомые очень нравятся ее сыну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.